

ЧЕЛОВЕК
.....
СООБЩЕСТВО
.....
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

№2 · 2006

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

2-2006

Издается с марта 1999 г.
Периодичность – 4 номера в год

Свидетельство о регистрации
№Р2829 от 16 марта 1999 г.
выдано Северо-Кавказским
региональным управлением
по СМИ

Учредитель:

Кубанский государственный
университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149, к. 404-н
Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149
Кубанский государственный
университет

Дизайн обложки:

С.Г.Ажгихин, М.Н.Марченко

Оригинал-макет:

Д.А.Хрипков

Отпечатано в типографии

«Агропромполиграфист»

350062, г. Краснодар, ул. Ковалева, 5

Подписанов в печать 29.03.2006

Уч.-изд. л. 12,87. Усл. печ. л. 12,66

Тираж 600 экз. Заказ №

Главный редактор:

Е.В.Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

Т.А.Алексеева, д-р филос. наук, проф. (МГИМО (У)); **Л.А.Арутюнян**, д-р филос. наук, проф. (Ереванский ГУ); **В.А.Бабешко**, д-р физ.-мат. наук, проф., академик РАН (Кубанский ГУ); **А.А.Бодалев**, д-р психол. наук, проф., академик РАО; **А.А.Гаврилов**, д-р экон. наук, проф. (Кубанский ГУ); **С.Деллер**, PhD, проф. (университет Висконсин – Мэдисон, США); **В.В.Знаков**, д-р психол. наук, проф. (Институт психологии РАН); **Я.Л.Коломинский**, д-р психол. наук, проф. (Белорусская академия образования); **Л.Е.Лаптева**, д-р юр. наук, проф. (Институт государства и права РАН); **Е.В.Морозова**, д-р филос. наук, проф. (Кубанский ГУ); **Х.Пилкинсон**, PhD, проф. (Бирмингемский университет, Великобритания); **А.Л.Стризов**, д-р филос. наук, проф. (Волгоградский ГУ); **П.М.Хакуз**, д-р филос. наук, проф. (Кубанский ГТУ); **А.Ю.Чирг**, проф. (Адыгейский республиканский государственный институт гуманитарных исследований); **В.К.Шаповалов**, д-р пед. наук, проф. (Северо-Кавказский ГТУ); **В.Ю.Шпак**, д-р филос. наук, проф. (Ростовский ГУ); **Е.Р.Ярская-Смирнова**, д-р социол. наук, проф. (Саратовский ГТУ).

Редакционная коллегия:

О.А.Оберемко, зам. гл. редактора, канд. социол. наук, доц.; **Г.С.Курбатова**, отв. секретарь; **Т.Т.Авдеева**, д-р экон. наук., **В.П.Бедерханова**, д-р психол. наук, проф.; **А.И.Приходько**, д-р техн. наук, проф.; **А.М.Ждановский**, канд. ист. наук, доц.; **А.А.Лузаков**, канд. психол. наук, доц.; **З.И.Рябикина**, д-р психол. наук, проф.; **В.М.Юрченко**, д-р филос. наук, проф.

2-2006

Содержание

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

- Зарицкий Т.* Образ России в конструировании польской национальной идентичности 4
- Оберемко О.А.* Социальная идентификация и качество социальной структуры 19

15 ЛЕТ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В РОССИИ

- Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В.* Феноменология профессионализма: практическое знание в социальной работе 71
- Албегова И.Ф.* Современное состояние теории социальной работы как области научного познания 36
- Антонова Е.П.* Мотивы детского труда в отрядах «Милосердие» 51
- Хлынина Т.П., Тинский Э.Б.* Государственная поддержка малообеспеченных категорий населения в Республике Адыгея: опыт сравнения 1920-х и 1990-х гг. 62

КАФЕДРА

- Тартаковская И.Н.* Гендерный дискурс в классической социальной теории . 87
- Парсонс Т.* Американская семья: ее отношения с личностью и социальной структурой. 104

ВОПРОСЫ ИСТОРИОСОФИИ

- Титова Л.Г.* Гуманитарные ценности в современном политическом процессе 113
- Дзема А.И.* Становление «открытого общества» и поэлементная социальная инженерия Карла Поппера 121
- Бойко П.Е., Сумин О.Ю.* Идея России: особенности современной философии русской истории 131

ПРАКТИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

- Григорьев А.Н., Сухоцкий А.А., Сидоров А.Б.* Телекоммуникационные технологии в региональном управлении и повышении конкурентоспособности территорий (на примере Новгородской области) . 142

РЕФЕРАТЫ156

SUMMARY160

ОБРАЗ РОССИИ В КОНСТРУИРОВАНИИ ПОЛЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Т. Зарицкий*

Конструирование образа России в польском публичном дискурсе продуктивно рассматривать сквозь призму взаимоотношений двух стран периферии, которая конституируется структурной и экономической слабостью по сравнению с центром, т. е. с широко определяемым Западом. Экономическая отсталость находит отражение в самых разных измерениях дискурсивных репрезентаций себя и Другого. При этом ощущение отсталости и подчиненности центру возникает в периферийных регионах самопроизвольно и часто доминирует в том, как страна воспринимается изнутри и как ее воспринимают извне. Это в свою очередь порождает характерный для периферии комплекс неполноценности, проявляющийся в самых разных масштабах геополитической организации: от континентов до периферийных социальных групп, не имеющих четкой пространственной идентификации. Сопоставление направления экономических, политических и культурных влияний, стандартов жизни, эффективности организации социально-экономической жизни, а также общее благополучие центра на фоне переживаемых периферией проблем маргинализации, бедности, структурной неразвитости постоянно рожают психологический дискомфорт. Для обеспечения стабильности социальной системы последствия относительной де-

* Томаш Зарицкий – кандидат социологии, заместитель директора Института социальных исследований Варшавского университета (www.iss.uw.edu.pl/zarycki). Электронная почта: t.zarycki@uw.edu.pl.

Данный текст представляет собой сокращенную версию главы из готовящейся к изданию книги: Россияне и поляки на рубеже веков. Опыт сравнительных исследований социальных идентификаций (1998–2002 гг.) / Под ред. В. А. Ядова и Е. Н. Даниловой. СПб.: Изд-во РХГИ.

Перевод с английского выполнен О.А.Оберемко.

¹ По данным опроса, проведенного Центром изучения общественного мнения (CBOS) в июле 2002 г., 45 % респондентов считали, что введение визового режима с Россией (а также с Беларусью и Украиной) принесет Польше больше пользы, однако 30 % полагали, что оно нанесет вред. Последнюю точку зрения разделяло большинство жителей приграничных регионов [18].

приватии приходится контролировать, прежде всего символическими средствами. Совладание с комплексом неполноценности становится ключевой задачей, и ответственность за ее решение ложится на периферийные элиты. Проблема компенсирования болезненного ощущения слабости и недостатка уважения со стороны центра требует не только оперативного политико-экономического управления, но и выработки долгосрочных политических стратегий по формированию национальной идентичности.

В формировании современной польской идентичности образ России играет ключевую роль, выполняя в дискурсивных механизмах ряд функций, связанных с компенсированием слабости периферийной Польши по сравнению с Западом. Образы России и Советского Союза практически не различаются и используются в польских дискурсах субнационального, национального и супранационального уровней. В субнациональном контексте роль России может анализироваться с точки зрения конкретных социальных групп, в частности, выделенных по политическому признаку. Главный политический раскол на левых и правых в позднекоммунистической и посткоммунистической Польше был связан с отношением к Советской России [21]. В стане правых преобладала жесткая линия бескомпромиссной борьбы с засильем Москвы, тогда как в стане левых господствовали прагматичные соображения в пользу сотрудничества с СССР. Сегодня этот раскол трансформировался в конфликт интерпретаций коммунистического прошлого. Неудивительно, что демонизация России особенно активно транслируется антикоммунистами справа, и этот образ разделяется большинством поляков. Более сдержанные взгляды мы находим в левой части политического спектра, однако и там трудно найти горячих и безусловных поклонников России, поскольку польские левые элиты сохранили преимущественно прагматическую (некоторые сказали бы оппортунистическую) установку по отношению к России.

Дискурс польской национальной идентичности условно делится на два потока: один предназначен для международной, прежде всего западной публики, другой – для внутреннего потребления. Можно выделить пять главных функций негативного образа России: 1) негативная точка отсчета для переоценки, переопределения слаборазвитости Польши; 2) фактор усиления европейской идентичности Польши; 3) объединяющая нацию угроза; 4) роль угнетателя – центральный пункт для формирования основанной на жертвенности польской идентичности; 5) сфера исключительной экспертизы поляков.

Ключевая роль России в польском политическом дискурсе состоит в переоценке слабости Польши. Сравнение с Россией позволяет польским элитам снижать остроту внутренних проблем и одновременно открыто говорить о них, что принципиально важно, например, для поддержания доверия к себе. На фоне репрезентаций гигантского отставания России в социальном, экономическом и

политическом развитии те же самые слабости Польши – отсталость в развитии, бедность, коррупция, общая хрупкость гражданского общества и т.п. – должны по идее восприниматься как несущественные или, по крайней мере, уже привычные в европейском контексте. Сравнение слабых сторон Польши и России позволяет укреплять самоуверенность в спорах с иностранцами, а дома исцеляться от недовольства. Последнее, по-видимому, возникает не столько из-за объективных проблем, сколько из-за склонности негативно воспринимать собственную страну и состояние ее экономических, социальных и политических институтов. Польский фатализм уже стал предметом академических исследований; социальный психолог Богдан Войцишке разрабатывает концепцию «польской культуры сожаления» [19]. С геополитической точки зрения в Польше можно обнаружить своего рода постколониальный синдром утраты иллюзий. Этот синдром пережили многие страны после своего освобождения от внешней зависимости, которую они прежде считали единственным фактором, тормозившим социальное и экономическое развитие. Постколониальный (в данном случае посткоммунистический) синдром проявился и в том, что после снятия центром длительного запрета на выражение недовольства оно получило весьма интенсивное выражение, вплоть до открытого отвращения.

Большинство польских газет и телеканалов рисует состояние дел в Польше в черных красках. Может даже сложиться впечатление, что страна неуклонно движется к полному краху. Ответы на вопросы «каковы причины?» и «кто виноват?» зависят от идеологических симпатий конкретного источника коммуникации, но пораженчество свойственно всем. В такой ситуации взгляд на Восток – самое простое утешение. Именно поэтому польские СМИ столь охотно пишут о любом промахе или слабости России. В самом деле, когда взаимодействуют поляки, россияне и граждане других стран Восточной и Центральной Европы, они постоянно осуществляют мониторинг друг друга, специально выискивая те слабости, которые могут служить доказательством нецивилизованности, некультурности и неевропейскости в целом. От пытливого взгляда почти невозможно уклониться, и это напоминает ситуацию некоторых обществ на Западе, где классовые разломы повышают чувствительность к манерам, произношению, костюму и тому подобным вещам. Похоже, что шкала «центр – периферия» особенно важна для социальной стратификации именно в периферийных обществах, в которых разделение на классы обычно выражено не полностью. На периферии в межгрупповых и внутригрупповых отношениях степень интернализации культуры центра гораздо важнее обладания экономическими активами. Таким образом, в периферийных обществах культурный капитал играет исключительную роль.

Говоря о польском комплексе неполноценности, следует подчеркнуть, что, по данным многих опросов, поляки выражают гораздо более высокий уровень гордости за свою страну, чем в среднем на Западе. Более того, И. Курчевска [8], опираясь на данные эмпирических исследований, видит в неуважительном от-

ношении поляков к восточным соседям явный комплекс превосходства. Можно согласиться, что этот феномен существует, и даже можно связать его с «имперским комплексом» поляков². Однако Польша – такая страна, в которой постколониальный синдром (в форме посткоммунистического похмелья) уживается с постимперским синдромом. Последний питается прежде всего воспоминаниями о славном польско-литовском содружестве XVI–XVIII вв. Привязанность к этим историческим образам охлаждалась во времена, когда польского государства не существовало, и проявлялась в активном обращении к истории для поддержания национальной идентичности. Несмотря на то что сегодня о территориальных претензиях большинство поляков уже не помышляют, убеждение в особом статусе Польши на международной арене, по крайней мере, в восточно-европейском ареале, сохранилось и разделяется большинством польских элит. В частности, оно проявляется в покровительственном, даже высокомерном отношении к восточным соседям, особенно к тем, которые исторически были частью Первой Речи Посполитой. Это отношение, сейчас гораздо более слабое и менее открытое, глубоко укоренено в польской культуре, особенно в литературе. Однако комплекс превосходства поляков перед Востоком нельзя отрывать от комплекса неполноценности перед Западом, поскольку первый фактически является функцией второго. Даже если высокомерие по отношению к Востоку имеет собственные исторические корни, оно в значительной мере стимулируется сильным комплексом неполноценности перед Западом. Эти рассуждения вполне в духе Чеслава Милоша, который писал, что «под рыцарской самоуверенностью поляков скрывается громадный комплекс неполноценности» [10]. Именно в нем Милош видит главный источник польского антисемитизма, который, по его мнению, имеет преимущественно крестьянские корни.

Восприятие России в Польше хорошо укладывается в известное противопоставление Восток–Запад, один из величайших метанарративов европейского континента. Как указывал А. Нойман [11, р. 103], мифический Восток исторически является одним из важнейших значимых других для формирования европейской идентичности. Для Польши важнейшие символы Востока – Россия и Турция. Как пишет А. Нойман, схема Восток – Запад включает такие пары оппозиций как тело – разум, природа – цивилизация, варварство – цивилизованность, тоталитарное – демократическое, азиатское – европейское, несвободное – свободное, план – рынок, наступательное – оборонительное и многие другие. Логика Восток – Запад особенно сильно укоренена в пограничной зоне. Споры о принадлежности России и Турции к Европе активно ведутся как внутри этих

² И. Призель, реконструируя историю попыток преодоления поляками имперского комплекса, указывает на принципиально важную роль выходявшего в Париже журнала «Kultura» и особенно работы Людвика Мерошевского. И. Призель указывает, что, по сравнению с довоенной Польшей и современным политическим дискурсом России, современная Польша почти полностью распрощалась с мечтами об империи [13].

стран, так и на всем старом континенте. Именно в зоне перехода активно ведется поиск границ между Азией и Европой, причем восточный рубеж обычно проводят по границе собственной территории. Так делают в большинстве наций-государств Восточной, Центральной и Южной Европы. С. Жижек пишет, что для всякой южноевропейской нации Балканы начинаются за их юго-восточной границей [23]. В странах Восточной и Центральной Европы, в том числе и в Польше, Восточная Европа начинается за их границами, а сами себя они предпочитают называть центральноевропейцами. Некоторые немцы по-настоящему европейской считают только западную часть Германии, некогда входившую в состав Римской империи. К. Аденауэр, например, проводил восточную границу Европы по Эльбе [11, р. 102]. В разных регионах Польши границу между Азией и Европой проводят по-своему: одни – по Бугу (сегодняшняя восточная граница Польши), другие – по Висле. В Висле видят межцивилизационный барьер некоторые современные социологи [6], исторические фигуры вроде маркиза де Кюстина и даже некоторые жители Варшавы, которые считают Прагу азиатским и столь экзотическим предместьем, расположенным на правом берегу Вислы, что они бывают в нем реже, чем в западноевропейских столицах. Важное символическое значение имеет проходящая по территории современной Польши историческая западная граница Российской империи периода с 1815 по 1915 г. В региональном дискурсе постоянно воспроизводятся представления об отсталости бывшей российской части Польши. Особенно глубоко эти представления укоренены в дискурсе региональной идентичности в бывших прусском и австрийском секторах. Многие варшавские аналитики и комментаторы используют не столько исторические нарративы, сколько объективные данные об экономической и социальной неразвитости той части польской территории, которая четко отделяется бывшей границей Российской империи. Символическая граница между российской и прусской Польшей весьма заметна в Верхней Силезии, восточная граница которой проходит по реке Брыница, некогда разделявшей Россию и Пруссию [14]. Некоторые современные польские историки утверждают, что для польской культуры наиболее благотворным было австрийское правление; иногда в нем с гордостью видят доказательство европейскости региона.

Отказ от восточного наследия, особенно российского, представляется наиболее характерной чертой польской национальной и некоторых региональных вариантов идентичности. Влияние России на польскую экономику и общество, особенно в период после разделов Польши, считается в основном негативным и даже разрушительным. Если и упоминаются случаи положительного влияния, о них говорят как о редчайших исключениях³. В то же время российское культурное влияние, особенно в регионах, входивших в Российскую империю,

³ Примером может служить Сократес Старынкевич, русский мэр Варшавы в 1875–1892 гг., которого помнят за исключительные личностные качества и заслуги в модернизации городской инфраструктуры. Старынкевич, кажется, единственный российский чиновник, чье имя сохранилось в топонимике Варшавы.

квалифицируется как временное и поверхностное, а русской культуре в целом иногда совершенно отказывают в какой-либо привлекательности для поляков. Например, в респектабельной ежедневной газете «Речь Посполита» Кшиштоф Клопотовский писал, что от российского владычества, отсталого в цивилизационном и примитивного в культурном отношении, в польском языке остались лишь «водка», «указ» и «кибитка», тогда как поляков сильно привлекал мир германской культуры [7].

Нечего говорить о крайней односторонности приведенного суждения. Для многих поляков российская идентичность была крайне притягательной как с экономической, так и с культурной точки зрения. Достаточно вспомнить написанное в 1920 г. эссе Мариана Здзеховского «О русском влиянии на польскую душу» [22]. В нем ведущий в Польше специалист по русской литературе и философии рубежа веков и большой поклонник русской культуры критиковал растущее и, как он утверждал, одностороннее преклонение перед всемирным величием русской культуры. Он сетовал, что польская культура все больше игнорируется польской интеллигенцией за ее поверхностность и провинциальность.

В целом можно говорить о широком замалчивании российского влияния на польскую культуру и общество. Оно ведет свою историю как минимум со времен разделов Польши. Не так давно историк Януш Тазбир [15] представил широкую панораму «народной», или «национальной» цензуры. Я. Тазбира более всего интересует табуирование, которому подверглись историки и писатели XIX в. Он пишет, что после разделов Польши присутствие Российского государства в польской литературе обнаруживается лишь при упоминании денег. Только рубли и копейки дают возможность читателю понять, что действие происходит в той части Польши, которая отошла к Российской империи. Подобная «цензура» прослеживается в известном романе Болеслава Пруса «Кукла».

Я. Тазбир пишет также о замалчивании роли поляков в политической и академической жизни Российской империи. Самым показательным примером он считает отсутствие упоминаний о поляках, сделавших карьеру в Петербурге. Тех, кто достигал успеха в российской столице, обычно негативно характеризовали как карьеристов, ренегатов, опустившихся взяточников и пьяниц. Польский историк приводит классический пример Адама Мицкевича, в биографиях которого крайне редко упоминается факт его пребывания в Петербурге, положившего начало его успеху, так как именно в российской столице он был замечен, по-настоящему оценен и провозглашен великим поэтом. Статья Я. Тазбира целиком посвящена истории, в основном XIX в., а между тем современный польский дискурс тоже полон примеров замалчивания российских связей с польской культурой и историей. Неприкрытость такого замалчивания поражает и унижает европейскость Польши. В качестве примера можно привести споры о маршрутных табличках на вагоне трамвая XIX в., который несколько лет назад был приобретен городскими властями Варшавы. Поскольку в нахо-

дившейся на территории Российской империи польской столице все вывески были двуязычные, историческая правда требовала, чтобы таблички были и на русском, и на польском языке. Однако это признал нежелательным даже мэр Варшавы Павел Пискорский, который заявил, что опасается мнений прессы [9]. Можно также критически взглянуть на сайт Варшавского университета⁴ и его музея, где представлен российский период истории. История Варшавского императорского университета фактически не считается частью истории университета, а имена его ректоров не включены в общий список ректоров⁵. В то же время в Польше часто критикуют университеты Львова и Вильнюса за недостаточную экспозицию польского периода их истории.

При конструировании негативного образа часто подчеркивается, что Россия по-прежнему представляет угрозу, причем не только для Польши, но и для других европейских стран. Поляки особенно чувствительны к малейшим признакам российского экспансионизма. Новости и комментарии о России, в которых указываются действительные или потенциальные признаки возрождения имперских наклонностей восточного соседа, идут постоянным потоком в польских СМИ. Эти угрозы видятся в каждом действии, в каждом призыве, направленном на укрепление власти центра, а также едва ли не во всех внешне-политических действиях России, особенно в отношении важных для Польши стран – Беларуси и Украины. Особое место в этом контексте занимает крайне критическое восприятие войны в Чечне⁶. В новостных сводках постоянно звучит мотив неспособности России порвать с имперским наследием, который легко превращается в предупреждение о возможных амбициях в отношении Польши, а в будущем, кто знает, и в отношении других европейских государств. Конечно, сейчас не говорят об угрозе военного вторжения, но угроза видится в других сферах, прежде всего в экономической. Тема поставок природного газа по трубопроводам является ключевой и весьма щекотливой для политиков, поскольку зависимость от российского газа считается главной угрозой польскому суверенитету.

Во внутренней политике основная функция российской угрозы заключается в интеграции поляков. Даже в отсутствие актуальной опасности образ гроз-

⁴ См.: <http://www.uw.edu.pl/en.php/history/1870e.html>.

⁵ См.: <http://www.uw.edu.pl/pl.php/wczoraj/historia/poczet.html>.

⁶ Интерес поляков к войне в далекой Чечне особенно хорошо иллюстрирует ключевую роль России в формировании польской национальной идентичности. Широкую поддержку небольшого мусульманского народа на Кавказе можно противопоставить почти полному пренебрежению делами в гораздо более близкой бывшей Югославии и отсутствию либо определенных симпатий к какой-либо из сторон конфликта в этом регионе. Правда, в последние годы поддержка чеченцев снизилась. По данным опросов CBOS, в январе 2000 г. она составляла 48 %, а к ноябрю 2002 г. упала до 26 %. В то же время лишь 9 % поляков поддерживали российскую сторону в конфликте и 6 % возлагали ответственность за развязывание войны на чеченскую сторону (33 % – на российскую) [24].

ного соседа, построенный на исторической памяти, служит фундаментальным средством легитимации польской национальной идентичности и институтов польского национального государства, необходимого для защиты народа от общего врага.

В то же время многие аналитики утверждают [4], что образ потенциальной угрозы со стороны России лежит в основе польской внешней политики в посткоммунистический период, включая такие ее приоритеты, как вступление в НАТО и ЕС. Даже если опасения обосновываются не реальной агрессивностью российской политики, а имманентно присущей непредсказуемостью, российская угроза делает поведение Польши на международной арене вполне последовательным и предсказуемым.

Для современной Польши также важен мотив страданий от угнетения России. Чем длиннее список перенесенных страданий, тем обоснованнее моральное превосходство Польши в своих отношениях с Востоком и Западом. За несчастья, принесенные Польше в эпоху советского владычества, несет ответственность и Запад, сдавший Польшу Москве в Ялте и Потсдаме, и этот аргумент используется для того, чтобы внушить Западу мысль о долге, который он должен вернуть Польше.

В то же время Польша отказывается признавать историю своих агрессивных действий по отношению к соседям. Более того, Польша репрезентируется как исключительно мирное государство и вместе с Литвой пропагандирует миф и своей неагрессивности.

Страдания и потери поляков прежде всего описываются в моральных и культурных терминах, особо подчеркивается утрата культурного капитала в человеческом и объективированном измерениях. Часто упоминают о гибели значительной части польской интеллектуальной элиты. Катынская расправа стала центральным символом страданий поляков, принесенных Россией. Всякий намек на то, что Катынь может символизировать общность судьбы коммунистического порабощения польского и российского народов, обычно отвергается.

Россия является важным элементом польской идентичности еще и потому, что рассматривается как объект, в котором поляки особенно компетентны. Долгая история взаимоотношений, понесенные Польшей жертвы, испытания российского, а потом советского ига обогатили поляков особым, непосредственно полученным из первых рук знанием «российской души». Претензии на исключительную компетентность поляков во всем, что касается России, объясняется, с одной стороны, длительностью и суровостью российской оккупации, а с другой – заведомой европейскостью Польши, которая позволяет выражать свое уникальное знание Востока в западноевропейских понятиях. Польша –

нация славянская и католическая одновременно. Первое обстоятельство позволяет глубоко понимать Россию, второе предопределяет ее принадлежность к западному христианству и тем самым к Западной Европе. Эти соображения часто выдвигаются для обоснования идеи о том, что Польша служит мостом или посредником между Россией и Западом. Однако сегодня растет убеждение, что России не нужны посредники в ее контактах с Западом, а поэтому Польше остается роль эксперта. Мнение об особом понимании России в Польше широко распространено. В последние годы идея исключительной компетентности Польши в российских делах горячо обсуждается в связи со вступлением Польши в ЕС. Утверждается, что ввиду особенностей исторического опыта и интересов Польше следует претендовать на важную роль в формировании восточной политики Европейского союза [3].

Есть еще один аспект компетентности Польши в России и восточноевропейских делах, который очень активно муссируется: Восток являет собой источник духовности, неведомой материалистическому Западу. Идея о том, что Россия – «душа Европы», естественно, популярна в самой России и имеет долгую историю в ее восприятии Западом. Как пишет А. Нойман, именно так смотрел на Россию де Местр, который верил, что русские обладают «врожденной мудростью, в смысле отсутствия рациональности, установленной Просвещением в качестве европейского и всемирного идеала» [11, р. 93]. Поэтому поляки полагают, что знание этой духовности и накопленный опыт взаимодействия с восточными соседями дают им преимущество перед другими народами Запада. Такой взгляд уже давно присутствует в дискурсе польской идентичности. Показателен пример Адама Мицкевича, который сочетал ощущение морального превосходства и презрения к России с уважением и даже восхищением ее духовностью. Традиционное почтение к восточной духовности продолжают выражать ключевые фигуры для дискурса польской идентичности. В качестве примера можно привести послание Папы Иоанна-Павла II «*Oriente Lumen*» от 1995 г.

Среди польских писателей и ученых можно найти уникальных знатоков «русской души». В конце XIX в. и в межвоенный период таким знатоком был Мариан Здзеховский, знакомый с Н. Бердяевым, братьями Трубецкими и Д. Мережковским. В коммунистический период писатель и художник Юзеф Чапский опубликовал несколько книг (наиболее важная – «Бесчеловечная земля») и эссе во влиятельном ежемесячном журнале «*Kultura*», издававшемся в Париже польской эмиграцией. Традицию продолжил Мариуш Вилк [17], проведший несколько лет на Соловках. Его первая книга «Дневники беломорского волка» недавно была переведена на английский язык. Другой современный пример восхищения русской, православной, восточной духовностью являет «Фронда», периодическое издание молодых католиков-консерваторов.

Может, конечно, возникнуть интересный вопрос: насколько такой экспертизе можно верить. Большинство поляков, по крайней мере, те, которые интересуются международной политикой, осознают, что им часто приписывают антироссийские настроения, а их суждения подвергаются сомнению как русофобские. Отсюда постоянная забота о правдоподобности польского дискурса о России.

Наиболее крайний взгляд во внутреннем споре о возможности Польши быть экспертом по России недавно выразил Анджей Валицкий. Свою эмоциональную критику основного течения польского дискурса о России он направил не столько на комментаторов правого крыла, известных своими антироссийскими позициями, сколько на либеральные СМИ, в частности, на наиболее уважаемые и влиятельные издания «Речь Посполита» и «Газета wyborcza». Среди персонально упомянутых авторов Валицкий не пощадил даже бывшего министра иностранных дел и бывшего лидера Союза свободы Бронислава Гермекса. Хотя А. Валицкий признал, что Б. Гермекс отрицал обоснованность страхов Польши перед экспансионизмом России, он решительно осудил его попытки защитить поляков от обвинений в русофобии. По мнению А. Валицкого, утверждения Б. Гермекса о том, что опасения Польши происходят из-за беспокойства о будущем демократии в России, лишены оснований, а поддержка бывшим министром иностранных дел оппозиционных Путину либеральных политиков он назвал ошибкой. Фактически А. Валицкий прямо увязывает внутрироссийский политический конфликт с польскими дебатами о России и занимает в обоих вопросах совершенно определенную и ясную позицию. В частности, он пишет:

«Несомненно, что российская оппозиционная интеллигенция репрезентирует давнюю и глубоко трагичную традицию борьбы с российской государственностью. Несомненно и то, что есть множество оправданий ее нервозности, порой даже истеричности по поводу всякой попытки построить в России „сильное государство“. Однако это не является основанием для того, чтобы считать ее мнение о путинской России объективным и авторитетным. Как раз наоборот! Когда поляки цитируют мнения Сергея Ковалева, весьма интенсивная, хотя и отличная по происхождению и содержанию „антиавторитарная“ аллергия российских радикалов лишь усиливает польский национальный невроз. Тезис о том, что только демократические силы могут обеспечить стабильность и поступательный прогресс в России также представляется крайне сомнительным» [16].

Трудно сказать, какую поддержку встречает позиция А. Валицкого среди различных слоев польского общества и элит. На его критику ответил в «Речи Посполитой» Славомир Поповский [12], который отверг обвинения в русофобии, а Валицкого обвинил в русофилии. Эта позиция, по мнению С. Поповского, так же абсурдна, как и русофобия, отличающаяся лишь направленностью стереотипов. Он предположил, что А. Валицкий просто воспроизвел типичный

ответ Кремля своим критикам. Более того, С. Поповский нашел комментарии А. Валицкого по поводу либеральной российской интеллигенции шокирующими и подверг критике мнение о том, что Путин – единственный эффективный сторонник модернизации и вестернизации России. С. Поповский подчеркнул, что, в противоположность мнению Валицкого, поляки воспринимают Путина не только через призму войны в Чечне, поскольку они равным образом осуждают и террористические акции, и жестокость российской армии. Гораздо важнее то, что действия России в Чечне критикуют не только поляки, но и Запад, в частности Совет Европы, тем самым С. Поповский включает представления поляков о России в западный контекст. Упоминание взглядов Запада, оценка выгод и упущений от выражения Польшей особого мнения о России, по-видимому, еще раз подтверждают полезность интерпретации дискурса польской идентичности в контексте оппозиции центр – периферия.

Рассмотрение роли России в формировании современной польской идентичности завершим ссылкой на теоретический подход, предложенный недавно Дж. Эйалом и его соавторами [5]. Они полагают, что природу системы социальной стратификации можно описать с помощью теории П. Бурдье о трех формах капитала: экономического, культурного и социального; частной формой выражения последнего П. Бурдье считал политический капитал [1]. Указанные авторы проинтерпретировали эволюцию центральноевропейских обществ в терминах изменения роли типов капитала в определении правил социальной иерархии. Сходным образом теорию капиталов можно применить к анализу программ национальной идентичности. Связь между социальной стратификацией и доминирующим пониманием социальной идентичности представляется очевидной, и можно ожидать, что идентичность любой группы будет отражать природу правил внутренней социальной иерархии. Таким образом, различия между польской и российской национальной идентичностью можно проинтерпретировать, используя понятия П. Бурдье. С этой точки зрения, ключевое различие заключается в том, что в Польше центральную роль играет культурный капитал, тогда как в России – капитал политический. Современная польская национальная идентичность из-за временной утраты государственности сильно связана с религиозной, а именно с католической идентичностью, и основывается на этосе сильной виктимизации, в котором подчеркиваются два фактора: внешняя угроза и высокие моральные качества угнетенной нации. Как указывал М. Эшли [2], виктимизация есть интегральная часть любой программы национальной идентичности, хотя ее роль и значение могут различаться. Доминирующая среди поляков модель национальной идентичности строится на виктимизации, в которой Россия играет ключевую роль. Что касается современной российской идентичности с ее наследием многонациональной империи и статусом сверхдержавы, то она опирается на роль государства,

которая на теоретическом языке может отождествляться с политическим капиталом.

В последние годы в эволюции политических настроений в Польше и России происходили колебания в интенсивности опоры на центральный аспект национальной идентичности. Так, приход Б. Ельцина к власти можно проинтерпретировать как следствие недовольства советской моделью социальной организации, в которой доминировал политический капитал. Восхождение В. Путина, в свою очередь, произошло вследствие недовольства тем, что 1990-е гг. экономический и культурный капитал стал играть главную роль в социально-экономической жизни страны. Хождение многочисленной когорты интеллектуалов во власть в ранние ельцинские годы и появление олигархов стали символами указанной тенденции. В Польше наблюдалась обратная последовательность. Фигуру Л. Валенсы можно рассматривать как символическую опору на традиционную модель польской идентичности, основанную на католицизме, виктимизации и крайне моралистическом дискурсе. Его поражение от А. Квасьневского можно проинтерпретировать как исчерпание (пожалуй, временное) влияния культурного капитала в польской политике и подъем политического и экономического капиталов.

Несмотря на снижение роли культурного капитала в Польше, которое отразилось на политической роли интеллигенции [20], можно утверждать, что в далекой перспективе он снова будет играть центральную роль в польской национальной идентичности. Подчеркивание цивилизационных и моральных качеств поляков в контрастном сравнении с Россией ясно указывает на опору в самопрезентации на культурный капитал. Встречаются и прямые попытки компенсировать политическую и экономическую неразвитость Польши конструированием идентичности на основе культурного капитала. При этом, с одной стороны, подчеркивается сила государства и военная мощь России, а иногда и ее экономическое богатство, а с другой – говорится о том, что Россия – дикое, нецивилизованное, грубое, неевропейское общество, подавляющее наряду с собственными гражданами другие нации и неспособное порвать с тоталитарным, коммунистическим и имперским наследием. Иными словами, использование образа России в борьбе с комплексом собственной неполноценности по отношению к Западу представляется одним из элементов более широкой стратегии, направленной на компенсацию экономической и политической отсталости.

В России действует сходный механизм, однако компенсация достигается за счет политического капитала, что наилучшим образом доказывается популярностью идеи сильного государства. Сила государства базируется прежде всего на сильной армии и спецслужбах. Роль армии в замещении экономического капитала политическим хорошо описана Призелем, который отмечал, что «недовольство реальностями России и двусмысленность ее роли в Европе породили

в русской душе сильную зависимость от российских вооруженных сил, необходимых, чтобы компенсировать ощущение неполноценности перед Западом» [13, p. 172].

Стратегия усиления национальной идентичности за счет культурного капитала предполагает претензии на превосходство, основанное на особом знании, причастности, мудрости, обладании культурным наследием, компетентностью в высокой культуре, формальной образованностью, манерами, моральными качествами. Все эти элементы присутствуют в современном дискурсе польской национальной идентичности, а образы России используются для их оправдания.

Когда говорят о цивилизационной компетентности поляков, часто прибегают к нарративу исключенности России из основных процессов формирования современной европейской идентичности – Возрождения, Реформации, Просвещения и т. п. Превосходство Польши здесь проявляется еще и в том, что П. Бурдые называл «объективированным культурным капиталом», т. е. материальными объектами, обладающими культурной ценностью. Архитектура может служить наилучшей иллюстрацией: присутствие на исторической территории Польши романской и готической архитектуры, памятников эпохи Возрождения используется как доказательство превосходства над русским Другим.

В польском политическом дискурсе Россия часто рисуется негативно, как менее цивилизованная страна, представляющая для Польши военную, политическую или экономическую угрозу. При этом поляки в некоторых отношениях с большей открытостью и меньшей боязнью смотрят на Россию, чем многие народы Запада. Хорошим примером может служить тот факт, что Польша, ввела в 2003 г. визовый режим для российских граждан (как и граждан Беларуси и Украины), вопреки мнению значительной части польского общества¹, только под сильным давлением Европейского союза. Не претендуя на репрезентативную картину того, как Россия воспринимается в Польше, мы сосредоточимся на функциях, которые негативные аспекты образа России, представленные в польском общественном дискурсе, выполняют в конструировании польской национальной идентичности.

Библиографический список

1. *Бурдые П.* Формы капитала / Пер. с англ. М.С. Добряковой; науч. ред. В.В. Радаев // *Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики.* М.: РОССПЭН, 2004.
2. *Ashley M.* Nations as Victims: Nationalist Politics and the Framing of Politics : Paper Presented at the Annual Meeting of the American Political Science Association. 2001. September.

3. *Cichocki J. et al.* Polska a wymiar wschodni UE // Wymiar wschodni UE – szansa czy idée fixe polskiej polityki. Warszawa: Centrum Stosunków Międzynarodowych, 2002.
4. *Cywiński B.* Europa w poszukiwaniu duszy: Jaka wspólnota? // Rzeczpospolita. 2003. 4 października.
5. *Eyal G. et al.* Making Capitalism without Capitalists: The New Ruling Classes in Eastern Europe. L.: Verso, 1998.
6. *Jałowiecki B.* Przestrzeń historyczna, regionalizm, regionalizacja // Oblicza polskich regionów. Warszawa: Europejski Instytut Rozwoju Regionalnego i Lokalnego UW, 1996.
7. *Kłopotowski K.* Program dla P. // Rzeczpospolita. 2003. 10 października.
8. *Kurczewska J.* What is Likely to Happen to Polish Collective Consciousness after Accession to the European Union? // Polish Sociological Review. 2003. № 1.
9. Lobbing za cyrylicą // Gazeta Stołeczna / Gazeta Wyborcza. 2000. 4 grudnia.
10. *Miłosz Cz.* Literatura polska // Gazeta Wyborcza. 2001. 29 grudnia.
11. *Neumann I.B.* Uses of the Other: The “East” in European Identity Formation. Manchester: Manchester University Press, 1999.
12. *Popowski S.* Przez różowe okulary // Rzeczpospolita. 2004. 13 marca.
13. *Prizel I.* National Identity and Foreign Policy: Nationalism and Leadership in Poland, Russia and Ukraine. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
14. *Szczepański M.S.* Regionalizm górnośląski w świadomości społecznej: Socjologiczne studium przypadku // Regionalizm a separatyzm – historia i współczesność: Śląsk na tle innych obszarów. Katowice: Wydawnictwa Uniwersytetu Śląskiego, 1995.
15. *Tazbir J.* O czym się pisać nie godziło // Gazeta Wyborcza. 2003. 27 grudnia.
16. *Walicki A.* Rosja Putina a polityka polska // Przegląd. 2004. 23 lutego.
17. *Wilk M.* The Journals of a White Sea Wolf. L.: Harvill Press, 2003.
18. Wizy dla naszych wschodnich sąsiadów i problem Kaliningradu: Komunikat z badań BS/134/2002. Warszawa: Centrum Badań Opinii Społecznej, Sierpień 2002.
19. *Wojciszke B., Baryła W.* Polacy jako uczestnicy kultury narzekania // Zmiany publicznych zwyczajów językowych. Warszawa: Rada Języka Polskiego przy Prezydium PAN, 2001.
20. *Zarycki T.* Cultural Capital and the Political Role of the Intelligentsia in Poland // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2003. № 4.
21. *Zarycki T.* Politics in Periphery: The Interpretation of Political Cleavages in Poland in Their Historical and International Context // Europe-Asia Studies. 2000. Vol. 52. № 5.
22. *Zdziechowski M.* Wpływy rosyjskie na duszę polską // Dusza polska i rosyjska: Od Adama Mickiewicza i Aleksandra Puszkina do Czesława Miłosza i Aleksandra Solżenicyna. Warszawa: PISM, 2004.
23. *Žižek S.* The Metastases of Enjoyment. L.: Verso, 1994.
24. Zmiana opinii o konflikcie rosyjsko-czeczeńskim // Komunikat z badań. BS/218/2002. Warszawa: CBOS, Grudzień 2002.

СОЦИАЛЬНО-СТРУКТУРНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ И КАЧЕСТВО СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

.....

О. А. Оберемко*

По данным массовых опросов, проведенных в России и Польше (2002 г.)¹, россияне демонстрировали устойчивую идентификацию с большим количеством социальных общностей, чем поляки. В первой части статьи изложены результаты тестирования двух альтернативных толкований полученных результатов: устойчивая идентификация со многими социально-структурными общностями (1) компенсирует нечеткость социальной разметки российского общества и неадаптированность населения к переменам или (2) свидетельствует об открытости взаимодействию с представителями различных социальных групп, социальном оптимизме и накопленном (или сохраненном) социальном капитале. В результате анализа предпочтение было отдано второму толкованию: российское общество образца 2002 г. обладало большим социальным капиталом по сравнению с польским обществом. Во второй части статьи эмпирический вывод вписывается в контекст дискуссии об итогах трансформации российского и польского обществ.

1. Социально-структурная идентификация: ресурс или компенсация?

Абсолютно безупречно с методической точки зрения обосновать, почему надо сравнивать именно Россию и Польшу, – задача безнадежная. Тем более когда с помощью массовых опросов обследуется распространенность в обществе представлений о себе. Не прибегая к гранд-нарративам о тесноте исторических связей, ограничимся лишь двумя частными аргументами. Во-первых, несмотря на почти полное забвение Польши в российском общественном дискурсе, некоторые общие проблемы, сюжеты, понятия и поляки, и россияне

* Оберемко Олег Алексеевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: ooberemko@yandex.ru.

¹ Дизайн исследования разрабатывался под руководством В. А. Ядова, Е. Н. Даниловой, К. Косэла. Подробно см.: [6, с. 221–223].

используют при осмыслении судеб своих стран [11]. Во-вторых, Польша считается наиболее динамично и успешно развивающейся страной посткоммунистического транзита, и желание сравниться с передовым образцом вполне простительно.

В анализируемых опросах социальная идентификация (Мы-самоопределения) замерялась с помощью вопроса о том, *как часто* респондент ощущает близость с перечисленными в списке категориями людей, о ком можно сказать: «Это – мы». Вопрос содержал целый веер ключевых слов – *легкость нахождения общего языка, понимание, ощущение близости*, тем самым выявлялась разметка, которую респонденты были готовы использовать при описании *своего, нечуждого, понятного, не имеющего непроницаемых границ* социального пространства. Такая широкая формулировка нацелена на выявление ценностной значимости групп и принципиальной возможности найти в них поддержку, защиту или условия для самореализации [5, с. 76–77; 18, с. 116]. При ответе на этот вопрос респондентам предлагались на выбор четыре варианта: «часто», «иногда», «никогда» и «затрудняюсь ответить». Вариант «часто» мы будем трактовать как показатель устойчивой (см. [9, с. 52]), а вариант «иногда» – как ситуативной идентификации [7, с. 13–14].

В общем порядке социально-структурных и социально-профессиональных предпочтений (табл. 1) заметно, что россияне практически по всем позициям активнее демонстрировали устойчивую идентификацию (вариант «часто»), тогда как поляки чаще выбирали ситуативную идентификацию (вариант «иногда»). Исключение составила только категория *постоянно нуждающихся*: в обоих обществах готовность понять бедного, включить его в свой мир распространена примерно одинаково.

С функционалистской точки зрения «всякое общество порождает те наборы идентификаций, которые функциональны для его развития и выживания

Таблица 1

Пространство социально-структурных Мы-самоопределений в России и Польше, %

Вопрос	Идентификация					
	Устойчивая «часто»		Ситуативная («иногда»)		Негативная («никогда»)	
	Россия	Польша	Россия	Польша	Россия	Польша
Ощущали общность с: людьми того же достатка	80	54	16	36	1	2
людьми той же профессии	64	41	23	36	6	12
коллегами по работе	61	42	21	30	8	12
постоянно нуждающимися	41	36	38	45	13	8
наемными работниками	38	20	29	41	16	21
бизнесменами	30	9	36	30	23	42

как системы. Идентичности детерминируются социальными *settings* конкретного общества, и индивиды их используют в качестве оснований для межгрупповых сравнений и ингрупповой лояльности» [27, р. 7]. Более частый выбор россиянами устойчивых идентификаций Т. Шавел объяснял тем, что «в России социальная структура более жесткая (структурные барьеры гораздо труднее поддаются разрушению), и разные измерения социальной позиции в России гораздо сильнее связаны между собой, чем в Польше» [27, р. 40].

По логике этого объяснения, причина различий в распространенности устойчивых и ситуативных идентификаций коренится в том, что российское общество менее открыто, чем польское. В России или ты «и швец, и жнец, и на дуде игрец», или ты в социальном смысле – никто, или почти никто. Обратная сторона такого положения – синкретичность, непроявленность специфических особенностей. Это вполне соответствует выводам некоторых российских социологов о невнятности социальной стратификации российского общества [24, с. 157–158], о слабой определенности институциональной среды², которая немедленно восполняется неформальными практиками³. В русле этих трактовок итоги трансформации социальной структуры российского общества следует оценивать отрицательно.

На фоне россиян идентификационные выборы поляков выглядят более гибкими и избирательными. Избирательность негативно проявляется в более уверенном отрицании общности с одними группами, а гибкость и позитивная избирательность – в более частом предпочтении ситуативной идентификации. Гибкость и открытость польского общества подчеркивается некоторыми польскими авторами. А. Рихард и Э. Внук-Липиньский пишут: «Система стала плюралистичной. Разные институты и организации (добавим: и социальные общности. – О.О.) вызывают у граждан разные ожидания. Они контролируют разные сферы их жизни и в некотором смысле имеют кусочки “власти” над нашей жизнью, но это полностью отличается от того, что было при коммунистах» [21, с. 69].

Итак, можно сформулировать гипотезу: чем с большим количеством общностей идентифицируют себя люди, тем сильнее они ощущают на себе жесткость структурных ограничений. Для проверки гипотезы респонденты были сгруппированы по количеству устойчивых идентификаций. Поскольку мы анализируем 6 социально-структурных общностей (перечисленных в табл. 1), у нас получилось 7 групп респондентов: в группе 1 оказались те, кто ни с кем устойчиво не идентифицировался (0 выборов «часто»), а в группу 7 попали респонденты с максимальным числом устойчивых идентификаций – 6.

² Развитие этого тезиса на примере институтов рынка труда см.: [13].

³ Об институционализации неформальной экономики при откладывании институциональных решений см.: [15, с. 153–154].

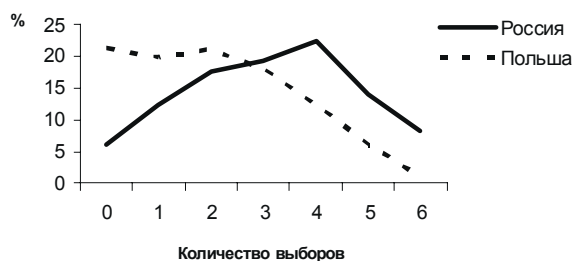

Рис. 1. Диаграмма устойчивых социально-структурных идентичностей в России и Польше

На рис. 1 представлены распределения российских и польских респондентов по количеству выбранных устойчивых социально-структурных идентичностей. Свыше 60 % поляков были готовы включить в «свой мир» представителей не более 2 социальных групп, в то время как более 60 % россиян устойчиво идентифицировались с 3 и более группами. Польский график сдвинут вправо и вниз, тогда как российский скорее напоминает колокол нормального распределения; смещенная вершина вправо показывает большую открытость социальным общностям, или, по логике Т. Шавела, большую уязвимость для социально-структурных влияний и ограничений.

Подробный анализ польских данных показал, что категории респондентов, выделенные по возрасту, полу, уровню благосостояния, интересу к политике, отношению к религии и др., демонстрировали примерно одинаковую автономность от социально-структурных групп: соответствующие распределения имеют примерно одинаковую форму скоса. У других же категорий графики больше напоминали российский «колокол». В частности, с большим количеством социально-структурных групп чаще остальных идентифицировались обладатели высшего образования, занятые (по сравнению с незанятыми), назвавшие себя обеспеченными (по сравнению с бедными), выигравшие от реформ (по сравнению с проигравшими и сохранившими свои позиции в обществе). Наконец, к «российскому колоколу» тяготеет распределение у людей с будущим, тогда как у людей без будущего график представляет собой типичный для польских графиков скос (рис. 2).

Что может объединять имеющих работу, обеспеченных, выигравших от реформ граждан, которые думают, что у них есть будущее? Если высокий образовательный уровень, занятость и обеспеченность являются лишь косвенным индикатором, то уверенность в собственном будущем напрямую связана с социальным самочувствием и адаптационными ресурсами личности [10, с. 609–610]. Поэтому предположение о том, что указанные группы объединяет социальный оптимизм, основанный на обладании важными социальными ресурсами, не выглядит слишком смелым. Становится ясно: устойчивая идентификация с большим количеством групп, выделяемых по социально-структурным признакам, означает социальный оптимизм, открытость, готовность

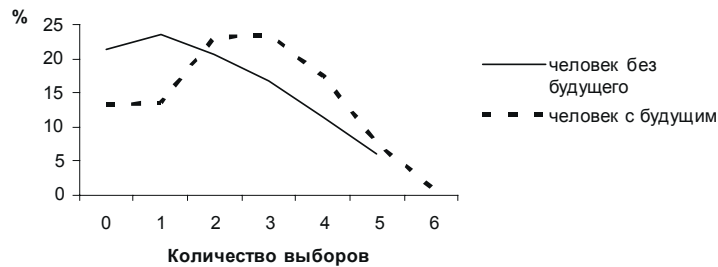

Рис. 2. Диаграмма распределения респондентов «человек без будущего» и «человек с будущим» по количеству устойчивых социально-структурных идентичностей, Польша

к сотрудничеству и достижениям за счет наращивания социального капитала в сфере трудовых отношений, сулящих материальное благополучие. Таким образом, в Польше социальный оптимизм устойчиво связывается с готовностью «осваивать» пространство сферы труда – идентифицироваться с социально-профессиональными, социально-классовыми и стратификационными группами. Это полностью соответствует трактовке К. Косэла, который считает, что Мы-самоопределения показывают связеобразующий, или связесозидательный потенциал [17].

Теперь обратимся к российским данным. Как и в Польше, в России бóльшую открытость обнаружили обладатели высшего образования, занятые, материально обеспеченные и уверенные в своем будущем. Два отличия все же обнаружилось. Во-первых, россияне среднего возраста более оптимистичны, чем представители старших возрастов; в Польше такого отличия не обнаружилось. Во-вторых, если в Польше интеллигенты оказались на обочине стратификационного пространства, то в России самое бедное идентификационное пространство обнаружилось у крестьян. Сходства и различий между двумя странами представлена в табл. 2.

Подведем итоги.

1. Преобладание в России устойчивых идентификаций означает не столько жесткость социальных структур, сколько бóльшую открытость социальному пространству и готовность вступать во взаимодействие с более разнообразными социальными группами. Российское общество обладало в 2002 г. бóльшим совокупным социальным капиталом, чем польское общество – общепризнанный лидер посткоммунистических трансформаций.

2. Даже наиболее высокоресурсные группы польского общества были более закрыты (обладали меньшим социальным капиталом), чем не самые ресурсные группы россиян.

3. Только в России «судьба ласкает молодых и рьяных»: наиболее активные среди занятого населения возрастные когорты (25–44-летние, а также учащиеся) были более открыты обществу, чем старшие когорты, тогда как в Польше

Таблица 2

Открытость/закрытость социальному пространству в России и Польше⁴

Основания для категоризации	Россия		Польша	
	Закрытость	Открытость	Закрытость	Открытость
Возраст, лет	55 и старше	25–44		
Пол				
Интерес к политике				
Категории незанятых	Пенсионеры	Учащиеся		
Образование	Не высшее	Высшее	Не высшее	Высшее
Занятость	Незанятые	Занятые	Незанятые	Занятые
Самоопределение в категориях «трехчленки»	Крестьяне	Интеллигенты, рабочие	Интеллигенты	Рабочие, крестьяне
Самоопределение по достатку	Бедные	Обеспеченные	Бедные	Обеспеченные
Выигрыш / потери от реформ				Выигравшие
Оценка будущего	Люди без будущего	Люди с будущим	Люди без будущего	Люди с будущим

все возрасты были одинаково закрыты. В особой значимости аскриптивного фактора возраста в России можно видеть косвенный показатель того, что новые поколения приобрели не только новые ценности, но и стали, по-видимому, если не более приспособленными к новым правилам игры, то, по крайней мере, более лояльными к ним⁵. Если так, то среди польской молодежи либо не произошло радикального ценностного сдвига, либо он не стал фактором большей открытости социальному пространству молодого поколения.

Другое объяснение может связывать возрастные различия в адаптивности не столько с произошедшей «культурной революцией» индивидуалистического материализма, сколько с более последовательным внедрением неолиберальных норм в России, отличительную особенность которых критики видят в более жесткой эксплуатации биологического ресурса занятого населения (см., например: [4, с. 54]). Это согласуется с выводом аналогичного российско-польского опроса 1998 г. о том, что польские реформы в большей степени учитывали адаптационные возможности граждан. В частности, польские пенсионеры (представители старших возрастных когорт) гораздо чаще (статистически значимо) демонстрировали адаптацию к своему положению, чем российские пенсионеры [10, с. 618]. В этом случае адаптивность и социальный оптимизм, по-видимому, – независимые переменные.

⁴ Пустые клетки означают отсутствие явных межгрупповых различий.

⁵ Это подтверждается большим доверием молодых россиян к власти, что регулярно фиксировалось различными опросными службами на протяжении реформ.

4. В России различие на проигравших и выигравших от реформ уже не работает; несмотря на то что в апреле 2005 г. 67 % респондентов общероссийского опроса заявили, что перестройка еще не закончилась [14, с. 59], для размещающих себя в социально-профессиональном и стратификационном пространствах россиян эпоха калькулирования потерь и приобретений от реформ, вероятно, завершилась.

2. Социальный капитал и качество социально-структурных трансформаций

Российский «колокол» выглядит оптимистичнее польского «скоса», свидетельствующего о депрессивности общественного настроения – о разрыве социальных связей. Следовательно, российское общество с бóльшим эффектом порождает «наборы идентичностей, которые функциональны для его развития и выживания как системы» [27, р. 7]. Эти выводы противоречат устойчивым представлениям о меньшей успешности российских трансформаций по сравнению с реформами в странах Восточной Европы. Разумеется, представления о процессах стратификации, описанные в терминах социальной идентификации, говорят скорее не о том, где находится общество на шкале объективных достижений, а о том, имеется ли у него внутренний потенциал для адаптации к переменам и развитию. Неприятность заключается в том, что для диагностики потенциала развития необходимо не только определение ценности, с которой мы хотим соотноситься (в веберовском смысле), но и достоверное представление об объективных общественных тенденциях.

Если в 2002 г. Россия действительно обладала бóльшим социальным капиталом, чем Польша, то что это значит? Какую роль этот капитал может сыграть в развитии общества? Если он остался почти не тронутым с тех времен, от которых мы стремимся отдалиться, тогда такой капитал служит помехой для позитивного строительства новой России. Если Польша успешно растеряла социалистический капитал, то это повышает шансы на то, что шоковые переживания – принесенные очень конкретные жертвы очень конкретными людьми, или, как сказал бы Ч. Миллс, конкретными мужчинами и женщинами – имели хоть какой-то смысл, пусть даже он и напоминает сейчас больше о журавле в небе.

Ответить на эти вопросы нелегко не только при сравнении периферийных обществ транзита по столь эфемерным показателям, как идентификация. Ф. Фукуяма, критически разбирая доказательство тезиса о «съеживании» социального капитала в США, пишет, что одним из свидетельств упадка уровня доверия в обществе считается число судебных разбирательств на душу населения. По этому показателю США – впереди планеты всей⁶. Однако интерпрета-

⁶ Как и по количеству юристов, отношение к которым напоминает отношение к работникам советской торговли — их презирали, но конкурсы в институты торговли от этого не падали.

ция зависит от отнесения к конкретной ценности: «В США имеется тенденция применять гражданский закон как замену государственному регулированию... рост количества исков... на самом деле может быть позитивным показателем социального капитала: вместо того чтобы для решения спора апеллировать к иерархическому источнику власти, частные стороны добиваются того, чтобы выработать справедливое соглашение между собой, хотя бы и при помощи легионов высокооплачиваемых юристов» [23, с. 41–42].

Одним словом, *интерпретировать смысл полученных результатов можно в контексте того, как оцениваются итоги социально-структурных трансформаций в России и Польше.*

В настоящее время общества советского типа принято определять как неклассовые, неэгалитарные бесклассовые, неклассовые этакратические, сословно-слоевые, сословно-иерархические и т.п. [22, с. 16–20] Эти определения вполне согласуются с официальной доктриной советского марксизма в том, что советские общества принципиально отличаются от индустриальных обществ западных стран. Однако теперь в пике советскому марксизму подчеркивается, что указанное отличие свидетельствует о несовременности (недо-модернизированности) советских обществ, а потому его желательно преодолеть. Архаичность связывается с сословным характером советских обществ: искусственно создаваемые барьеры препятствовали развитию экономических механизмов стратификации и тормозили становление классовой структуры, обеспечившей в развитых индустриальных странах более высокие стандарты жизни. В то же время тотальное государственное регулирование хозяйственной деятельностью, препятствовавшее образованию экономических классов, не привело советские общества к социальной однородности: принесенная в жертву эффективность рыночных механизмов оказалась напрасной, поскольку неэгалитарность, иерархичность пробили себе дорогу через отношения власти.

В дискуссиях об изменении социальной структуры постсоветских обществ можно выделить два стиля рассуждений⁷. В одном стиле отчетливо прослеживается ориентация на нормативное представление об устойчивом развитии общества как системы. Этому стилю свойствен отказ от внешних эталонов, контрольных показателей и других предустановленных ориентиров «светлого будущего»; гармоничная эволюция целого, принципиальное недопущение «социальных взрывов» выступают здесь абсолютными, внеконтекстуальными эталонами.

Другой стиль рассуждений – модернизационный – тяготеет к использованию конкретно-исторических ориентиров, по которым сверяется успешность трансформаций. В качестве ориентира может выбираться прошлое состояние,

⁷ Мы не ставим цель описывать теоретические ориентации или парадигмы. Обзор теоретических подходов см.: [19, с. 409–428].

от которого следует уйти (переход, движение от...), или предсказанный образ будущего (движение к..., например, постиндустриальному, информационному и прочему обществу). Здесь рассуждения носят более технический характер, а возможность социального взрыва если и рассматривается, то с привлечением теорий, выходящих за рамки здравого смысла и простого человеческого сочувствия. Сюда можно отнести компаративистские работы, в которых ориентиры – показатели статистической нормы или, наоборот, экстремальных значений – берутся из сводок о положении в других странах, как передовых, так и непередовых. К первому стилю, по-видимому, тяготеет российский дискурс, ко второму – польский. Конечно, ответ на вопрос о том, насколько выбор стиля диктуется «объективным» положением дел, едва ли можно найти в самих дискурсах.

Оценки итогов реформ в России

Конкретизировать недостатки обществ советского типа позволяет предложенный Т. И. Заславской список индикаторов качества социальной структуры [12, с. 151–154]. Прежде всего, в советских обществах действовал единственный и главный стратифицирующий фактор – власть, тогда как западные индустриальные общества характеризуются действием множества (относительно) независимых стратообразующих факторов. Отсюда задача модернизации социальной структуры видится в том, чтобы исключить решающее влияние фактора власти и обеспечить членам общества «широкий выбор стратегий социального продвижения». Далее, специфика социально-профессиональных, отраслевых, корпоративных, территориальных и других барьеров проявлялась в том, что они затрудняли эффективное действие конкурентных механизмов восходящей социальной мобильности. Модернизация должна была, с одной стороны, привести к образованию целостного стратификационного пространства общества, а с другой – поддерживать широкий спектр ценностей и ориентиров для достижения. Преобладание системных факторов стратификации над индивидуальными ограничивали членов общества в выборе жизненных стратегий. Слабая социальная дифференциация ослабляла мотивацию потенциально активного населения к восходящей мобильности. Перечисленные недостатки приводили к потере динамизма и респонсивности институтов социальной мобильности.

При оценке хода реформ в России чаще всего упоминают следующие индикаторы качества социальной структуры. Во-первых, признается необходимым снижение депривации и эксплуатации низших слоев общества; несоблюдение этого условия ведет к недоиспользованию человеческих ресурсов и примитивизации образа жизни. Во-вторых, важным направлением в оценке итогов реформ стал поиск среднего класса – средних слоев, занимающих «не самое высокое, но относительно благоприятное положение в обществе» [12, с. 153]; предполагается, что такое положение должна была бы занимать основная мас-

са граждан. В-третьих, активно проблематизируется легитимность складывающихся социальных неравенств. В-четвертых, указывается необходимость снизить влияние на социальное продвижение аскриптивных характеристик.

О. И. Шкаратан полагает, что в результате номенклатурной приватизации и умело организованного административного рынка Россия переживает новый этап развития этакратического общества, для которого, как и прежде, характерно отсутствие внятной стратификации. Российский правящий класс, оставаясь этакратическим, освоив новые технологии управления, сумел избежать расчленения комплекса «власть – собственность», тем самым, воспрепятствовал созданию объективных предпосылок для возникновения отчетливой стратификации [24, с. 111–128].

На существенное изменение стратификационного пространства указывает Т. И. Заславская. На смену одному главному фактору власти пришло другое главное измерение – «уровень доходов и материального благосостояния». Однако помимо «главного» фактора отмечается еще «универсальный критерий» стратификации: «Решающую роль играют в значительной мере сросшиеся друг с другом оси богатства и власти. Положение на этих осях служит универсальным критерием статуса и успеха, в то время как социальные и культурные факторы играют очень малую роль» [12, с. 157]. По-прежнему, несмотря на изменения, «значительная часть граждан фактически выпадает из системы социальной стратификации, поскольку неопределенность и неустойчивость статуса препятствуют их надежному отнесению к какой-либо из существующих страт», тогда как верхушка общества, «овладевшая основными политическими и экономическими ресурсами» превратилась в олигархию [12, с. 158].

Невнятность разметки характерна и для одного из мощнейших институтов социальной мобильности, каковым является рынок труда. Однако российский рынок труда, продемонстрировав «неожиданно высокую способность к тому, чтобы гасить шоки» – в частности, за годы реформ уровень открытой безработицы в России был «неестественно» ниже, чем в других переходных экономиках, – гораздо хуже «оказался приспособлен к тому, чтобы быть проводником структурных сдвигов» [13, с. 155]. Р. И. Капелюшников пришел к выводу, что главный принцип действия российского рынка труда – адаптация без реструктуризации, а причина – в деинституционализированности российской экономики, т. е. в «отсутствии ясных и надежно защищенных “правил игры”, упорядочивающих поведение рыночных агентов и делающих его предсказуемым» [13, с. 156, 146].

По-прежнему вместе с сохранением в социальной структуре композиционного бульона наблюдается устойчивый рост дифференциации доходов, уровень которой в современной России сравнивается со странами африканского континента [12, с. 158]. Некоторые авторы даже говорят о социетальном разломе. Две России, как «расходящиеся в разные стороны социальные ветви»,

Н. М. Римашевская различает по поведению, предпочтениям и ценностным ориентациям. Частным выражением разлома стало возникновение двух потребительских рынков, кардинально различающихся ценами и ассортиментом. Опасение вызывало то, что удаление друг от друга «двух России» (18–20 % богатых и состоятельных и 60 % малообеспеченных и бедных) при отсутствии среднего класса может быть серьезным источником социальной напряженности [20, с. 59–60].

На сосуществование двух социальных структур указывает Н. Е. Тихонова: параллельно традиционной для России сословной структуре, сконцентрированной в госсекторе и приватизированных «старых» предприятиях, где «по-прежнему решающее значение имеет властный ресурс и корпоративная принадлежность», складывается классовая структура, «характерная для индустриальных обществ западного типа», в которой статус определяется положением на рынках труда и капитала [22, с. 38–39]. При этом подчеркивается, что в настоящее время единственно значимым стратификационным критерием является доход.

С позиций сетевого подхода С. Ю. Барсукова тоже обнаруживает «две России», которые она отождествляет с узловыми зонами и внеузловыми территориями. «Узловые центры являются местом локализации политических институтов, концентрации экономических ресурсов, оформления культурных кодов эпохи. Вся жизнь общества строится вокруг итерационного согласования интересов ограниченного количества узловых центров. Их специфика состоит в том, что, определяя жизнь России, они в свою очередь принадлежат мировым сетям. Внеузловое пространство делегирует свои экономические и политические ресурсы узловым центрам, получая взамен опосредованную приобщенность к культуре и товарам мирового рынка» [1, с. 97–98]. Пространственная сегрегация пронизывает всю социальную структуру, что проявляется и в характере неформальной макроэкономики, и в экономических и социокультурных смыслах поведения в домашнем хозяйстве [1, с. 99–114].

А. Н. Беляева, указывая на динамичные изменения в критериях социальной стратификации, на исходе 10 лет постсоветского развития обнаруживает гибрид этатрактического (с одномерной социальной структурой) и классового капиталистического общества («где действует множество факторов и критериев, определяющих положение группы и индивида в социальной стратификации») [2, с. 24, 33]. Главный итог трансформаций – в «формировании стратификационной системы, в которой люди различаются объективными экономическими условиями существования, определяемыми отношением к средствам производства», т.е. в появлении «"чистых типов" экономических классов – класса собственников и класса наемных работников». В духе марксистского определения классов автор размещает частных собственников и наемных работников «на разных полюсах социальной иерархии», замечая, правда, что сейчас, в пе-

переходный период наличие внутри них лиц со смешанным статусом пока размывает социальные грани между ними [2, с. 89–90]. Следовательно, нужно ждать скорого исчезновения едва народившейся многофакторной стратификации. Перелистав сорок страниц назад, читатель найдет у Л. Н. Беляевой описание уже сбывшегося пророчества: к концу 1990-х гг. «преобразование институциональных основ общества... вызвало формирование принципиально новой социальной структуры и новой социальной стратификации общества, в котором произошла имущественная и властная поляризация» [2, с. 44–45]. Возникает вопрос, если новая капиталистическая Россия, пока еще сосуществующая с «Россией этакратической», является эмбрионом множественной стратификации, то почему следует ждать поляризации и откуда в этой поляризации возникло властное измерение? Наиболее простое объяснение сводится к следующему. Изменение стратифицирующих факторов произошло. Вместо одного простого властного появился бикомпонентный фактор, сочетающий власть и собственность. В поддержку этого вывода в книге Л. Н. Беляевой находится множество частных примеров (кейсов), опросных и статистических данных, которые прямо или косвенно указывают на активное присутствие административного ресурса в развитии «новой России» [12, с. 290–295].

Итак, российский правящий класс, освоив новые технологии управления, добавок к властному капиталу обрел экономический капитал, что привело к резкой, по сравнению с дореформенным состоянием, дифференциации в доходах. В результате в числе бедных оказалось больше половины населения, в том числе занятых полную рабочую неделю. По фактору власти выделились и кристаллизировались только элитные и субэлитные слои правящего класса. Внутри остального населения господствующим стратификационным измерением стал вторичный по отношению к власти и отдельный от нее критерий – критерий собственности и дохода. Средний класс отыскивается с трудом ввиду его малочисленности. Таков итог трансформаций социальной структуры российского общества.

Оценки итогов реформ в Польше

В описаниях итогов трансформации польского общества российский читатель найдет множество элементов для узнавания. Однако сходство нюансируется принципиальными различиями в оценках описываемого положения дел.

В экономическом обзоре Института исследований мировой экономики (Варшава) ситуация в польском обществе начала 2000-х гг. характеризуется как нестабильная. Процессы развития сопровождаются явными переходными трендами. Главным итогом состоявшегося транзита названы изменения социальной структуры: «структура польского общества все сильнее приобретает классовый характер». Среди основных социальных классов названы капиталисты, менеджеры, мелкая буржуазия, интеллектуалы и профессиона-

лы, «синие воротнички» и сильно дифференцированное крестьянство. Если в прошлом классовые различия основывались на власти, то теперь преобладает экономические структурообразующие механизмы. Новые классы, страты и социально-профессиональные группы, возникшие из «старых классов» и, как сказано, «других сегментов структуры», продвинулись по лестнице социальных статусов и экономического благополучия, тогда как другим слоям транзит принес утрату стабильности, снижение качества жизни и даже деградацию. В результате усиления экономической дифференциации общества расширилась зона бедности и усилилась маргинализация.

Однако важным структурообразующим фактором по-прежнему остается власть, и это мнение широко разделяется в польском обществе. Исследования механизмов и итогов приватизации в Польше показывают, что представители старого и нового (посткоммунистического) политического класса сумели конвертировать властные посты в сильные экономические позиции и войти в предпринимательский класс. Важной остается роль чиновников в управлении государственной собственностью, которое осуществляется через разного рода формально независимые от государства организации и фонды, обеспечивающие связь между сферами экономики и политики. Поэтому бизнес-элита (верхний слой класса капиталистов) состоит из «нормальных капиталистов» и обладателей политического капитала.

При этом приводятся два решающих аргумента в пользу того, что соотношение властного и экономического стратообразующих измерений изменилось в пользу последнего. Во-первых, выделился высший слой самых богатых людей, в который входят топ-менеджеры крупнейших компаний, особенно с преобладанием иностранного капитала. Во-вторых, парламентские и правительственные круги, представители региональной и местной власти, будучи «ключевыми бенефициарами» приватизации, вполне ощутили, какие выгоды им сулит переход в бизнес-сообщество. Владельцы малого и среднего бизнеса названы ядром «нарождающегося среднего класса», однако «этот процесс только развивается» (в отличие от формирования класса крупных капиталистов). Месте с тем перспективы у нарождающегося среднего класса не радужные: «В будущем образование и знания станут более важными на рынке, чем ведение собственного малого или даже среднего бизнеса» [26, р. 158–161]. Напомним, что это написано о Польше. Не о России.

Х. Доманьский считает, что в Польше уже на первом этапе появления рыночного общества «экономический» капитал уступил путь капиталу специального знания и экспертности профессионалов. Менеджеры и специалисты (интеллигенция) «поднялись в иерархии доходов в первой половине 1990-х и сохраняли высокое положение до 1999 г.», а хозяева небольших фирм испытали за этот же период взлеты и падения и в итоге оказались в худшем положении [8, с. 30]. Приведенные данные показывают, что властный ресурс (позиция) и

образование более надежно гарантировали материальное благосостояние, чем малый и средний бизнес. В 1995–1998 гг. менеджеры и высшие чиновники государственного управления были самой экономически преуспевающей группой польского общества: их доходы превышали доходы занимавших 2-е и 3-е места нетехнической интеллигенции в 1,3 раза и собственников в 1,4 раза. При этом откат в развитии польского предпринимательства создал условия для возвращения едва народившихся мелких и средних собственников в лоно государственной экономики. «Внезапный рост прибыльности бизнеса стал семенем столь же внезапных потерь; потребители насытились, и клиентов нечем было завлечь. С ростом числа частных фирм все ниши заполнились, доступ к кредитам стал жестче. Многие собственники начали всерьез думать о свертывании бизнеса и поиске работы в госсекторе» [8, с. 44–45].

Предсказание о возрастании фактора знания на рынке соответствует ожиданиям ведущих представителей теории модернизации – Д. Белла, К. Гелбрейта, П. Друкера. Надежды на формирование массового среднего класса связаны не с мелкими собственниками, а с «мощным спросом на высококвалифицированных специалистов сферы нефизического труда» [8, с. 31]. Вопрос о том, может ли «новый» средний класс стать настолько массовым, чтобы вобрать в себя большую часть населения, остается за скобками.

Итак, критерий власти в польском обществе, хотя и утратил былые позиции, все же, как и в России, остается важным стратообразующим фактором. Однако это обстоятельство не приводит польских авторов, в отличие от их российских коллег, к пессимистическим выводам.

Правда, Х. Доманьский подчеркивает, что занятие контролирующих позиций отражает опыт и ответственность управленцев. Выигрыш в доходах – это «цена организаторских умений, способность принимать нужные решения», оправданная расходами, которые приходится нести человеку, занимающему руководящую позицию [8, с. 42]. Отсюда делается общий вывод: устойчивая положительная связь между образованием, контролирующей позицией и доходами свидетельствует о появлении меритократии в Польше. Тогда почему мы должны ожидать ослабления фактора власти в России?

Возможность подобного вывода, по-видимому, связана с другим индикатором качества социальной структуры – с легитимностью неравенства. Позитивная связь между доходами и позицией на рынке труда наблюдается и в России, однако отказ возникшим неравенствам в легитимности мешает видеть в ней свидетельство меритократии. При этом в Польше тоже не все однозначно. Х. Доманьский пишет: «Люди готовы мириться с неравенствами, которые считают справедливыми. Они скорее одобряют краеугольный камень западного либерализма – равные возможности и меритократию. Общество стало более экономически стратифицированным и меритократичным» [8, с. 42]. Как видим, вывод об утверждении меритократии в польском обществе соседствует с

указаниями на то, что в социальной структуре не произошло ни радикальных композиционных изменений, ни выравнивания возможностей для восходящей мобильности [8, с. 30]; даже напротив, резкое усиление экономической стратификации (дифференциации в доходах) сопровождалось консервацией низших страт и появлением в Польше новых бедных [16, с. 183; 26, р. 158, 164].

Таким образом, оценка итогов трансформаций задается не столько влиянием власти на процессы стратификации и наличием или отсутствием имущественной дифференциации, сколько признанием легитимности и власти, и дифференциации. Похоже, что выводы из описаний динамики социальной структуры определяются выбираемыми для обзора пространственными и временными горизонтами. Гуманистический взгляд, обращенный внутрь общества, и в России, и в Польше находит похожую безрадостную картину. Точнее сказать, картины, может быть, и разные, но дескрипторы очень похожи.

Надежду увидеть позитив в происходящих трансформациях оставляет только сравнение с внешним миром: догоняем или отстаем? Выбор ориентира связан с осмысленностью перспективы развития страны и возможностью ее легитимации. Сравнение появляется там, где наблюдатель-эксперт видит смысл вписывать объект своего рассмотрения в более широкий мир подобных объектов. Чтобы межстрановое сравнение обрело какой-то смысл, управляющий класс должен легитимировать, в том числе оправдывать, свое право на власть упомянутыми Х. Доманьским организаторскими умениями и способностью принимать нужные решения. Если этого не получается, от сравнений приходится отказываться, а взамен ограничиваться внеисторической идеей устойчивого развития или пускаться в поиски национальной самобытности.

В нашем случае аккумулярование социального капитала, казалось бы, должно безусловно радовать. Однако в последние годы неожиданно выяснилось, что «позитивно оцениваемые процессы (рост ВВП, инвестиции в экономику и в человеческий капитал, *рост социального капитала* (курсив наш. – О.О.), усиление социальной защиты и т.п.) ведут к общественно негативным результатам» [3, с. 138]. То есть накопленные преимущества являются тормозом для дальнейшего развития, если это развитие связано с формированием принципиально новых структурных измерений.

Мы вернулись к поставленному вначале вопросу: как относительно высокий интеграционный потенциал российского общества можно трактовать в свете произошедших социально-структурных изменений. Рассуждая с позиций детерминистской (структурно-функционалистской) логики, мы сделали вывод о том, что, поскольку российский «колокол» выглядит оптимистичнее польского «скоса», российское общество с большим эффектом порождает «наборы идентичностей, которые функциональны для его *развития и выживания* (курсив наш. – О.О.) как системы» [27, р. 7]. Однако в ситуации коренной смены приоритетов (когда стадо поворачивает, паршивая овца оказывается во

главе) накопленные преимущества могут быть хороши именно для выживания, для адаптации, но не для развития. Это не означает, что развитие непременно требует до основания разрушать привычные социальные формы. «Если простая (ортодоксальная) модернизация означает, по сути, сначала разукоренение (desembedding), а потом переукоренение (re-embedding) социальных форм посредством индустриальных социальных форм, то рефлексивная модернизация означает сначала разукоренение, а потом переукоренение индустриальных социальных форм посредством другой современности (modernity)» [25, р. 2].

Здесь уместно вспомнить диагноз, который ставит Р. И. Капелюшников российскому рынку труда, – более успешная по сравнению с другими странами транзита адаптация, но без реструктуризации. Именно так, отказываясь от структурно-функционалистской интерпретации, столь высоко оценивающей баланс и гармонию, можно трактовать большую готовность россиян, по сравнению с поляками, определять себя в терминах привычной социально-структурной разметки. Россияне адаптировались к переменам, и именно лучшая адаптивность предотвратила структурную модернизацию. Чем больше изменений, тем очевиднее, что ничего не меняется.

Библиографический список

1. Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: Экономико-социологический анализ. М.: ГУ-ВШЭ, 2004.
2. Беляева Л. Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. М.: Academia, 2001.
3. Бородкин Ф.М., Кудрявцев А.С. Человеческое развитие и человеческие беды // Мир России. 2003. № 1.
4. Вихтерих К. Женщины в условиях глобализации. М.: Звенья, 2005.
5. Данилова Е.Н. Изменения социальных идентификаций россиян // Социологический журнал. 2000. № 3/4.
6. Данилова Е.Н. Через призму социальных идентификаций (Сравнительное исследование жителей России и Польши) // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2004 / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2004.
7. Данилова Е.Н., Ядов В.А. Неустойчивая социальная идентичность становится нормой // Социальная идентичность: способы концептуализации и измерения. Краснодар: КубГУ, 2004.
8. Доманьский Х. Появление в Польше меритократии // Социологические исследования. 2002. № 6.
9. Дробижева Л.М. Российская, этническая и республиканская идентичность: конкуренция или совместимость // Центр и региональные идентичности в России / Под ред. В. Гельмана и Т. Хопфа. СПб.; М.: Европ. ун-т в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2003.
10. Дудченко О.Н., Мытиль А.В. Две модели адаптации к социальным изменениям // Россия: Трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001.

11. *Зарицкий Т.* Польша и Россия: образ Другого в конструировании Своей идентичности // ЧСУ. 2006. № 2.
12. *Заславская Т.И.* Современное российское общество: социальный механизм трансформаций. М.: Дело, 2004.
13. *Капелюшников Р.И.* Российский рынок труда: Адаптация без реструктуризации. М.: ГУ ВШЭ, 2001.
14. *Климов И.А.* Другая жизнь эпохи перестройки // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 2.
15. *Колодко Г.В.* Глобализация и перспективы развития постсоциалистических стран. Минск: ЕГУ, 2002.
16. *Коровицына Н.* С Россией и без нее: Восточноевропейский путь развития. М.: Алгоритм, 2003.
17. *Косэла К.* Сравнение распространенности, важности и связеобразующего потенциала идентификаций в России и Польше: Рукопись.
18. *Наумова Н.Ф.* Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? М.: Эдиториал УРСС, 1999.
19. *Радаев В.В.* Экономическая социология. М.: ГУ–ВШЭ, 2005.
20. *Римашевская Н.М.* Социальные последствия экономических трансформаций в России // Социологические исследования. 1997. № 6.
21. *Рихард А., Внук-Липиньский Э.* Источники политической стабильности и нестабильности в Польше // Социологические исследования. 2002. № 6.
22. *Тихонова Н.Е.* Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: РОССПЭН, 1999.
23. *Фукуяма Ф.* Великий разрыв. М.: АСТ; Ермак, 2004.
24. *Шкаратан О.И.* Российский порядок: Вектор перемен. М.: Вита, 2004.
25. *Beck U.* The Reinvention of Politics: Towards a Theory of Reflexive Modernization // Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Cambridge: Polity Press, 1994.
26. Poland: International Economic Report 2000/2001. Warsaw: Warsaw School of Economics, 2001.
27. Social identities in transforming societies: Russia and Poland: Unpublished paper / E. Danilova et al. Warsaw; Moscow, 1999.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА: ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

.....

Е. Р. Ярская-Смирнова, П. В. Романов*

В статье речь идет о повседневном опыте как важном условии формирования знания в социальной работе. Теория социальной работы понимается в социально-конструктивистском и постмодернистском ключе, а практический опыт рассматривается как основа профессиональной экспертизы. Для теоретизации практики исследователю необходим доступ к опыту специалистов и клиентов. Авторы приводят ряд методов и приемов, позволяющих приблизиться к непосредственному опыту людей, участвующих в процессах социальной работы. Подобный подход к теории и практике социальной работы позволяет пересмотреть властные иерархии, сложившиеся в области экспертизы социальных проблем, и устоявшиеся, но далеко не всегда эффективные приемы их решения.

От менеджериализма к рефлексивной практике

В эпоху неоменеджериализма, начиная с 1970–1980-х гг. в Западной Европе и США [39; 40], как и в настоящее время в России [4; 7], усиливаются тенденции рационализации ресурсов и приемов управления в социальной сфере. Контекст этих тенденций – экономический подъем, ставший возможным благодаря политическим реформам республиканцев в США и консерваторов в Великобритании и осуществлявшийся за счет идеологии рационализации и сокращения государственных расходов [3, с. 86]. В сфере социальных услуг, как и во всех отраслях экономики, резко усиливается роль экспертного знания,

* Романов Павел Васильевич — доктор социологических наук, профессор Московской высшей школы социальных и экономических наук и Саратовского государственного технического университета. Электронная почта: p_rom@mail.ru.

Ярская-Смирнова Елена Ростиславовна — доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы и социальной антропологии Саратовского государственного технического университета. Электронная почта: socwork@online.ru.

направленного на анализ и повышение эффективности работника, отдельного проекта или организации, оказывающей такие услуги [42, p. 12].

Британская исследовательница Лена Доминелли называет этот процесс «тэйлоризацией» профессиональной социальной работы, подразумевая тенденцию на увеличение роли технократических подходов в профессии. Как когда-то в научном менеджменте производства в начале XX в., «тэйлоризм» в социальной работе теперь означает переход к конвейерному выполнению функций в ущерб эмоционально-коммуникативной стороне деятельности, но в пользу кодифицированного профессионального знания и поведения, основанного на строго предписанных правилах. Концепция социальной работы как деятельности на основе системы четко очерченных компетентностей предоставила менеджерам социальных служб возможность предъявлять инструментальные, технические требования к трудовому процессу и усиливать подотчетный, регламентированный режим в организациях, известный как неоменеджериализм [21, p. 56].

Для этого подхода характерна убежденность в том, что достижение эффективности посредством интеграции работы отдельных людей – деятельность внеценностная и внеконтекстная, она может в равной степени характеризовать труд начальника цеха по сборке автомобилей, директора ресторана и дома престарелых [32, p. 33]. Однако негативные аспекты применения технократических моделей к управлению социальной службой обесценивают все плюсы использования на этой работе универсального менеджера [10].

П. Бересфорд и С. Крофт поясняют, что переход Запада на рыночные отношения в социальной сфере в 1980-е гг. происходил на фоне накопившегося недоверия и неудовлетворенности населения и политиков к прежним патерналистским моделям социальной политики. Однако теперь стало очевидно, что новый рыночный коммерциализм и связанный с этим менеджериализм были не свободны от недостатков, поскольку существенно ограничили гарантии доступности, адекватности, гибкости, равенства и справедливости [20, p. 311]. Гибкость и эмоциональность обслуживающего труда социальных работников в менеджериалистскую концепцию не вписывались.

В результате усиления бюрократического контроля над социальными работниками, например, в Великобритании проявились противоречивые последствия. Негативным аспектом стали обманутые ожидания в отношении дополнительных ресурсов и сервисов, необходимых для особо нуждающихся индивидов, семей, групп или сообществ, к появлению которых так и не привел неоменеджериализм. Клиенты и социальные работники так и не были автоматически наделены новыми полномочиями или верой в свои силы, не произошло снижения тяжелой нагрузки, ограничивающей творчество и инновации специалистов. Не произошло и ожидаемой эволюции методов работы с клиента-

ми, в том числе и в отношении особо сложных, деликатных или рискованных ситуаций.

Но неоменеджериализм имел и положительные последствия. Так, он сократил привилегии профессиональной автономии, потребовал большей подотчетности в отношении скудных ресурсов в распоряжении социальных работников, стремился расширить возможности выбора пользователей услуг, попытался повысить стандарты практики и квалификации среди работников, которые ранее относились к своим профессиональным качествам как к личному делу и не заботились о получении соответствующей подготовки [21, р. 14–15]. Вот почему неоменеджериализм в социальной работе проявился в переходе от патерналистской к партнерской модели социальной работы, однако при этом изменения привели к усилению бюрократических форм стабилизации и контроля за практиками, ранее работавшими в ситуации большей автономии [21, р. 57].

В целом можно говорить о тенденции к формированию более жестких административных систем управления социальной работы. Этот процесс трансформации помогающей профессии имеет глобальный характер, и его черты мы наблюдаем не только в таких национальных контекстах, как Великобритания и США, где усилились политические позиции неоконсерваторов, выступающих за сокращение расходов на социальную политику. Изменения имеют место и повсюду в Европе, и в постсоветских странах, хотя мотивы здесь различаются. В постсоветских странах рационализация социальной поддержки происходит в условиях глубокого экономического кризиса и бюджетных ограничений, слабого и нечетко оформленного профессионального этоса. Это влечет увеличение рисков, связанных с расширением практик исключения и депривацией социально слабых групп, сужения поля деятельности социальных служб.

По мнению исследовательницы из Финляндии Кати Нэри, в постсовременном (или позднесовременном) обществе профессии должны основываться на паблисити, коммуникации и доверии. Это значит, что от профессионального, экспертного знания ожидается его публичное обсуждение, вследствие чего экспертиза становится открытой рефлексией, а не жестко зафиксированным заранее выводом нормативного характера [28, р. 334]. В условиях растущей неопределенности классический ландшафт зафиксированных профессиональных идентичностей сталкивается с новой ситуацией, артикулированной критическим подходом и концепцией «рефлексивного практика». Модель рефлексивного практика необходима там, где «величайшую важность приобретают проблемы равенства, соблюдения прав и нон-дискриминации» [25].

Эта модель делает акцент на важности обучающего опыта как средства достижения и оттачивания профессиональной компетентности, предусматривая цикл практического обучения (*experiential learning*) [26], которое включает конкретный опыт, рефлексивное наблюдение, теоретическую концептуализацию и активное экспериментирование, восприимчивое к специфическим контекстам

и ситуациям профессиональной практики. Такой тип профессионализма, доказавший свою адекватность задачам социальной работы во всем мире, предполагает комбинацию теоретического и практического знания, профессиональных ценностей, когнитивной и поведенческой компетентности в специфических ситуациях, требующих достижения взаимопонимания и договоренности [10; 17].

Процессы, происходящие сегодня в социальной работе как академической дисциплине и профессиональной практике, свидетельствуют о том, что характер этой профессии в современном мире меняется. Из специфической деятельности с четкими границами между теорией и опытом, образованием и практикой, между ролями специалиста и клиента она эволюционирует в направлении признания равных, партнерских отношений преподавателя, специалиста и клиента, где практический опыт приобретает все больший вес наряду с академической подготовкой. Эти изменения, в частности, выражаются в замене термина «клиент» понятиями «пользователь услуг», «потребитель услуг», «участник», «член группы поддержки».

Кроме того, в последние годы растет признание необходимости более близких и взаимных отношений теории и практики в помогающих профессиях; не только практика выстраивается согласно сформулированным теоретическим постулатам, но и теория развивается из осмысления опыта и анализа практики. Это происходит благодаря проводимым все чаще прикладным исследованиям профессиональной деятельности, результаты которых применяются на практике, а также посредством партисипаторных исследований как особой технологии социальной работы. Выражение «рефлексивная практика» [35; 36] в смысле деятельности, в которой сочетаются «мысли и дела», известно еще не всем отечественным социальным работникам и преподавателям, а за рубежом эта перспектива уже не одно десятилетие признана условием профессионального развития наряду с более поздним «подходом, основанным на фактах» (evidence-based practice) (о последнем подходе см.: [37; 38]).

Понятие профессионализации, рассматривавшееся ранее как позитивный рост «знаков отличия» – дипломов, теоретических знаний, статуса и зарплаты, сейчас понимается в контексте вызываемых этим процессом противоречий и дилемм. В частности, разрыв между теорией и практикой уже не устраивает ни преподавателей, ни студентов, ни специалистов в Швеции и Финляндии – здесь говорят о сенситивной кооперации между вузами и агентствами социальной работы. В Дании, Норвегии и Исландии, напротив, оторванность практики и учебы по социальной работе от исследовательской деятельности тормозит развитие профессии, и поэтому здесь на повестке дня рефлексивная академизация [16].

Администраторы социальных служб, с которыми мы беседовали в 2004 г. о качестве вузовских программ подготовки специалистов по социальной ра-

боте, обнаруживали этот разрыв между практикой и теорией, рисуя образы изолированности разных типов знания: «У нас ведь все совсем по-другому»; «Образование-то оно образование, но здесь нужно быстро, здесь именно практика должна быть»; их разноязыкости: «Очень мощная теоретическая подготовка есть на вашей кафедре, но когда мы начинаем разговаривать – мы разговариваем на разных языках»; самодостаточности: «Мы сами себе психологи». В этих фрагментах из интервью с социальными работниками академическое знание рассматривается в качестве ненужного украшения, не востребованного в условиях практической деятельности. Герметичная система практических навыков совладания с критическими и повседневными ситуациями, с одной стороны, избегает академической кодификации, способной поставить под вопрос стихийную экспертизу социальных работников, а с другой стороны, не видит отражения своего опыта в тех образцах теоретизирования, которые предлагаются в вузе, и потому воспринимает их как чужеродные и чрезмерно абстрактные.

Опасным аспектом такого положения дел является риск индивидуализации или приватизации социальными работниками проблем, имеющих социальную и групповую природу, игнорирование культурных различий, сужение ими арсенала возможных решений, ограниченный взгляд на миссию социальной работы как профессии. Одновременно, преподаватели и исследователи, изолированные от живой практики, проявляют неспособность в полной мере распознать и освоить недокументированное практическое знание, отрефлексировать его и поместить в гуманистический контекст образования по социальной работе.

Типы знания в социальной работе

Как указывают П. Бересфорд и С. Крофт [20], в западноевропейской традиции социальной помощи в последние годы произошел ощутимый прогресс в процессах включения пользователей услуг в подготовку социальных работников, в совершенствование теории, исследований и практики, а также в разработку стандартов социального обслуживания. Все это позволяет говорить о развитии профессии на принципах инклюзии и социального конструктивизма. Если исследователи, преподаватели и практики примут во внимание, что клиенты, или пользователи услуг, имеют право голоса, что они владеют уникальной перспективой, точкой зрения на проблему, своим собственным, очень важным и порой наиболее верным знанием ситуации, это будет шаг в направлении конструирования инклюзивной социальной работы. Следующий шаг – это признание представлений и описаний опыта практиков в качестве важнейшего источника профессиональной экспертизы. Каждый из этих типов знания, производимого пользователями, практиками и учеными (или преподавателями),

необходимо осмысливать с точки зрения того, какими именно способами и на какой основе конструируется это знание.

В современной дискуссии об основаниях знания в социальной работе реальность признается контекстуально привязанной, а знание – социально сконструированным явлением [21]. М. Пэйну [30] принадлежит идея о том, что контекстуально определенное знание – в конкретной стране или узкой специализации социальной работы – может оказаться камнем преткновения в более широких рамках, или контекстах профессионального знания. Источником специфических знаний могут быть элементы местной культуры социального обеспечения, модели социальной политики, религиозные или иные ценностные системы конкретного общества, группы или общины [30, р. 142]. Если же специалисты окажутся достаточно чувствительными к другим культурам и дискурсам, эти камни преткновения станут основой для формирования новых знаний и подходов к решению проблемы. В этом случае, считает М. Пэйн, имеет смысл говорить о передаче и заимствовании знания, когда оно начинает жить собственной жизнью в иных контекстах, становясь стимулом новой практики и углубления понимания. Изучение этих процессов интерпретации и реинтерпретации в разных странах, специализациях и культурах позволит нам понять, как конструируется знание в социальной работе [30, р. 143].

К. Тэйлор и С. Уайт говорят о рефлексивном действии социальных работников, когда те подвергают анализу знания и практику [41, р. 55]. Вопросами для критического анализа в этой связи являются такие: Как социальные работники обсуждают между собой своих клиентов? Какие предъявляют к себе и к другим требования и какие претензии? Что именно в их рассказах делает их убедительными, звучат ли там истории, рассказанные клиентами? К. Тэйлор и С. Уайт совершенно верно отмечают, что очень трудно отрефлексировать то, что принимаешь как должное, проанализировать собственную практику работы. Поэтому, с нашей точки зрения, здесь на помощь могут прийти качественные методы исследования, и полученные данные будут хорошим материалом для диалога исследователей и практиков, между самими практиками, для повышения теоретической чувствительности социальных работников и практической внимательности ученых.

Ввиду того что практика социальной работы характеризуется высокой степенью непредсказуемости и противоречивости, специалист-практик всегда вынужден принимать решения и действовать в неопределенной ситуации [28, р. 333]. Всю информацию, с которой ежедневно имеет дело социальный работник, очень трудно уложить в существующие теоретические рамки, чтобы использовать их как руководство к действию. Для того чтобы совладать с неопределенностью, социальный работник как повседневный деятель подвергает ее типизации с точки зрения здравого смысла [14], который формируется на основе имеющихся представлений, ценностей, эмоций. Именно на основе

осмысления повседневного опыта самими практиками строится профессиональная экспертиза, и хорошо, если это сопряжено с гибкостью, открытостью новому. Однако нередко выработанные с опытом представления и приемы работы превращаются в бастион между «цехом» профессионалов и обычными людьми. При этом легитимность опыта и знаний пользователей подвергается сомнению как принадлежащая области непрофессионального, ненаучного, а потому символически менее ценного [22].

Одна из наших собеседниц отметила важность локального контекста для выработки необходимых в работе знаний: *«Ну, конечно, у нас таких знаний нет. Я, например, тоже пришла – никаких, так скажем, знаний. Вот только обретаешь в процессе работы...»*. Нас интересует именно этот процесс формирования профессионального, экспертного знания на основе повседневного опыта. В терминах И. Гофмана [1, с. 71], мы проводим анализ фреймов – исследование опыта на основе, во-первых, принципов социальной организации событий и, во-вторых, посредством субъективной в них вовлеченности. Профессиональное знание вряд ли можно рассматривать как некую фиксированную данность, существующую в научных статьях и учебниках, отдельно от процессов понимания, от вырабатываемых ежедневно и ежечасно представлений о правильном и ошибочном поведении, о достойных и недостойных клиентах, от тех разнообразных контекстов, в которых формируются и применяются как ценности, так и знания.

Представления о знаниях, необходимых в социальной работе, в позднесовременную эпоху изменилось. Профессиональная экспертиза видится не столько основанной на структурном и универсальном знании, сколько создаваемой в процессе диалога и под влиянием различного рода дискурсов. В настоящее время акцент делается на так называемом практическом знании и повседневной мудрости практиков¹. Экспертиза рассматривается как результат согласований, и знание становится скорее процессом (knowing), нежели продуктом (knowledge) [28, р. 334]. Иными словами, понимание – это бесконечный процесс постоянно меняющихся представлений и отношений, который осуществляется посредством практики и рефлексии.

Рассмотрим понятие теории в перспективе социального конструктивизма. Если в классической науке теория связана с кабинетной деятельностью ученого, то в эпоху постмодернизма словом «теория» называют объяснения, к которым прибегают в своей повседневной жизни обычные люди, в этом случае зачастую применяют термин «наивные теории». Теории социальной работы в их классическом понимании можно подразделить на разные классы в зависимости от их парадигмальной принадлежности [31], содержательной направленности, целей и области применения.

¹ В трудах по социальной антропологии этот тип знания известен как tacit knowledge (внутреннее, повседневное) [33].

Кроме того, среди теорий можно выделить те, что несут в себе знание о ситуации, а также о том, как это знание использовать для ее изменения или разрешения. Теории можно также различать по степени их генерализуемости, релевантности и формальности. Есть «высокие» (*grand*) формальные теории, которые объясняют социальные процессы на макроуровне, их применяют (с различной степенью успешности) ко всем обществам и во все времена; есть так называемые теории среднего уровня, а есть теории, укорененные в контексте (*grounded theory*). Теория может представлять собой предсказуемый паттерн событий, с которым можно сравнивать наблюдаемое, или модель иерархических взаимосвязей между компонентами, или, напротив, сеть неиерархических отношений между связанными понятиями [22].

Привилегированные позиции в социологии, психологии и социальной работе заняты теориями, созданными из абстрактных рассуждений в отрыве от практик конкретных людей [27]. В свою очередь, тесная связь теории и практики основывалась целым рядом исследователей на отрицании теории как абстрактных форм. Взамен предлагались теории, основанные на понимании жизненного опыта, на признании субъектности изучаемых людей. Большое значение в этом производстве теории нового типа сыграло в 1960–1970-е гг. формирование Б. Г. Глэзером и А. Л. Строссом [23] (см. также [11]) качественной методологии *grounded theory*, распространение принципов акционистского и партисипаторного исследования (см., например: [24]). Более прочной связи теории с практикой способствовала и критическая педагогика феминизма, в которой, как и в научной деятельности в русле женских и гендерных исследований, «была интенция на непринятие дуалистического подхода к телу и сознанию» [13, с. 244].

Какие же типы знаний и теорий должны быть целью исследований профессии социальной работы? Следует ли нам создавать теории общего характера, валидизируя их научными экспериментами? Будут ли они адекватны постмодернистским и меняющимся контекстам социальной работы в постоянно трансформирующихся условиях? Или же теории должны создаваться практиками и быть укорененными в специфических контекстах [22]?

А. Страус и Д. Корбин предлагают считать теорией наборы понятий и предполагаемых взаимосвязей между понятиями: сходные данные группируются и им присваиваются понятийные ярлыки, тем самым интерпретация данных ведет к теоретизации. Кроме того, понятия связываются в систему посредством формулирования, наименования взаимосвязей [11, с. 26]. В качестве теоретических идей, позволяющих понять события или явления на микроуровне, могут выступать единичная описательная идея, понятие или метафора-ярлык. «Называние» или маркирование какого-то явления или поведения, объясняя, связывает поведение или явление с теоретическими идеями.

Одним из таких ярлыков, прозвучавших в интервью с администраторами социальных служб, было слово «психология», применяемое, с нашей точки зрения, как метафора профессиональной теории: *«Психология, в том числе и психология пожилого человека. Уметь общаться с пожилым человеком»; «Социальный работник, я думаю, что, во-первых, он должен <...> иметь такой характер, который... ну, умеет подстраиваться. Бабушки и дедушки – они, конечно, очень вспыльчивые и ругают нас. <...> Во-вторых, он должен знать элементарные навыки психологии. Уметь посоветовать».* К чему же надо «уметь подстраиваться», в чем состоит смысл психологии как некоего профессионально важного качества, необходимого работникам современной отечественной социальной службы? Чтобы это понять, нужно знать особенности рутинной социальной работы в центрах социального обслуживания, среди которых высокая нагрузка при неадекватном вознаграждении, неопределенный, нерациональный характер отношений работника и клиента, уязвимость работника перед организацией и получателем услуг, патернализм в отношениях с потребителями услуг, непрозрачность и трудность измерения обслуживающего труда, риск пренебрежения потребностями клиента, завышенные требования со стороны клиентов.

Наш анализ выявляет фреймы повседневного опыта, т.е. не только то, какое знание нужно практикам и другим акторам, конструирующим знания в процессе социальной работы, но и как оно применяется на практике, как сама эта практика интерпретирует и понимает знание. Как пишет И. Гофман, «даже если мы поставим задачу использовать в гуманитарных науках „примеры“, „иллюстрации“, „яркие случаи“, за которыми стоят обыденные теории, это будет как раз тот случай, когда примеры и иллюстрации должны использоваться и в качестве объекта, и в качестве средства анализа» [1, с. 72].

Израильские исследователи А. Зейра и А. Розен считают, что повседневное знание (*tacit knowledge*), которое не обязательно выражается при помощи языка, играет большую роль в деятельности социальных работников [43]. Это «практическая мудрость», «жизненный опыт», теория, неявно содержащаяся в повседневном практическом действии, молчаливо подразумеваемые установления в рутине социальной работы. Это знание нам доступно только через опыт практиков.

А как быть, если в роли практиков выступают теоретики? Если практикующие профессионалы имеют навыки аналитической рефлексии и регулярно обсуждают свой опыт, прошли подготовку в вузе или на специально организованных тренингах, имеют опыт преподавания и исследовательской работы? Некоторые практики даже в ситуации неструктурированного интервью стремятся описывать их практику в терминах формальной теории. Можно ли воссоздать картину практики в наиболее «сырых», приближенных к реалиям терминах, максимально приблизиться к опыту, не довольствуясь клишеобраз-

ным ответами, которые можно прочесть в инструкциях или положении об организации?

Для этого существуют так называемые естественные методы понимания ситуации: этнография, понимающая методология – конкретные контексты жизненного опыта людей; укорененная, или обоснованная теория – теория, формируемая из опыта респондентов; рефлексивная практика, поощряющая практикующих работников на создание теории; нарративный и дискурсивный анализ – развитие теорий, имплицитно содержащихся в практике, посредством интерпретации текстов, представляющих тот или иной опыт; акционистские методы, при использовании которых теории создаются в практическом контексте, в процессе постоянного взаимодействия и развития; партисипаторные и коллаборативные подходы, позволяющие создавать теории из практики посредством сотрудничества и диалога между исследователями и практиками. К опыту имеет смысл приближаться разными путями и с разных углов зрения, задавая вопросы на предельно эмпирическом уровне. Вот почему Ж. Фук настаивает на выражении «приближение к опыту» взамен «сбора данных». Для этого применяются качественные, этнографические, рефлексивные методы, подход обоснованной, или укорененной теории, качественный анализ и интерпретация текстов, а также акционистские, партисипаторные и коллаборативные исследования.

Рассмотрим, например, следующий вопрос качественного интервью: «Каким образом Вы оцениваете потребности клиента в помощи?». Этот вопрос позволяет информанту обратиться к существующим и используемым в повседневной работе официальным, формальным инструкциям. Попробуем заменить его вопросами следующего типа: «Что Вы увидели (почувствовали, подумали, произнесли), когда впервые пришли домой к клиенту? Почему именно такие слова (почему испытали именно такие чувства, почему прозвучали именно такие оценочные высказывания)?». Ответы на подобные вопросы побуждают информанта активизировать воспоминания на уровне эмоций, ощущений, непосредственно испытанных в конкретной ситуации, вспомнить первые впечатления, а также последующую рационализацию, теоретизацию увиденного и услышанного в доме клиента, категоризацию его (или ее) состояния или поведения в соответствии с выработанной на практике экспертизой. Подобный результат нам удалось получить в исследовании социальной работы, связанной с проблемой бедности [19], когда, например, метафора «запах бедности» вывела нас на повседневные теории, используемые для «подгонки» сложной реальности человеческих отношений к жестким задачам классификации клиентов на достойных и недостойных.

Кстати, подобные подходы к классификации клиентов хорошо знакомы и зарубежным социальным работникам, на деятельность которых повлиял в конце XX в. упомянутый менеджериализм. Л. Доминелли, ссылаясь на М. Фуко,

аргументирует критику этого периода развития профессии следующим образом. Власть предполагает репрезентацию, и наименование предполагает акт применения власти репрезентации и инклюзии (или эксклюзии). Те явления, которые не названы, остаются невидимыми и маргинальными. Категоризация людей на «достойных» или «недостойных» представляет яркий пример власти наименований, которая затушевывает нужды тех, кто оставлен без внимания, посредством простого акта маркирования их как «незаслуживающих» или «недостойных». Посредством наименования социальные работники нормализуют определенные типы поведения и маргинализуют других. Л. Доминелли вслед за М. Фуко в этой связи говорит о том, что клиенты становятся субъектами технологий правительственности, начиная контролировать себя самостоятельно, относясь к себе как к фрагментированным и атомизированным существам, изолированным от остальных. Посредством дифференцированной инклюзии социальные работники поощряют индивидов выбирать для себя такие модели идентичности, которые можно было бы назвать ограниченным типом гражданства «достойных» бедных. Подобная инклюзия происходит за счет тех, кого маркировали как незаслуживающих. Дифференциация бедных как достойных и недостойных оказалась очень полезной для научной рационализации ресурсов. Будучи полезными для экономии ресурсов, идеологии правительственности создают разрыв между клиентами и социальными работниками. Ввиду этого клиенты считают практиков не источником помощи в ситуации нужды, а преградой, которую им необходимо преодолеть, чтобы получить нужные им услуги [21, р. 43–44].

Австралийская исследовательница социальной работы Ж. Фук указывает на опыт совместного анализа видеозаписи семейного консультирования: исследователь и семейный терапевт просматривают документальный материал и обсуждают критические моменты рабочей ситуации, причины, побудившие консультанта предпринять то или иное действие. Она же предлагает следующие принципы приближения к практике: стремиться к наиболее конкретным описаниям; избегать формальных теоретических терминов; снижать влияние существовавшей прежде формальной теории; постигать практику и пользоваться ею разными способами; совмещать взгляды и опыт практиков и исследователей [22].

Вместе с тем мы полагаем, что, задавая вопросы метауровня, можно, во-первых, доверить практикующим профессионалам право обобщать и анализировать, а во-вторых, понять, какие смыслы вкладывают наши информанты в понятия, не относящиеся к их непосредственному опыту. Так, пытаясь выявить смыслы понятия «теория» для практиков, мы задавали администраторам социальных служб вопрос о том, какие теоретические знания необходимы в работе им и их сотрудникам. Ответы указывали на специфическое понимание теории, отличающееся от такового у представителей академической науки: «Ну,

конечно, новые постановления, решения нормативные»; «Знание основных документов. И конечно, все вот эти льготные постановления. То, что требуется для наших пенсионеров, чтобы для них оформлять документы, чтобы грамотно отвечать на их вопросы». Здесь теория предстает в виде нормативно кодифицированного знания правового характера. Это объясняется тем, что и повседневная деятельность, и задачи значительной части социальных сервисов складываются в условиях решения задач на уровне простого социального обеспечения, когда от социального работника требуется только распределять льготы, пособия, материальную помощь. Критическая социальная работа, например, отстаивание прав клиентов в средствах массовой информации, влияние социальных работников на процессы социальной интеграции, уменьшение эксклюзии на основании этничности, расы, дохода требуют других теоретических знаний и другого уровня рефлексии. Эти знания пока недостаточно востребованы профессией, однако вне такой рефлексии на уровне практики трудно ожидать повышения статуса и роли социальной работы в обществе, особенно в условиях социального кризиса, переживаемого российским обществом.

Совладание с неопределенностью: вместо заключения

В заключение несколько слов о применимости теоретизации практики. В ряде случаев лишь специально подготовленным исследователям под силу раскрыть те или иные вопросы в определенной теоретической перспективе. Некоторые теории могут развиваться и использоваться только посредством совместных усилий практиков и исследователей. Но для кого и для чего может быть полезной теория, развитая из практики? Кому нужны результаты исследований, и как сделать, чтобы с ними считались?

Сложились две существенно различающиеся традиции обращения к человеческому опыту и управления им в организациях – менеджериалистская и герменевтическая. Менеджериализм стремится подчинить своему административному проекту всю деятельность организации сверху до низу, нормировать не только повседневную деятельность, но и образ мышления в собственных терминах. Борьба с неопределенностью здесь связана с навязыванием сотрудникам определенной системы смыслов. Герменевтическая традиция, сложившаяся в 1960-х гг. благодаря исследованиям И. Гофмана и М. Поланьи, обращается к стихийно развивающемуся человеческому опыту, который формируется в виде повседневного знания. Открытие такого знания продемонстрировало огромное пространство неопределенностей, в том числе в профессиях и организациях, складывающееся автономно от административных регламентаций. Отечественные социологи, этнографы и социальные антропологи обнаруживают неявные правила, фоновые знания, повседневные ритуальные практики, способы рефлексии и самоидентификации различных профессиональных и

квазипрофессиональных групп: журналистов [9], медиков, учителей [15], художников [5], геологов [12], актеров [2], магов [6].

В последние годы интерес к *tacit knowledge* среди исследователей организаций необычайно высок, что связано со стремлением совладать с этой растущей неопределенностью. Японский исследователь Икуиро Нонака в начале 1990-х гг. одним из первых заговорил о проблеме управления знаниями, он признал неформальное, повседневное знание в качестве корпоративного ресурса и призвал к созданию в организациях системы выявления такого знания и управления им, к конвертированию его в формальные правила и установления. Первоначальная идея необходимости вчувствования и понимания индивидуальных особенностей работников приобрела формы менеджерской борьбы с неопределенностью [29], вызываемой разными перспективами, множественными смыслами и сложно организованными жизненными мирами повседневных деятелей, групп, организаций.

Ввиду того что разные акторы прибегают к различным способам получения знания, приемы и задачи изучения практического опыта должны соответствовать характеристикам исследователя. Следует отметить, что в некоторых случаях постановка исследовательских задач такова, что их возможно решить только при помощи практиков, имеющих уникальный опыт социальной работы. Кстати, в этом аспекте необходимо иметь в виду и то, что каждый из нас – практик или теоретик – может получить лишь частичный и выборочный доступ к целостному опыту, что обусловлено ограниченностью индивидуальной, профессиональной или методологической перспективы.

Теоретизация практики вносит важный социальный вклад в деконструкцию тех социальных иерархий, которые создаются и воспроизводятся в обществе благодаря неравному доступу к информации и владению знанием. Традиционная власть профессионального знания придает больший вес исследователю в сравнении с практиком или практику в сравнении с клиентом. Любая профессия в классическом понимании предполагает монополию и привилегированность специализированного знания, тем самым все остальные виды знания полагаются более «низкими», «приземленными», по сравнению с «высоким» знанием эксперта-профи. Качества подотчетности и прозрачности, отличающие подходы к теоретизации практики, позволяют передавать смыслы и трансформировать практику, деконструировать абсолютную власть академических исследований. Очень важно, чтобы этому способствовала организационная культура и вся среда профессии, в частности, система подготовки к социальной работе.

Необходимая в таком случае модель подготовки базируется на представлении о критическом знании по Ю. Хабермасу и включает, в частности, партисипаторные методы преподавания [8]. Партисипаторный подход предоставляет ряд приемов для развития демократических процессов и децентрализации контро-

ля не только в образовании, но и в исследованиях, непосредственно связанных с социальной политикой и социальной работой. Что касается преподавателей, приверженных данному методу, то они включают учащихся в разработку учебного плана или программы курса, а также применяют в своей педагогической деятельности такие приемы, которые позволяют повысить участие студентов в поиске, производстве и рефлексии знания по предмету.

Библиографический список

1. Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН; Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
2. Зайцева Н.В. Этнографические наблюдения в театре имени Ленсовета // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. №1.
3. Кларк Дж. Неустойчивые государства: трансформация систем социального обеспечения // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 1.
4. Клепиков А. Девальвация ответственности // Эксперт. 2004. № 38 (195): Прил. «Северо-Запад». 2004. 11 окт.
5. Магидович М.А. Профессиональная идентичность художника // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 2.
6. Паченков О. Рациональное «заколдовывание мира»: современные российские «маги» // Невидимые грани социальной реальности: Сб. ст. по материалам полевых исследований / Под ред. В. Воронкова и др. СПб.: ЦНСИ, 2001. Вып. 9.
7. Ржаницына Л. Курс на экономию социальных расходов // Человек и труд. 2004. №11.
8. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Социология тела и социальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 2.
9. Сосновская А.М. Профессиональная идентичность журналиста (анализ случаев) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 3.
10. Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России / Под ред. Е. Ярской-Смирновой и П. Романова. М.: ИНИОН РАН, 2002.
11. Траус А., Корбин Дж. Основы качественного исследования. Обоснованная теория: процедуры и техники. М.: УРСС, 2001.
12. Федосеенко С.Ю. Проявление неформального фактора в профессиональной среде геологов-полеводов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. № 1.
13. Хукс Б. Наука трансгрессировать. Образование как практика свободы // Гендерные исследования. 1999. № 1 (2).
14. Шютц А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия // Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004.
15. Щепанская Т.Б. Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. № 1.
16. Юлиусдоттир С., Петерсон Я. Общие стандарты по образованию в области социальной работы в странах Северной Европы: к постановке проблемы // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 3.

17. *Ярская-Смирнова Е.Р.* Профессионализация социальной работы в России // Социологические исследования. 2001. № 5.
18. *Ярская-Смирнова Е.Р.* Рефлексирующий практик – модель профессионализма в социальной работе // Высшее профессиональное образование в области социальной работы: опыт и проблемы. М.: МГСУ, 2002.
19. *Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В.* Социальная защищенность городской моно-родительской семьи // Мир России. 2004. Т. 13. № 2.
20. *Beresford P., Croft S.* Service users' knowledges and the social construction of social work // Journal of Social Work. 2001. Vol. 1. № 3.
21. *Dominelli L.* Social work. Theory and practice for a changing profession. Cambridge: Polity Press, 2004.
22. *Fook J.* Theorising from Frontline Practice. Towards an Inclusive Approach for Social Work Research // Qualitative Social Work. 2002. Vol. 1. № 1. March.
23. *Glaser B.G., Strauss A.L.* The Discovery of Grounded Theory: Strategies of Qualitative Research. Chicago: Aldine and Atherton, 1968.
24. *Hall B.L.* Participatory Research, Popular Knowledge and Power: A Personal Reflection // Convergence. 1981. Vol. 14. № 3.
25. *Jones S., Joss R.* Models of Professionalism // Learning and Teaching in Social Work / Ed. by M. Yelloly, M. Henkel. L.; Bristol: Jessica Kingsley Publishers, 1995.
26. *Kolb D. A.* Experiential Learning. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1984.
27. *Morgan D.H.J., Scott S.* Bodies in a social landscape // Body matters: essays on the sociology of the body / Eds. by S. Scott, D. Morgan. L.: Falmer Press, 1993.
28. *Närhi K.* Transferable and negotiated knowledge. Constructing social work experience for the future // Journal of Social Work. 2002. Vol. 2. № 3.
29. *Nonaka I., Takeuchi H.* The Knowledge Creating Company: How Japanese Companies Create the Dynamics of Innovation. Oxford: Oxford University Press, 1995.
30. *Payne M.* Knowledge Bases and Knowledge Biases // Journal of Social Work. 2001. Vol. 1. № 2.
31. *Payne M.* Modern social work theory: a critical introduction. L.: Macmillan, 1991.
32. *Peterson E., Plowmen E.G.* Business organization and management. Homewood, Ill.: R.D. Irwin, 1958.
33. *Polanyi M.* The Tacit Dimension. L.: Routledge & Kegan Paul Ltd, 1966.
34. *Sainsbury E.* Client Studies: their contribution and limitations in influencing social work practice // British Journal of Social Work. 1985. Vol. 17. № 6. P. 635–644.
35. *Schon D.* Educating the Reflective Practitioner. San Francisco: Jossey Bass, 1987.
36. *Schon D.* The Reflective Practitioner. N.Y.: Basic Books, 1983.
37. *Shaw I.* Evaluating in Practice. Aldershot: Ashgate, 1996.
38. *Shaw I.* Evidence for Practice. Aldershot: Ashgate, 1999.
39. *Spencer S.W.* The administrative process in social welfare agency // Social welfare administration / Ed. by E. W. Reed. N. Y.: Columbia University Press, 1961.
40. *Stein H.* Social work administration // Social work administration: a resource book / Ed. by H. Schatz. N.Y.: Association Press, 1971.

41. *Taylor C., White S.* Knowledge, Truth and Reflexivity. The problem of judgment in social work // *Journal of Social Work*. 2001. Vol. 1. № 1.
42. *Weimer D.L., Vining A.R.* Policy Analysis. Concepts and Practice. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1992.
43. *Zeira A., Rosen A.* Unraveling "tacit knowledge": What social workers do and why they do it // *Social Service Review*. 2000. Vol. 74. № 1.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ КАК ОБЛАСТИ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

.....

И. Ф. Албегова*

Как область научного познания социальная работа изначально оформилась как концепция милосердия. В XIX в. социальная работа в своей еще допарадигмальной стадии начинает осмысливаться в различных областях знания, но особенно интенсивно – в социально-политических, реформистских и правовых доктринах Э. Мюнстесберга, Г. Спенсера, Г. Шмоллера, А. Вагнера, А. Принса, а также в марксистских разработках, посвященных социальной справедливости. В дальнейшем возник интерес к взаимосвязи между бедностью и уровнем развития экономических основ общества, в связи с чем социальная работа обращается к социологии. При планировании и отслеживании результатов общественной поддержки начинают использовать методы социологического исследования, а результаты эмпирических данных систематизировать и описывать согласно логике исследовательского инструментария. Так социология становится основой теоретических построений в социальной работе [5, с. 112–115].

В начале и середине XX в., когда практика общественной поддержки в основном связывается с проблемами социальной патологии, доминируют модели превентивного и оперативного вмешательства. На этом этапе происходит интенсивное сближение практической социальной работы с психологией (бихевиоризмом и психоанализом) и микросоциологией (исследования малых групп, социометрия), прикладной педагогикой и психиатрией. Именно на этом этапе возникает потребность в теоретическом осмыслении социальной работы, интеграции в нее знаний из разных областей гуманитарных наук. В обосновании социальной работы наряду с социологическими, политологическими, экономическими и культурологическими теориями видное место стали занимать психологические знания.

* Албегова Ирина Федоровна – кандидат философских наук, заведующая кафедрой социальных технологий Ярославского госуниверситета им. П. Г. Демидова. Электронная почта: alba50@yandex.ru; andyrub@yandex.ru.

Интенсивное развитие социальной работы в России создало для ученых принципиально новое поле исследований.

Мировая практика показывает, что становление социальной работы в отдельных странах происходит в периоды глубоких кризисов общественного развития, когда наблюдается пересмотр философских основ жизнедеятельности общества, переоценка целей, задач и перспектив его развития. В целом эти исторические отрезки характеризуются сменой парадигм общественного развития, плюрализмом методологий, активным поиском инновационных взглядов на природу вещей, сущность человека и его роль в обществе. Так было в США, странах Запада и постсоциалистических обществах. Россия в этом плане не была исключением: признание и официальная регистрация в 1991 г. профессий «социальный работник» и «социальный педагог» – тому подтверждение.

Процесс становления социальной работы как науки еще далек от завершения. На сегодняшний день методологические и теоретические основы социальной работы находятся в стадии разработки, многие методы носят междисциплинарный характер, а то и просто заимствованы из других наук (социологии, психологии, педагогики). Полипарадигмальность социальной работы порождает разнообразие ее определений как науки. М.В. Фирсов определяет ее как область научного знания о процессе помощи и преодоления трудностей, возникающих в жизненном сценарии личности в результате различных биосоциальных и социопсихологических факторов. П.Д. Павленок считает, что это – сфера человеческой деятельности, функция которой состоит в выработке и теоретической систематизации объективных знаний о профессиональной и общественной деятельности государственных и частных организаций, специалистов и активистов, направленной на решение социальных проблем индивидов, семей, групп и слоев в обществе. И.Г. Зайнышев трактует социальную работу как научное знание о наиболее существенных связях и отношениях, возникающих под влиянием деятельности социальных служб и органов социальной защиты населения. Заслуживает внимания предложение И.А. Зимней определить науку о социальной работе как «социоэкологию личности». «По своей природе, – пишет она, – это междисциплинарная наука в самом строгом и полном смысле этого слова. Ибо в ней объединены психологические, социологические, медицинские, культурологические, педагогические, юридические и другие знания, центром приложения которых является преодоление человеком личностных и социальных трудностей (проблем) самостоятельно при облегчающей (а также коррекционной, реабилитационной) помощи другого человека – социального работника» [3, с. 72–74]. Считаем, что междисциплинарности социальной работы можно дать несколько вариантов объяснения.

Согласно первому варианту институционализация научной области проходит ряд обязательных стадий, в том числе и стадию междисциплинарности. Для примера обратимся к истории развития социологии, которая на начальных

этапах развития включала науку о человеческом мире, состоящую из антропологии, психологии, логики, морали, социальной экономики, политики, эстетики, даже теологии и метафизики [2]. Участниками международного конгресса в Риме (1912 г.) социология определяется как дисциплина, синтезирующая в себе знание, «добытое разными общественными науками». Сегодня социология – специфическая область познания, которая требует компетентности, специализации в научном разделении труда. Можно также вспомнить, что Адольф Кетле социологию называл социальной физикой, а Огюст Конт – социальной наукой, социальной философией, социальной физиологией.

Согласно второму варианту социальная работа рассматривается в контексте таких областей, как социальная политика, социальная экономика, социальная педагогика, социальная история, социальная экология и т.д. – областей познания, возникших на рубеже веков на волне интереса к познанию «социального». В данном случае «социальное» – знаковое явление, которое лежит на грани иррационального и рационального познания и определяет особую область систематизации реальных явлений и познавательных парадигм в XX в. Не случайно Эмиль Дюркгейм вкладывал в этот термин нечто большее, чем просто представления о совокупности или свойствах общественных отношений, осмысляя его не иначе как «божественное социальное».

Можно говорить о том, к началу XX в. «социальное» становится новой парадигмой рациональности, предопределившей закат картезианско-ньютоновской парадигмы науки с ее многовековой традицией деления областей познания на физику и метафизику. «Социальное» выступало тем «магическим кристаллом», позволившим на рубеже веков М. Веберу предложить новое деление науки, в основе которого лежала не предметная определенность, «фактические связи вещей», «а мысленные связи проблем» «там, где с помощью нового метода исследуется новая проблема и тем самым обнаруживаются истины, открывающие новые точки зрения» [4, с. 364].

В настоящее время для теории социальной работы как полифункциональной междисциплинарной науки характерен, с одной стороны, чрезвычайно большой разброс различных теорий, а с другой – полное отсутствие собственных фундаментальных теорий и разработка «небольших» концепций.

Процесс становления социальной работы как науки, определение ее объекта и предмета, выявление места в существенных чертах напоминает становление социальной психологии среди других общественных наук.

Социальная работа как помощь и социальная психология исследующая психологические особенности социально-демографических групп исходит из биологического (естественного), психологического и социального неравенства людей. Кроме того, и социальная психология, и социальная работа возникли на стыке наук. Г.М. Андреева по этому поводу пишет: «Возникнув на стыке наук психологии и социологии, социальная психология до сир пор сохраня-

ет свой особый статус. Это приводит к тому, что каждая из „родительских“ дисциплин довольно охотно включает ее в себя в качестве составной части. Междисциплинарный характер социальной психологии и социальной работы создает немалые трудности в выявлении их предметов и выделении круга изучаемых ими проблем. Подтверждением этого являются дискуссии о предмете социальной психологии, проходившие в России в 1920-е годы и 1950-60-е годы» [1, с. 10].

Толчком для первой из них послужили два обстоятельства: состояние послереволюционного общества и идейная борьба, развернувшаяся между материалистической и идеалистической психологиями, а основанием второй стало интенсивное развитие общественной жизни, необходимость решения возникших экономических, социальных и политических проблем.

То же самое мы наблюдаем сегодня при попытках определения предмета социальной работы как науки: те же причины лежат в основе разворачивающихся дискуссий по поводу определения его сути, категориальный и понятийный аппарат науки находится в стадии разработки и постоянного уточнения, имеет место чрезвычайно широкий полиморфизм теоретических и методологических подходов.

По-видимому, столь обширные дискуссии по поводу предметов социальной работы и социальной психологии есть проявление общих закономерностей развития большинства наук, возникающих на стыке различных дисциплин. Более того, история науки показывает необходимость всех дискуссий, потому что они, «во-первых, помогают очертить круг задач, решаемых этой наукой, и, во-вторых, ставят нерешенные проблемы более четко, заставляя попутно осознать свои собственные возможности и средства» [1, с. 22]. Г.М. Андреева, продолжая эту мысль, пишет: «Так, дискуссия о предмете социальной психологии не может считаться вполне законченной, хотя базы достигнутого согласия вполне достаточно, чтобы проводить исследования. Вместе с тем остается несомненным, что не все точки над „і“ поставлены. Как известный компромисс сложилось такое положение, что практически в нашей стране сейчас существуют две социальные психологии: одна, связанная преимущественно с более „социологической“, другая преимущественно с „психологической“ проблематикой» [1, с. 22]. Особая взаимосвязь социальной работы и социальной психологии прослеживается и в том, что обе научные области знаний имеют прикладной характер.

Наличие общих (одинаковых) уровней объектов социальной психологии и социальной работы (конкретный человек, различные социальные группы, конкретное общество, все человечество) также позволяет говорить о тесной взаимосвязи теоретико-прикладных аспектов выделенных направлений человеческого знания.

Конечно, ориентация социальной работы на человека «нуждающегося», менее слабые в статусном отношении группы и общества, находящиеся в хаотичном, кризисном состоянии, делает ее в настоящее время более востребованной. Надо отметить, что большинство практических социальных психологов также работают с этими клиентами, т. е. теми, кто находится в самой тяжелой, безвыходной, кризисной ситуации. По сути, происходит формирование общего поля деятельности для социальных работников и социальных психологов, что напрямую связано с состоянием российского общества.

В связи с этим становится трудно ответить на вопрос о том, что важнее: социально-психологическая или психосоциальная работа с населением как одно из направлений социальной работы? Скорее всего, ответ должен носить двойственный характер: и то и другое в современных условиях чрезвычайно важно, оба направления дополняют и обогащают друг друга. Так, социальная психология дает социальной работе возможность лучше узнать психологию и особенности поведения отдельных социальных групп, их ценностные ориентации и установки и, следовательно, помогает выработать наиболее оптимальные и эффективные формы и методы работы с ними. Психологическая информация может значительно упростить социальную работу с социально дискриминированными группами (инвалидами, правонарушителями, наркоманами и т. д.), считающими себя несправедливо ущемленными. Обычно данные группы населения ведут себя довольно стереотипно и проявляют две линии поведения. Первая из них характеризуется усилением конфликтности в межличностных отношениях, ослаблением внутригрупповых ценностей, общей неудовлетворенностью группой, стремлением ее покинуть. Вторая линия поведения связана с усилением внутригрупповой солидарности и сплоченности, укреплением межличностных связей, повышением удовлетворенности принадлежностью к группе, стремлением возвыситься над другими группами и людьми.

Социальному работнику, работающему с подобными группами, надо помнить, что обе линии поведения носят деструктивный характер, и быть готовым к неизбежному проявлению описанного комплекса деструктивных социально-психологических особенностей. При этом ему необходимо понять, почему возникают столь противоречивые последствия социальной несправедливости.

Анализ возможных стратегий активности социально депривированных групп для достижения позитивной социальной идентичности дает следующие возможные типы стратегии: индивидуальная мобильность, социальное соперничество (конкурентность).

Первая группа стратегий характерна для людей, пытающихся повысить социальный престиж благодаря своим личным возможностям (ресурсам, способностям, случайностям, обману). Вторая связана с изменением критериев социальной оценки. Она включает как мирные, демократичные, так и агрессивные формы соперничества, нередко приводящие к социальным катаклизмам.

При этом все типы поведения могут не сопровождаться активными действиями до тех пор, пока не возникнет и не окрепнет ощущение несправедливости, возникшее в результате проявления явной незаконности статусных различий. Основываясь на данных социальной психологии, в социальной работе может быть выбран путь снятия напряженности, предварительного устранения объективной несправедливости в отношении притесняемых групп или придания неизбежно возникающим статусным различиям законного правового характера.

Значимость социальной психологии для социальной работы усиливается в связи с необходимостью организации работ превентивного характера: с подростками, отличающимися асоциальным и делинквентным поведением, с лицами, склонными к частым кризисным психическим состояниям, и т. д. В этих случаях социальная работа в свою очередь открывает для социальной психологии новые проблемы и объекты, требующие изучения и воздействия. Например, для общественных организаций как инновационного субъекта и формы современной социальной работы уже традицией стало выявление, вербализация и констатация на региональном и местном уровнях принципиально новых социальных проблем, их субъектов и объектов, разработки, апробации и использования уникальных высокоэффективных технологий их разрешения. Выполняя диагностическую работу, они расширяют поле деятельности как для социальных психологов, так и для социальных работников.

Таким образом, социальная психология и социальная работа в своей основе имеют общие причины возникновения и развития, исторически обусловленную ориентацию со схожими объектами воздействия, число которых в условиях российского общества неизбежно возрастает. Социальная психология и социальная работа возникли на стыке наук и имеют междисциплинарный характер. По-прежнему продолжаются дискуссии об их месте в системе наук, уточняются объект и предмет исследования, формируются категориальные аппараты.

Тем не менее значение теории и практики социальной работы, как и социальной психологии, в условиях современного модернизирующегося российского общества трудно переоценить. Теория выполняет основополагающую методологическую функцию, определяет принципы деятельности специалистов по социальной работе, обозначает стратегические и тактические направления развития практики. Поэтому изучение теории социальной работы в учебных заведениях – составная часть формирования личности социального работника, определения его ценностных ориентаций, жизненных кредо и методик работы с объектами.

В высшей школе теория социальной работы представлена соответствующим курсом, основными целями которого являются: усвоение понятий и терминов в области теории социальной работы, понимание междисциплинарного харак-

тера социальной работы, выявление ее связей с различными дисциплинами (и в первую очередь социологией, психологией и философией).

Таким образом, исследование основных направлений институционализации социальной работы как области научного знания позволило выявить их соответствие общим закономерностям становления любой социально-гуманитарной науки. В настоящее время социальная работа характеризуется как полифункциональная и междисциплинарная наука. У нее нет собственных фундаментальных теорий, объект и предмет исследования находятся в стадии становления, идет непрерывный процесс уточнения ее категориального аппарата, принципов и методов, методологических основ изучения. Данные обстоятельства нашли свое отражение в многообразии определений социальной работы как науки, в совокупности используемых теорий, в тесной взаимосвязи с социологией, социальной психологией и философией.

Библиографический список

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2000.
2. *Бакунин М.* Федерализм, социализм и антитеологизм: Мотивированное предложение Центральному комитету Лиги мира и свободы // <http://www.lib.proza.com.ua/book/2013>.
3. *Басов А.В.* К вопросу о предмете социальной педагогики // Теория и практика социальной работы: отечественный и зарубежный опыт / Под ред. Т.Ф. Яркиной, В.Г. Бочаровой. М.; Тула: АСОПиР, 1993. Т. 1.
4. *Вебер М.* «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
5. Энциклопедия социальной работы. В 3 т. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1993. Т. 2.

МОТИВЫ ДЕТСКОГО ТРУДА В ОТРЯДАХ «МИЛОСЕРДИЕ»

Е.П. Антонова*

Новое поколение россиян проходит этапы своей социализации, приобщаясь к труду в изменяющихся структурных условиях, характеризующих современные процессы в сфере семьи, образования, занятости. Трудоустройство подростков, с одной стороны, стало актуально и востребовано для многих семей, для которых главным итогом реформ последнего десятилетия явилось резкое снижение их уровня жизни вплоть до обнищания. Напряжённый ритм жизни, высокий уровень бедности домохозяйств с несовершеннолетними детьми, трудности с поиском работы для взрослых, новые формы социального исключения в сфере образования, расширение сегмента теневой занятости, рост эксплуатации и дискриминации в трудовой сфере относятся к группе факторов, выталкивающих несовершеннолетних на рынок труда и нарушению их прав. С другой стороны, изменение системы ценностей молодого поколения россиян обуславливает способы самовыражения посредством демонстративного престижного потребления. Оплачиваемая занятость становится средством повышения статуса и материальной состоятельности несовершеннолетних из разных социальных групп.

В сложившихся условиях занятость несовершеннолетних из социально уязвимых групп – это не только отвлечение их от улицы, но и приобщение к труду, форма социальной защиты подростков и подспорье для семейного бюджета. Не менее актуальна проблема трудоустройства подростков из благополучных семей, которые не менее уязвимы в отношении их вовлечения в наихудшие формы труда. Переходное и во многом кризисное состояние социальных отношений в России обусловило пестроту форм подросткового труда: от легальных, организуемых при содействии образовательных учреждений, социальных служб и органов занятости, до маргинальных, в частности, связанных с вовле-

* Антонова Екатерина Петровна – сотрудник Центра социальной политики и гендерных исследований Саратовского государственного технического университета. Электронная почта: arnadia_e@mail.ru.

чением детей в криминальный бизнес. Государству и обществу не следует пассивно ожидать самонастройки подросткового рынка труда: требуется научно обоснованная политика регулирования подростковой занятости.

Реакция государства и правозащитных организаций на резкий рост различных форм занятости подростков в 1990-е гг. нашла своё выражение в более либеральной редакции Трудового кодекса, в котором тем не менее остались черты патерналистского отношения к несовершеннолетним работникам (см. [6]). На современном рынке труда наблюдаются противоречивые тенденции. С одной стороны, многообразие форм занятости и мест приложения энергии и умений, рост возможностей самореализации человека. С другой стороны, обнищание основной части населения и как следствие – подверженность отдельных категорий граждан уязвимости перед дискриминацией, массовыми нарушениями основных прав и свобод человека в сфере занятости. По-прежнему в наиболее неблагоприятной ситуации остаются семьи с детьми, семьи социального риска, семьи безработных и незанятых. Особенно актуально это для сельской местности, отличающейся неблагоприятными, по сравнению с городскими, условиями жизни, более напряжённой ситуацией на рынке труда.

В Саратовской области разработана система квотирования рабочих мест для трудоустройства несовершеннолетних, суть которой заключается в том, что предприятия выделяют определённое количество рабочих мест, получая взамен налоговые льготы [7, с. 9], но и эта система не способна поддержать семьи, которые нуждаются в значительном материальном подспорье. Места, выделяемые предприятиями, рассчитаны главным образом на подростков, которые *«имеют хоть какие-то профессиональные навыки токаря или слесаря»* (директор предприятия, дающего квоты, м, 45 лет)¹, это создает преграды на пути тех несовершеннолетних, которые хотят работать, но не имеют полного среднего образования.

Второй минус подобной системы – несогласованность позиций работодателя и государства, которое, распределив квоты по предприятиям, снимает с себя ответственность хотя бы за часть малообеспеченных семей, якобы обеспечив занятость несовершеннолетних: *«Квоты выделяются в начале года, и никто не просчитывает хотя бы примерную прибыль, у нас никто не спрашивает бизнес-планы и никто не отслеживает динамику роста прибыли или её спад, т. е. тебя обязывают взять и всё, плохо или хорошо работает предприятие – это неважно, ты обязан взять установленное число несовершеннолетних работников»* (директор предприятия, дающего квоты, м, 45 лет). Поставленная перед правительством приоритетная задача по улучшению жиз-

¹ В описаниях информантов буквами «ж» и «м» указывается их пол. В статье цитируются 14 интервью с подростками, работающими в городских и сельских отрядах «Милосердие», и 8 интервью с экспертами администрации социальной сферы и работодателями. Интервью были взяты в течение 2005 г.

ни населения фактически не решается, так как информация, поступающая из регионов, представляет собой формальную отписку, *«в итоге в отчёты управления занятости попадают так называемые „мёртвые“ рабочие места, на которые заведомо никто не будет принят»* (директор предприятия, дающего квоты, м, 45 лет). И работодатели всячески стремятся уйти от трудоустройства несовершеннолетних как от коммерчески невыгодного: *«Даже налоговые льготы себя не оправдывают, когда речь заходит о работающих детях; льготы, предоставляемые детям, с лихвой перекрывают твои льготы по налогам – это и сокращённый рабочий день и увеличенный отпуск, а работать кто будет?»* (менеджер компании, ж, 30 лет). Очевидно, что подростки 14–15 лет, желающие поработать после занятий в школе, не могут претендовать на свободные вакансии по квотам.

Возможен ещё один выход из сложившейся ситуации – программы, которые ориентированы на трудоустройство несовершеннолетних на время летних каникул. Во многих субъектах РФ органами исполнительной власти и местного самоуправления принята и реализуется программа (подпрограмма) «Временная занятость несовершеннолетних» [1, с. 31], предусматривающая трудоустройство несовершеннолетних на вакантные рабочие места при непосредственном участии органов местного самоуправления. В 2004 г. на условиях временной занятости (в период каникул и свободное от учёбы время) трудилось свыше 1,4 млн подростков, в том числе 52 тыс. ребят в Свердловской области, 51,9 тыс. – в Московской и Челябинской; 47,2 тыс. – в Иркутской; 46,9 тыс. – в Кировской области, 44,5 тыс. – в Краснодарском крае; 41,9 тыс. ребят – в Москве [3, с. 137] и 16 946 чел. – в Саратове [5, с. 2]. Основными видами занятости для подростков на рынке труда стали ремонтно-строительные работы в учебных заведениях, благоустройство территорий и парков, мемориалов, улиц (экологические отряды), сельскохозяйственные работы, подсобные работы на предприятиях, отряды «Милосердие» при центрах социального обслуживания, школьные лесничества.

В Саратовской области такие отряды были сформированы в начале 2000-х гг., в них вошли дети из низкодоходных домохозяйств. Именно такая категория семей должна в первую очередь иметь подспорье, в том числе и выражающееся в предоставлении рабочих мест несовершеннолетним с повышенной и легитимной трудовой нагрузкой.

В ходе реализации совместного проекта центров занятости населения и центров социального обслуживания населения «Трудовая занятость подростков из малообеспеченных семей в сфере социального обслуживания пожилых граждан и инвалидов» в 2001 г. в Министерстве труда и социального развития Саратовской области было разработано положение об организации временно-го трудоустройства подростков и созданы отряды «Милосердие» из подростков 12–14 лет. Дети, привлекаемые к работе в этих отрядах, в основном из

малообеспеченных семей, проживающих в сельских районах. Это была первоначальная цель отрядов «Милосердие», которая с течением времени изменилась. Об этом свидетельствует то, что принцип отбора несовершеннолетних по степени материальной обеспеченности практически не соблюдается.

Первый отряд «Милосердие» был создан в 2001 г. на базе центра социального обслуживания населения Саратовского района, а затем этот опыт распространился и на другие районы области. С тех пор благодаря деятельности отрядов помощь была оказана более 2 500 пожилым гражданам области. В настоящее время в 30 районах Саратовской области работает более 1 300 подростков [5, с. 3]. Наиболее востребованными видами помощи являются доставка воды, прополка грядок, ремонт заборов, сбор овощей, очистка дорожек от снега.

Помощники социальных работников из отрядов «Милосердие» (такое название впервые упоминается в Соглашении между Министерством здравоохранения и социального развития Саратовской области и Департаментом Федеральной государственной службы занятости по Саратовской области об организации трудоустройства подростков) – это группа подростков, мальчиков и девочек в возрасте от 12 до 14 лет, которая специализируется на помощи пожилым людям в устройстве их быта.

Приглашая школьников в помощники социального работника, их мотивировали монетарными аргументами: *«Мы сразу знали, что за это деньги заплатят, фактически поэтому и пошли, для меня это был самый главный мотив»* (Светлана, 15 лет, Саратов). Исследователи говорят о двух наиболее распространённых мотивах работающих детей: во-первых, это «помощь родителям, находящимся в стеснённых материальных условиях, а во-вторых, это стремление к ранней экономической самостоятельности» [4, с. 77]. В нашем исследовании выбор первого типа мотивации соответствовал информантам из наиболее бедных семей: *«помочь маме, которая и так нас с сестрой еле тащит»* (Андрей, 12 лет, Саратовская область).

В интервью с работниками отрядов «Милосердие» у всех подростков открылись и внеэкономические мотивы: потребность в активности: *«Вот мы с друзьями там пошли бабушкам помогли – и им приятно, и нам интересно всё»* (Андрей, 13 лет, Саратовская область), стремление к самоорганизации, желание быть нужным и полезным: *«А здесь мне нравится очень, деньги – это не главное, главное, чтоб работа нравилась»* (Анастасия, 15 лет, Саратов); стремление помочь одиноким пожилым односельчанам, соседям, которым нередко помогают и просто так, без всякой оплаты: *«Так, если надо там, например, хлеба занести или ещё что-то там, тогда им соцработник приносит, или я иду в школу – так баба Полина всё время делает – крикнет меня, и скажет, пойдёшь из школы, занеси мне хлеба и песка с кило, ну вот, идёшь со школы и занесёшь по дороге, не сложно ведь...»* (Дарья, 14 лет, Саратовская область).

Сегодня отряды «Милосердие» насчитывают 1 300 чел., и только 30 % от численности отрядов составляют мальчики. Подростки, говоря о своей занятости, склонны классифицировать её как исключительно «бабье дело» (Денис, 12 лет, Саратов). Мальчики идут работать с большой неохотой, стыдясь своей работы: *«Мне не нравится название отряды «Милосердие», мне кажется, это звучит как-то унижительно, по типу милостыня, просить, у церкви, нищие, это стыдно, я предпочитаю, помощник социального работника, я работаю, и мне за это платят, и в школе у меня никто не знает, мыть полы у бабушек мне кажется, как-то не для пацана»*. Этот подросток работает, потому что возникла острая необходимость в деньгах для приобретения необходимых вещей, так как родители от решения сложившейся ситуации отстранились, негласно возложив ответственность на более старшего ребёнка: *«А деньги мне нужны, и не только мне, у меня сестрёнка, а родители пьют, зимой она мёрзнет, я вот накопил, купил ей курточку на зиму и куплю проездной на трамвай, зимой холодно ей ходить, она маленькая, во второй класс ходит, зимой холодно, в школу ходить пешком с Пролетарки, а родители пьют, им ничего не надо, я не для себя работаю, для неё, ты мне веришь?»* (Денис, 12 лет, Саратов).

У подростка нет цели обеспечить себя всем, он зарабатывает на конкретные вещи: проездной билет для сестрёнки, на покупку для неё каких-то необходимых вещей, например, курточки, для него важно почувствовать себя взрослым и «независимым, готовым заботиться о младшем, более слабом, стремясь подчеркнуть свою мужскую идентичность. Такой „мужчина“ противостоит несправедливому устройству жизни» [2, с. 445], пусть даже на микроуровне, в семье своих родителей. Формальное наличие всех перечисленных признаков «мужчины» способствует «правильному» конструированию маскулинности, которое было преломлено выбором «женского» дела: *«Дорожки подметать, полы мыть, да и всякое такое, у меня этим только мать занимается, когда не бухает»* (Денис, 12 лет, Саратов). По словам специалиста Министерства здравоохранения и социальной поддержки, такие дети, обеспечивающие себя и свою семью всем необходимым, напоминают *«маленьких взрослых, которые отличаются самостоятельностью и рассудительностью, ответственностью и склонностью к денежным сбережениям, что отличает их от сверстников»* (эксперт Министерства здравоохранения и социальной поддержки, ж, 54 года), которые увлечены *«тусовками»* и *«всякими такими приятными и пошлыми вещами»* (эксперт Департамента занятости, ж, 32 года). Работа нужна прежде всего им самим, а не их родителям или учителям.

Даже городские девочки, подчас имея более обеспеченных родственников, неожиданно для себя вдруг обретают мотив пусть небольшого, но самостоятельного заработка: *«Я вот хотела ведь сначала из-за денег сюда идти работать, потом сестра – раз, и дала мне тысячу рублей, – и я сразу так подумала, вот я буду целый месяц там работать, и получу в несколько раз меньше, а*

здесь, вот – раз и сестра дала, я знала, что она ещё получит деньги и может снова дать. А потом так подумала и всё-таки решила сама заработать эти деньги» (Анастасия, 15 лет, Саратов).

Подростки, проживающие и работающие в сельской местности, как и городские, воспроизводят гендерные стереотипы, говоря о своей занятости: «Я так, бабскую работу не выполняю, мама приходит полы помыть, а я в основном огород покопать, заборчик подправить, да, не то, чтоб стыдно, просто деревня, все друг друга знают, нехорошо получится, если я тут с тряпкой или с её трикотинами буду у всех на виду рысачить, а тут ведь ничего не утаишь, деревня ведь...» (Виктор, 13 лет, пос. Лысые Горы). Рассказывая о своей работе, мальчик подчёркивает острую необходимость в деньгах: «хоть какие-то деньги и маме здорово помогаю, у нас отец повесился, и нас у неё осталось четверо» (Виктор, 13 лет, пос. Лысые Горы). Мальчики, работающие в отрядах «Милосердие», воспринимают свою занятость как данность только потому, что в деревне возможность найти работу у сельских подростков ничтожно мала. При предоставлении им альтернативы смены работы они ею непременно воспользуются, но только перейдя на стабильное предприятие, с жёстко фиксированной заработной платой.

Легальная организованная занятость детей, спонсируемая государством, имеет важную профилактическую функцию отвлечения детей из малообеспеченных семей от потенциально опасного криминального бизнеса: «Мне кажется, что это спокойно, за то, что тебе обязательно заплатят и что с тобой ничего не случится, никакой ужасный случай, потому что за это никто не несёт ответственность, если ты нелегально работаешь» (Светлана, 15 лет, Саратов), «опасно и не факт, что заплатят» (Николай, 12 лет, Саратовская область).

Подчеркивая свою мужскую идентичность, сельские подростки стремятся завоевать авторитет в среде сверстников: «Я вот хочу, как бы это сказать, я вот уже практически накопил, хочу купить гермошлем, Гермак, мы его так ещё называем, классная штука на мопеде кататься, знаешь, сразу тут у нас все пацаны станут твоими друзьями, у нас так в селе» (Андрей, 13 лет, Саратовская область).

Если мальчики дают резко негативную оценку труду, считая выполняемую работу женской, унижительной, то девочки ничего зазорного в данной занятости не видят: «Почему бы ни выполнить работу, которую мы каждый день выполняем дома, не сделать лишний раз, только за деньги?!» (Анна, 13 лет, Саратов). Для девочки материальная независимость в её собственных желаниях становится основным мотивом для того, чтобы устроиться на работу: «У нас, тут в деревне, все девчонки очень работающие, они и по дому работу выполняют, и по двору, ко всему привыкшие...не то, что девчонки в городе, хотя полы мыть и пыль гонять девчонки умеют, но вот ... поэтому я и пошла,

подзаработать, не то, чтоб сказать, мне эти деньги очень нужны, но не помещают, хоть так на колготки, косметику какую-никакую... всё не у мамки просить» (Дарья, 12 лет, Саратовская обл., пос. Лысые Горы). Из интервью видно, как поддерживаются гендерные мифы «женской» работы. Негласное описание женского труда следует из патриархатной логики: осуществлять заботу и уход за престарелыми – это естественное и традиционное занятие для женщин [8, с. 75].

В среде городских подростков преобладающим мотивом может выступать желание зарабатывать для того, чтобы иметь карманные деньги на приобретения атрибутов, распространённых в среде сверстников. Здесь можно говорить о стремлении самовыразиться, приобретая вещи, которые *«будут круче»*, чем у сверстников: *«Я хочу накопить и купить мобильный телефон какой-нибудь последний, с видеокамерой и всякими такими наворотами, такой у нас в классе только один, а я хочу быть круче... а родители денег не дают... и интересно пообщаться, да и ещё зарплата в конце месяца, мало, конечно, но всё равно мои деньги, это очень радует»* (Мария, 12 лет, Саратов).

Специалисты, занимающиеся трудоустройством подростков, говорят о том, что дети, работающие в отрядах *«Милосердие»*, *«реальней по сравнению со своими сверстниками оценивают свои возможности»* (специалист Инспекции по труду, м, 29 лет) и чётко представляют себе, на какую работу и какую заработную плату они могут рассчитывать. Их основной внутренний мотив – это заработать, и они используют данный этап жизни как старт в большую жизнь.

Картина не была бы полной без представления точки зрения родителей о занятости несовершеннолетних. Отличия есть, они зависят от размеров населённого пункта: город или сельская местность. В городе временная работа подростка одобряется, а к постоянной работе имеется негативное отношение, которое объясняется заинтересованностью родителей в образовании детей и получении ими специальности. Несмотря на это принципиальных преград на пути трудоустройства родители свои детям не строят, всё ограничивается убедительными беседами: *«Родители вначале были очень против, потому что я погулять люблю, а тут ещё уроки надо было делать, но потом мы с мамой поговорили и решили, что когда придёт время экзаменов, я сразу брошу и буду учиться, для мамы главное, чтоб я училась, хотя это, конечно, ничего сейчас не даёт...»* (Анна, 14 лет, Саратов).

Противоположно мнение родителей, чьи дети работают в сельской местности. В связи с упадком инфраструктуры села родители вынуждены пользоваться любыми возможностями в пополнении семейного бюджета, зачастую они сами ищут для своих детей работу и при необходимости даже подменяют их: *«Мама не была против, а папы у нас нет, когда я маме сказала, она не была против, она, мне кажется, даже обрадовалась, хоть какие-то деньги, она мне даже помогает, когда у меня контрольные или что-то, она за меня ходит, у*

нас такой подряд (смеётся) семейный, некоторые из ребят смеются, но я очень медленно всё делаю, а мама иногда помогает, мне кажется, что в этом нет ничего такого» (Анна, 13 лет, Саратовская область). Замены устраиваются для совмещения работы и образования: *«Вот был у меня, конечно, такой случай, контрошу написала на пару и мне нужно было остаться переписать, а я уже с Филипповной договорилась – я не пошла. ...Я маме сказала, что так и так, и она меня заменила. Вот так иногда выкручиваюсь, такие случаи, конечно, редко бывают, но всё же иногда...да, приходится что-то пропускать, но мама меня на работе всегда подменяет»* (Дарья, 14 лет, Саратовская область).

Пожилые люди, характеризуя свои отношения с подростками, критикуют своих помощников за формализм: *«Мы с Дениской не сошлись, не то, чтобы он плохой, просто я люблю поговорить, в чём-то совет дать, а он придёт – ширпыр и пошёл, не посидит не поговорит...»* (Мария Филипповна, пенсионерка, 76 лет, пос. Красный Кут). Женщина, высказывая своё недовольство, не предполагала, что её желание общаться станет причиной увольнения юного соцработника. В отличие от официальных социальных работников, их несовершеннолетние помощники более управляемы со стороны клиентов: *«Эта девчонка, я не помню, как её зовут даже, она какая-то вахруля была, вечно с немытой головой, я её говорю, посуду надо мыть сначала жидкостью, а потом водой-водой, а она вечно огрызалась, я попросила, и мне её заменили»* (Екатерина Андреевна, пенсионерка, 68 лет, Саратов).

Есть и прямо противоположное мнение пожилого человека, выразившееся в благодарности к организаторам детской занятости и детям, которые помогают во всём: вскопать огород, навести порядок, справиться с одиночеством. Пенсионерка даже обратилась в газету: *«Я так и написала, какие ребята молодцы, и придут, и поговорят, и огород вскопают, и всё, что нужно, для нас ведь в этом возрасте очень важно»* (Галина Антоновна, пенсионерка, 78 лет, пос. Лысые Горы). Женщина, общаясь с подростками, как и все наши пожилые респонденты, реализует свою потребность быть кому-то нужной, необходимой. К ней ходят, о ней заботятся – это означает, что она нужна, именно это и становится определяющим фактором вознаграждения для подростков и соответствует ожиданиям пожилых клиентов.

Иногда складывается так, что подобное общение оказывается нужным и детям, которые испытывают дефицит внимания со стороны взрослых в собственной семье: *«Мы с ними часто общаемся, мы с ними как разговариваем: они спрашивают, как там дела в школе, вот рассказываешь им, они иногда какие-нибудь советы дают или просят привет передать, они слушают, мне всегда вот кажется, что им интересно, я сначала не очень хотела рассказывать, потому что вот дома очень редко мы говорим про школу, и то иногда мама после собрания что-нибудь узнает и вот начинает меня ругать, уроки*

проверять, и то несколько только дней, а потом опять забывает...» (Дарья, 14 лет, Саратовская область).

Детский отряд «Милосердие» представляет собой одну из противоречивых форм занятости несовершеннолетних, с позиции и детей, и взрослых, которые, с одной стороны, воспринимают «детскую занятость» как «головную боль», а с другой стороны, как жизненную необходимость, подобно ситуации с пожилыми клиентами. Несоответствие прослеживается и в «прописных истинах», например, установки положения «Об отрядах “Милосердие”»: *«Наши дети не соприкасаются с бабушками, они в основном работают на приусадебных участках, затем дети не должны мыть окна выше второго этажа, это, разумеется, прописано в положении и, конечно же, выполняется, мы за этим следим чётко»* (эксперт Министерства здравоохранения и социальной поддержки Саратовской области, ж, 54 года) не согласуются с реальной деятельностью подростков: *«Ну, мы выполняем любую работу, вот у нас бабушка одна, мы ей к Пасхе окна мыли, правда, только с одной стороны, потому что там такое старое всё, вывалишься ещё, а как-никак девятый этаж, мало не покажется...»* (Анна, 13 лет, Саратов).

Следующим несоответствием является признание важности данной формы занятости и невозможность её отстоять. Эксперты говорят: *«Наши отряды „Милосердие“ – это хорошо. Так поддерживается связь поколения, труд, который выполняют дети можно назвать лёгким, они в квартире помогут прибраться и так, что по мелочи, в основном эмоциональная поддержка пожилых – это ведь здорово, и какие-никакие деньги, для тех детей, которые работают у нас – это серьёзное подспорье, но сейчас есть некоторые сложности с продлением этой деятельности...»* (эксперт Министерства здравоохранения и социальной поддержки, ж, 54 года). Вместе с тем данная форма занятости как наиболее приемлемая для несовершеннолетних является неустойчивой практикой: *«Это дело, безусловно, хорошее, развивает в детях хорошие качества, но мы, к сожалению, не смогли их отстоять при формировании бюджета Саратовской области, в связи с чем количество работников отряда „Милосердие“ снизилось практически в три с половиной раза»* (эксперт Департамента занятости, ж, 32 года).

Таким образом, период глубоких социальных и экономических трансформаций, переживаемых Россией в последние десять лет, стимулировал в стране распространение такого явления, как детская занятость. Растёт число детей, которые по разным причинам вынуждены самостоятельно обеспечивать своё существование. На рынке труда это самая дешёвая и незащищённая рабочая сила, причём, по данным Международной организации труда, значительная часть детей втягивается в противоправные сферы деятельности.

Что заставляет ребенка выбирать между дальнейшим образованием и трудовой деятельностью в пользу последней, какие факторы могут предотвратить

вовлечение детей и подростков в наихудшие виды труда, а какие стимулировать и развивать адекватные формы занятости несовершеннолетних? На эти вопросы призвана ответить социальная политика современной России, которая нуждается в комплексной стратегии обеспечения занятости несовершеннолетних и создания возможностей для их самореализации. Государство делегирует значительную часть ответственности за решение проблем занятости подростков работодателям, одновременно ограничивая ресурсы поддержки для осуществления данной деятельности. Незаинтересованность работодателей в приеме на работу несовершеннолетних во многом является следствием трансформации отношений в сфере труда и занятости, которая выражается в переходе России к рыночной экономике, сокращении численности государственных предприятий и росте коммерческих организаций, стремящихся уйти от материально невыгодных обязательств по трудоустройству подростков.

Организованная занятость детей имеет ряд форм, одобренных и стимулируемых государством. Трудовая деятельность несовершеннолетних может осуществляться в форме социальной работы, подразумевающей позитивную мотивацию детей, потребность пожилых клиентов в помощи и реализуемую в регионе политику занятости несовершеннолетних. Мотивы деятельности подростков в отрядах «Милосердие» формируются на основе потребности в трудовой активности, самореализации, желания помочь своей семье и различаются в зависимости от типа населённого пункта и пола работника. Если для городских девочек преобладающим мотивом может выступать желание зарабатывать с целью демонстративного потребления, то среди девочек, проживающих в сельской местности, доминирует мотив материальной помощи семье. По сравнению с городскими родителями, в большей степени заинтересованными в образовании, нежели в трудовой занятости детей, на селе родители всячески поддерживают занятость несовершеннолетних. Система детской занятости в городе отличается от сельской местности в первую очередь мотивацией и отношением к труду, к своему новому статусу, хотя и в городе существует дифференциация детей по отношению к труду на тех, кто хочет трудиться, и на тех, кто хочет зарабатывать.

Отряды «Милосердие» действуют лишь в некоторых районах Саратовской области, и даже там они постоянно находятся под угрозой ликвидации из-за отсутствия должного финансирования. Регулирование детской занятости должно стать сегодня приоритетным направлением в области занятости. С нашей точки зрения, необходимо разрабатывать программы трудоустройства несовершеннолетних с учётом разной мотивации детей, а также внедрять новые виды занятости, которые будут интересны детям и позволят им не останавливаться на уровне малоквалифицированной и рутинной работы.

Феномен детского отряда «Милосердие» – форма социального обмена, суть которого заключается в реализации социальных отношений через вознагра-

дение за услугу. С одной стороны, этот феномен является продолжением тимуровского движения, но с другой стороны, моделирует контрактные отношения рыночного характера. С позиции руководителей государственных социальных служб, основной целью таких отрядов становится трудоустройство несовершеннолетних с посильной и легитимной нагрузкой, чтобы максимально снизить порог вовлечённости таких детей в теневую экономику, дать возможность зарабатывать деньги на самые необходимые вещи: одежду, продукты, питания.

Библиографический список

1. *Герасимова Т.* Подростковая занятость в России // Социальная работа. 2005. № 2.
2. *Здравомыслова Е., Тёмкина А.* Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О муже(N)ственности: Сб. ст. / Сост. С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
3. *Кресик М.* Трудовая занятость // Трудовые ресурсы. 2004. № 3.
4. *Меркулова Н.Б.* Детский труд // Социологические исследования. 1997. № 5.
5. О волонтерских отрядах «Милосердие»: Отчёт / Министерство здравоохранения и социальной поддержки Саратовской обл. Саратов, 2004.
6. *Оберемко О.А.* Эволюция правового режима подростковой занятости в России: контуры социологической экспертизы // Журнал исследований социальной политики. 2004. № 2.
7. *Полякова М.* Молодые кадры. Выгодно ли это предприятию? // Двойная запись. 2003. № 6.
8. *Ярская В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р.* «Не мужское это дело...»: гендерный анализ занятости в социальной сфере // Социологические исследования. 2002. № 6.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА И СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ МАЛООБЕСПЕЧЕННЫХ КАТЕГОРИЙ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ АДЫГЕЯ: ОПЫТ СРАВНЕНИЯ 1920-х и 1990-х гг.

.....

Т. П. Хлынина, Э. Б. Тинский*

Реформирование социальной сферы, неоднократно предпринимавшееся Российским государством в минувшем столетии, при всем, казалось бы, внешнем разнообразии предполагаемых форм и методов «улучшения материального благосостояния трудящихся» обнаруживало до некоторой степени стабильное постоянство. Оно выражалось прежде всего в особом положении самой социальной сферы, которое определялось принципом «остаточной поддержки». На протяжении многих десятилетий строительства нового советского, а затем и российского общества проблемы социального обеспечения и защиты населения страны зависели от успешного решения вопросов экономического, оборонного и внешнеполитического характера. Более того, предоставление конкретного вида государственной помощи, ее объема и длительности напрямую связывались официальной властью с идеологической выдержанностью и классовой принадлежностью граждан. Рабоче-крестьянский характер первого в мире социалистического государства на долгие годы предопределил как основные направления социальной политики, так и категории населения, заслуживавшие его безоговорочной поддержки.

Вместе с тем в развитии социальной сферы обнаруживаются и определенные периоды типологической схожести, вызванные к жизни необходимостью решения системно близких задач. Такими периодами следует признать 1920-е и 1990-е гг. – время формирования в стране рыночных отношений. И хотя «социалистический рынок» был весьма далек от своего классического западного

* Хлынина Татьяна Павловна – доктор исторических наук, профессор кафедры теории, истории и методов социальной работы филиала РГСУ в г. Майкопе. Электронная почта: krinko@mail.ru.

Тинский Эдуард Борисович – студент 4-го курса факультета социальной работы филиала РГСУ в г. Майкопе.

образца, многотрудный процесс его созидания свидетельствовал о попытках советского государства вызвать к жизни «хоть маленькую толику ответственности граждан за свое собственное положение» (расхожая фраза из многочисленных архивных документов 1920-х гг.). Попытки эти имели свои отличительные особенности для каждого отдельного региона страны, видоизменяясь в зависимости от производственных, материальных и людских возможностей той или иной местности. Не являлась исключением в этом отношении и Адыгея, прошедшая в рассматриваемый период длительный путь от автономной области до республики.

Вопросы социального обеспечения граждан в дореволюционной России в организационном отношении решались путем частной благотворительности и только в ноябре 1917 г. официально перешли в ведение Наркомата государственного призрения. На наркомат возлагались задачи оказания помощи несовершеннолетним и престарелым гражданам, инвалидам войны и их семьям. Но уже в марте 1918 г. его функции были существенно расширены за счет необходимости выплаты пенсий и пособий, что, собственно, и послужило поводом к переименованию ведомства в Наркомат социального обеспечения [11, с. 80]. Начиная с 1920 г. Наркомат передает некоторые свои функции другим ведомствам и практикует новые формы социальной поддержки граждан – социальное страхование рабочих, государственное обеспечение инвалидов войны и их семей. С образованием союзного государства управление в области социального обеспечения перешло в ведение республиканских органов власти, единого общесоюзного федерального ведомства создано не было.

Оказание государственной помощи нуждающимся категориям населения регулировалось в 1920-е гг. Положением о социальном обеспечении трудящихся, принятом в октябре 1918 г., согласно которому обеспечению за счет государства подлежали «все без исключения лица, источником существования для которых являлся собственный труд» [11, с. 81]. Однако в связи с мобилизацией «всех наличных ресурсов для налаживания элементарной хозяйственной жизни страны» государство могло гарантировать поддержку лишь городскому населению. Социальная помощь жителям села и деревень возлагалась на крестьянские общества взаимопомощи, для других же категорий населения она осуществлялась исключительно на общественных началах.

Так, в Адыгее получаемое трудящимися жалование облагалось многочисленными общественными повинностями социального свойства: по инициативе профсоюза советских работников служащие управления местного хозяйства области в течение двух лет «делали регулярные отчисления в фонд безработных – 0,5 % и в пользу ленинградских рабочих – 1 % заработка» [8]. На средства трудоспособного населения области содержались и более крупные объекты социального назначения. Детский дом в селе Николаевском Ширванского округа «существовал за счет местных средств, т.е. из числа оставленных до полутора-

пудового сбора 50 % всех селений округа» [14]. Правда, в отличие от облагаемого фонда заработной платы, здесь действовал несколько другой принцип – делался пересчет «общественно полезных трудовых дней». В первой половине 1920-х гг. практиковались и всевозможные сборы пожертвований в пользу больниц, школ, детских домов, находившихся как на территории самой области, так и за ее пределами [15].

Основным органом социальной поддержки нуждающегося населения Адыгеи в рассматриваемый период стал областной отдел социального обеспечения, история создания которого начиналась дважды. Отдел «открыл свои функции в 1922 г., но благодаря бездеятельности волостных исполкомов и укладу жизни черкесов на местах, не дававших в область своевременно точных сведений о социальном положении граждан автономной области – областному собесу пришлось приостановить свои функции и вновь организовать дело». Самым главным тормозом его «плодотворной работы» считалось «несвоевременное и неточное предоставление сведений о действительно нуждавшихся в его помощи» [2].

Собираемые сведения давали весьма приблизительные представления об общем количестве нуждающихся и размерах положенных им пособий. К первоочередной категории граждан, требующей повышенного внимания государства, были отнесены инвалиды войны, труда, вдовы красноармейцев и семьи красноармейцев, находившихся на действительной воинской службе. Официально обоснованным поводом к получению пособия или пенсии служили результаты «актов обследования имущественного и семейного положения граждан». Имущественное положение определялось по четырем категориям, включающим в себя: «жилищные и хозяйственные постройки (хата, сарай, амбар, конюшня и прочий инвентарь); скот и птицу (лошади, коровы, свиньи, куры, утки, индюшки, гуси, быки, прочие); землю и обработочный инвентарь (засеянные и незасеянные участки, косилки, плуга, бороны, грабли, катки); прочее имущество (зерно)» [3]. В случае отсутствия подавляющего большинства указанных признаков и наличия «на руках одного-трех иждивенцев» обследуемый получал единовременное пособие в размере 10–15 рублей.

Тем не менее полученное подтверждение неимущего или малоимущего состояния не оградило его обладателя от изъятия уже предоставленного пособия. Так, в 1926 г. областной собес «получил сведения о том, что инвалид войны, житель хутора Мокро-Назарова Краснобашенского сельского совета, гражданин Р.П. Семеш, состоящий на пенсии в областном собесе, «имеет имущественное положение», заключающееся в одной хате, 2 лошадях и 2 коровах». Областной отдел социального обеспечения предлагал «райуполномоченному лично обследовать имущественное положение гражданина, выяснить точно путем опроса граждан, в каком году было приобретено это имущество, и обо всем составить подробный акт» [7]. Такого рода выборочные проверки прово-

дились довольно часто, однако проследить дальнейшую судьбу «заново обследованных» практически не удастся. В случае с инвалидом войны Р.П. Семешем выяснилось, что из списков «исправно получавших пособия» он исключен не был, но никаких денег на протяжении 1927–1929 гг. не получал.

Не менее запутанная ситуация наблюдалась и в области выплаты пенсий инвалидам войны и семьям красноармейцев. Она колебалась от 3 тыс. товарных рублей в 1922–1924 гг. до 23–50 рублей в 1926 г. При этом ведомости на выдачу пенсионного пособия получателей по категориям не делили и велись «сплошным методом». Протоколы заседаний коллегии областного отдела социального обеспечения содержат постоянные указания на необходимость повышения пенсионных ставок [5]. Выплата пенсий и иных видов пособий осуществлялась крайне нерегулярно, причинами чему довольно часто указывалось «небрежное отношение со стороны ряда отделов исполкома и хозяйственных учреждений области к выплате в соцкассах отчислений на социальное страхование» [16].

Насколько рассматриваемые суммы и их индексация удовлетворяли насущные потребности населения, трудно судить однозначно. Как свидетельствует практика социологических опросов и сбора статистических данных того времени, «в населении присутствовало скрытое недовольство материальной политикой власти. Многие отмечали, что плохо живут, но тут же выражали понимание текущим моментом в жизни страны» [6]. Более того, огромное количество заявлений граждан на получение единовременного пособия и результаты «актов обследования имущественного и семейного положения» нуждающихся в пособиях подтверждают субъективные ощущения современников о «плохо устроенной жизни». Следствием подобного рода понимания стало растущее по области во второй половине 1920-х гг. «непредусмотренное штатным расписанием» совместительство в государственных учреждениях и увеличившееся число подсобных «земельных наделов» горожан. Наряду с оказанием прямой социальной помощи зачастую практиковались и методы опосредованной поддержки работающего населения, заключавшиеся в частичной натурализации заработной платы. Например, по целому ряду «служебных профессий» кроме оклада предусматривалась выдача «профессиональной одежды», продуктовых пайков и «бесплатное столование» [1].

Становление системы социального обеспечения в отдельно взятой области и в не совсем привычное для логики развития страны время свидетельствует не только о трудностях, сопряженных с выработкой эффективных мероприятий социального характера. Оно прежде всего отражает порой взаимоисключающие представления государства и общества о нужде, ее количественном и качественном измерении, а также о способах ее удовлетворения. 1920-е гг. наглядно продемонстрировали, что деятельность государства в социальной сфере в большей степени определяется не столько его материальными воз-

возможностями, сколько пониманием необходимости поддержки и оказания конкретной помощи той или иной категории населения.

Обращает на себя внимание и отсутствие законодательно оформленного понятия «нуждающееся население», что превращало в таковое практически всех граждан новой России, а государство – в кассу привычной социальной взаимопомощи. Однако отсутствие необходимых средств, «остаточный» принцип их комплектования, а также необходимость решения более насущных задач советского строительства привели к весьма любопытной стратегии взаимоотношений нуждающихся граждан и заботящегося о них государства. Она сводилась к своеобразной социальной и, как правило, малозатратной опеке со стороны государства и поискам населением всевозможных источников существования в обход его официальных установлений.

Вместе с тем, по свидетельству современных специалистов, «Советская власть сформулировала новые определения целевых групп и методов работы, социального гражданства и отношений между гражданами и государством. Конфигурация схем социального обеспечения менялась в зависимости от политической линии правительства, наличия или отсутствия сильных общественных организаций... Российские контексты социальной политики и социальной поддержки прошлого века оформлялись новыми связями между гражданами и государством, стремлением к социальной сплоченности и снижению остроты бедности и неравенства» [13, с. 18].

Отмеченные особенности государственной социальной политики довольно отчетливо прослеживаются и в 1990-е гг. – во время второй попытки возродить в стране рыночную экономику и создать соответствующую ей социальную инфраструктуру. Но в отличие от 1920-х гг. данная попытка оказалась более определенной как в организационном, так и в законодательном отношении. После распада СССР социальное обеспечение и социальная защита граждан перешли в ведение Министерства труда и социального развития РФ, ставшего правопреемником Государственного комитета по труду и социальным вопросам. Сохранение определенных ведомственных традиций нашло преемственность и в выработке законодательных основ оказания социальной помощи нуждающимся категориям населения.

В конце 1980-х гг. в специальной литературе, а в начале 1990-х гг. уже и в законодательстве появляется новый термин «малообеспеченные граждане», содержание которого напрямую связывается с материальными возможностями различных категорий населения по удовлетворению «потребностей первой необходимости». Показательно, что в понимании причин возникновения самого явления наметились две взаимоисключающие точки зрения. Согласно одной из них, представленной преимущественно исследованиями социологов, малообеспеченность является непосредственным порождением деятельности государства, изучение и борьба с которой сводится к недостаточному

комплексу административно-правовых и хозяйственных мероприятий. Вторая точка зрения, выражаемая взглядами экономистов, связывает состояние малообеспеченности с самоощущением общества, семьи или гражданина в новых экономических условиях, к которым они не смогли адаптироваться в полной мере.

Несмотря на активное использование обоих значений данного понятия, наиболее употребительным становится представление о малообеспеченности как об определенном состоянии граждан не просто с низкими доходами, а не имеющих признаваемого обществом минимально необходимого стандарта потребления. Оно находит свое подтверждение и в принятом в 1990 г. Законе «О государственной социальной помощи», где малообеспеченными признаются граждане, по не зависящим от них причинам имеющие среднедушевой доход ниже прожиточного минимума [10, с. 701]. В последние годы понятие «малообеспеченность» все более сопрягается с понятием «трудной жизненной ситуации, объективно нарушающей жизнедеятельность граждан» [12].

Обращает на себя внимание некоторое сходство в организации работы с малообеспеченными гражданами в 1920-е гг. Создание региональной структуры Министерства труда и социального развития Республики Адыгея не привело к принципиальному улучшению учета нуждающихся категорий граждан. Их разбросанность по разным ведомствам, связанным с социальной защитой и предоставлением тех или иных льгот или услуг, а также нередкое включение в состав безработных, бедных не позволяют выявить точной картины общего количества малообеспеченных в рассматриваемый период времени. Отдельные статистические данные, включенные в реестры социальных служб, электронные базы данных соответствующих ведомств, свидетельствуют о наличии на сегодняшний день более 100 тыс. нуждающихся граждан по республике (при общей численности ее населения в 384 тыс. чел.). Учитывая отсутствие систематизированного контроля и наблюдения в 1990-е гг., в большей мере связанного с процессами становления самой республики, можно предположить, что таковых было гораздо больше.

К сожалению, на документальном уровне не прослеживается и выбор стратегии выживания подавляющего большинства малообеспеченных граждан в столь непростой и противоречивый период формирования в нашей стране новой концепции социального обеспечения. Тем не менее, по наблюдениям специалистов, изменения в экономической жизни страны в 1990-е гг. способствовали появлению не только новых социальных групп населения, но и заставили многих, главным образом малообеспеченных граждан, решительнее искать новые способы собственного выживания. Этими способами стали различные модели, или стратегии адаптации: «ресурсного обеспечения», «доходного дела», «домашней экономики», «родственного взаимодействия» и «социального пособия».

В нашем распоряжении находятся данные Всероссийского опроса малообеспеченных граждан, проведенного в октябре 2004 г. Государственным комитетом по статистике РФ, включающие сведения по республике. Всего выборочно было опрошено 146 тыс. 328 чел., в том числе 13 тыс. жителей Адыгеи [9, с. 17–19]. Результаты опроса, помимо всего прочего, свидетельствуют о стабилизации «ситуации предпочтительности» в выборе того или иного способа выживаемости в условиях далекого от своей сформированности рынка социальных услуг. Полученные сведения с учетом соответствующей степени погрешности можно использовать и при характеристике стратегий жизнеобеспечения населения Республики Адыгея в 1990-е гг.

Стратегия «ресурсного обеспечения» включает три вида ресурсов. Ресурсы прошлого присутствуют в денежном (сбережения) и натуральном выражении (жилье, имущество). Социальные ресурсы представлены социально-демографическими характеристиками человека и его семьи (возраст, пол, образование, профессия). Текущие ресурсы выступают в виде денежных поступлений за счет работы, дачи, семейного взаимодействия. Около 78% потребляемых домохозяйствами республики продуктов питания производилось в личном подсобном хозяйстве.

«Доходное дело» рассматривается как стратегия повседневной практики, ориентированной на работу. Прежде люди строили трудовую карьеру путем бесконечного приспособления к производственной организации, мало рассчитывая на свои профессиональные навыки. Переход к рыночным регуляторам более ярко сориентировал их на «добывание» денег. Однако задержки заработной платы в демонетизированной экономике заставили подавляющее большинство из них прибегнуть к бартерным отношениям и поиску дополнительных рабочих мест. На сегодняшний день стратегией «доходного дела» в Адыгее пользуется лишь 8% малообеспеченных граждан работоспособного возраста от 23 лет до 44 лет.

«Домашняя экономика» представляет собою деятельность, направленную на производство товаров для внутреннего потребления и жесткую экономию денег. Она подразумевает восстановление традиционных способов хозяйствования и выживания, основанных на семейных, клановых или соседских связях, опирающихся на домашнее хозяйство и сети родственного бартерного обмена продуктами и услугами. Этой стратегии придерживаются городские крестьяне и жители пригородов, ранее работавшие в городском приусадебном хозяйстве. Данной стратегией пользуется 76% опрошенных малообеспеченных граждан, невзирая на возраст.

Стратегия «родственного взаимодействия» сформирована вокруг доминирующей стратегии жизнеобеспечения семьи. Чаще всего она основывается на взаимовыгодной основе и более распространена в низкодходных слоях и среди семей, испытывающих определенные жилищные трудности. Она не ис-

ключает наличия работы, но преимущество и приоритет в обеспечении семьи ресурсами остается за родственным взаимодействием. Советская система ослабила родственное взаимодействие, так как предоставляла льготы и минимум благ. Рассматриваемый вид стратегии привлекает 62 % опрошенных малообеспеченных граждан, вне зависимости от возраста.

Роль «социального пособия» в системе жизнеобеспечения широкого круга социальных слоев значительно снизилась, но для некоторых категорий (пенсионеров, безработных) служит единственным источником денежных поступлений и достаточно важна. По данным исследования, 97% опрошенных малообеспеченных граждан используют этот вид стратегии с учетом ее комбинированного применения с привлечением родственной помощи и домашней экономики.

Таким образом, с принятием нового законодательства в 1990-е гг. началась разработка новой концепции социального обеспечения граждан, которая, в отличие от классово выдержанного подхода 1920-х гг., ориентировалась не на предоставление материальной помощи отдельным категориям граждан, а на активизацию самостоятельной жизнедеятельности всего населения. И хотя ее реализация была сопряжена с существенными трудностями как материального, так и организационного порядка, она еще раз продемонстрировала «извечную особенность» российского человека – слабую веру в возможности государства при охотном использовании предоставляемых им льгот и услуг.

Сравнительный анализ двух рыночных десятилетий в развитии социальной сферы Адыгеи позволяет сделать два важных вывода: во-первых, о необходимости государственной поддержки тех категорий экономически активного населения, которые оказались неспособными адаптироваться к рыночным условиям; во-вторых, о разработке методики диагностирования «минимально требуемого стандарта потребления» и системы наблюдения за малообеспеченными гражданами. Представляется, что именно отсутствие хорошо продуманной системы диагностического обеспечения экономических нововведений и является одной из причин прогрессирующего роста различных категорий нуждающегося населения. Как показал опыт преобразований 1920-х и 1990-х гг., нехватка материальных ресурсов и излишняя государственная опека порождали иждивенческие настроения в обществе, парализуя его потенциальные возможности самостоятельно справляться с возникающими проблемами.

Библиографический список

1. Государственное учреждение «Национальный архив Республики Адыгея» (ГУ НАРА). Ф.Р. – 11. Оп.1. Д.157. Л.32.
2. ГУ НАРА. Ф.Р.-38. Оп. 1. Д. 24. Л. 5.
3. ГУ НАРА. Ф.Р.-38. Оп. 1. Д. 59. Л. 5.
4. ГУ НАРА. Ф.Р.-38. Оп. 1. Д. 69. Л. 2.

5. ГУ НАРА. Ф.Р.-38. Оп. 1. Д. 69. Л. 9.
6. ГУ НАРА. Ф.Р.-38. Оп. 1. Д. 69. Л. 10об.
7. ГУ НАРА. Ф.Р.-38. Оп. 1. Д. 69. Л. 21.
8. ГУ НАРА. Ф.Р.-38. Оп. 1. Д. 133. Л. 169.
9. Женщины и мужчины. М.: Госкомстат РФ, 2005.
10. Кодексы и законы Российской Федерации. СПб.: Юр. центр Пресс, 2003.
11. *Коржихина Т.П.* Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 – декабрь 1991 г. М.: РГГУ, 1994.
12. Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации: Федеральный закон от 15.11.95 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 50. Ст. 4872.
13. *Романов П., Ярская-Смирнова Е.* История социальной работы: методологические аспекты // Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.: Сб. науч. ст. Саратов: СГТУ, 2005.
14. Хранилище документов новейшей истории Государственного учреждения «Национальный архив Республики Адыгея» (ХДНИ ГУ НАРА). Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 2. Л. 32.
15. ХДНИ ГУ НАРА. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 2. Л. 76.
16. ХДНИ ГУ НАРА. Ф.Р.-1. Оп. 1. Д. 91. Л. 49.

ГЕНДЕРНЫЙ ДИСКУРС В КЛАССИЧЕСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

.....

И. Н. Тартаковская*

Классическая социальная теория начала складываться во второй половине XIX в. на фоне развертывания капиталистической индустриализации и революционного подъема в Европе. Одновременно с этими процессами чрезвычайно расширилась экспансия государственной бюрократии, что привело к усилению регулирования государством не только публичной, но в известной мере и приватной сферы.

Индустриальная революция по мере своего развития вовлекла очень многих женщин в ряды промышленной рабочей силы. Технические новации первой половины XIX в. позволили эффективно эксплуатировать труд женщин и детей, которым можно было меньше платить. К началу 1830-х гг. женщины в Англии составляли более половины взрослой рабочей силы. В речи лорда Эшли в Палате общин 15 марта 1844 г. приводилась следующая статистика: из 419 560 фабричных рабочих Великобритании (1839 г.) взрослые мужчины составляли 96 569 чел., подростки до 18 лет мужского пола – 80 695 чел. Доля рабочих женщин достигала 242 296 чел., или почти 58 %, из них 112 192 – моложе 18 лет [11, с. 373]. Такая пропорция создавала специфическую социальную атмосферу: с одной стороны, женщины были явно перегружены, поэтому многие из первых рабочих женских организаций поддерживали требование «семейной зарплаты» для мужа, но с другой стороны, обладали определенной экономической и личной независимостью.

На возникновение феминизма оказала влияние интеллектуальная атмосфера XVIII в. В Англии пуританская доктрина предполагала равенства мужских и женских душ («Во Христе нет ни эллина, ни иудея, ни женщины, ни мужчины»), и эта доктрина была использована радикальными сектами, такими,

* Тартаковская Ирина Наумовна — кандидат социологических наук, ведущий научный консультант Института социальной и гендерной политики. Электронная почта: i_tartakovskaya@yahoo.com.

как, например, квакеры, которые позволяли женщинам быть священниками. Индустриальная революция привела к викторианской эпохе благосостояния со значительным расширением имущих классов. Многие женщины смогли позволить себе не работать (чего не могли сделать до этого жены ремесленников и фермеров). Произошел соответствующий сдвиг в представлениях о природе женщины: женщины теперь считались сексуально скромными и пассивными (до этого, наоборот, преобладали представления об их сексуальной ненасытности). Исключенные из новых сфер занятости, т.е. бизнеса и высокопрофессиональной работы, и вследствие этого экономически зависимые от мужчин, женщины нарождающегося среднего класса считались беспомощными по самой своей натуре.

В 1792 г. Мэри Уоллстонкрафт опубликовала книгу «В защиту прав женщин» [9]. Этот год считается датой рождения современного европейского феминизма. Книга явилась непосредственной реакцией на Великую французскую революцию и ее идеологию. Автор полемизировала с Руссо, высказавшим ряд идей о надлежащем воспитании женщин, соответствующем их природе (посвящение себя семье и моральному воспитанию детей – до этого роль матери именно в моральном воспитании не признавалась). Мэри была членом интеллектуального кружка, в который входили ее муж, анархист У. Годвин, великий английский поэт У. Блейк, другие радикальные мыслители и люди искусства, в частности, поэт Перси Биши Шелли. Зарождение феминизма произошло не на культурной/интеллектуальной периферии, а в центре обмена идеями.

Хотя Англия и была родиной индустриальной революции, которая, казалось бы, обеспечила множество тем для классической социальной теории (индустриальный город, новые формы собственности, условия жизни рабочего класса, фабричная система, социальное законодательство по ограничению женского и детского труда), она не стала ареной ее развития. Она была слишком рациональным для этого обществом, с доминированием эмпиризма в философии и утилитаризма в социальной мысли. Как отметил Р. Нисбет [15, р. 12–13], социологическая традиция парадоксальным образом плохо развивается в самом мейнстриме модернизма, напротив, ее наиболее существенные понятия и перспективы своим происхождением связаны, скорее, с философским консерватизмом.

На этом фоне социология складывалась как «объективная» социальная наука (подобная естественным), во многом впитавшая в себя и легитимировавшая викторианские предрассудки в вопросах пола, семьи, работы, деления публичного и приватного. Социология была абсолютно европоцентрична, примеры из других культур рассматривались как отрицательные. Викторианская идеология предполагала поляризацию мужской и женской социальной роли. Большинство социальных теоретиков считали это разделение священным и неизменным, полагая самореализацию женщин возможной лишь в рамках при-

ватного, домашнего мира. Достаточно часто социологические теории или игнорировали женщин вообще, или отводили им второстепенные роли. Однако влияние описанного социального контекста на отдельных авторов было достаточно сложным и противоречивым. Никогда социальная теория не придерживалась единой трактовки «женского вопроса». На его интерпретацию влияли и изменения в отношениях мужчин и женщин, принадлежащих к разным классам, и половое разделение труда при капитализме, и влияние европейских революций на положение женщин.

Так, например, борьба суфражисток и дискуссии о «природе женщины» повлияли на взгляды Джона Стюарта Милля, выступившего за предоставление женщинам среднего класса доступа к образованию и профессиональной деятельности. Герберт Спенсер, наоборот, проделал эволюцию от профеминистской к антифеминистской позиции.

Джон Стюарт Милль (1806–1873)

Строго говоря, Джон Стюарт Милль не был классическим социологическим теоретиком, он был социальным философом. На протяжении многих лет он имел близкие отношения с Гарриет Тейлор, радикальной мыслительницей феминистской ориентации, которая стала потом его женой. Но он сам поддерживал феминистские взгляды еще до встречи с Гарриет, и даже был арестован в возрасте 17 лет за распространение механических контрацептивов среди горничных и дочерей торговцев и ремесленников. Он поддерживал идеи контроля над рождаемостью.

Свою знаменитую работу «О подчинении женщин» [4] он написал в начале 1860-х гг., но опубликована она была только в 1869 г. Эта книга представляет собой наиболее последовательное изложение либеральных взглядов феминизма первой волны. Дж. Милль критиковал брак как оплот деспотизма, считая, что брачные отношения отличаются от прочих форм господства сильных над слабыми тем, что не ограничены рамками отдельного класса, а характерны для всего мужского пола. Он полагал, что женщины должны иметь равные права с мужчинами, равный доступ к образованию и профессиональной деятельности, и выражал скепсис по отношению к выводам современной ему биологии, объяснявший интеллектуальную слабость женщин меньшим размером их мозга. По его мнению, «женская природа» – искусственно созданный феномен и результат длительного подавления одних личностных свойств и чрезмерного стимулирования других. Как и Мэри Уолстонкрафт, он указывал на деформирующую роль гендерной социализации и специфических форм женского образования для развития женской личности. Причину дискриминации женщин в трудовой сфере он видел в желании мужчин сохранить свои экономические привилегии. В соответствии с идеями утилитаризма Дж. Милль считал освобождение женщин залогом и непременным условием успешного развития че-

ловеческого общества в целом, которое невероятно продвинется, если за счет женского равноправия удвоится его интеллектуальный потенциал.

Слабые черты его работы были характерны для либеральной мысли в целом: он полностью полагался на возможности правового регулирования гендерных отношений, игнорируя психологические основания для подчинения женщин мужчинам. Не уделяя специально внимания классовым различиям между женщинами, он объективно ратовал прежде всего за освобождение женщин средних и высших классов, имеющих собственное имущество и образование, хотя в обоих этих отношениях их возможности были ограничены. На устранение этих ограничений и была направлена работа Дж. Милля.

Герберт Спенсер (1820–1903)

В течение жизни ученого его взгляды на женский вопрос претерпели значительную эволюцию. В 1851 г. он опубликовал работу «Социальная статика», одна из глав которой (XVI) называлась «Права женщин» [7]. В ней он выразил взгляды, очень близкие к взглядам Дж. Милля, находя, что противники равноправия не могут привести ни одного убедительного аргумента в пользу того, что существуют какие-либо, даже незначительные интеллектуальные различия между мужчинами и женщинами, которые обосновывали бы лишения женщин равного с мужчинами статуса. Впоследствии, однако, Г. Спенсер принял совершенно другую точку зрения. Уже в 1855 г. в «Основаниях психологии» он писал, что мышление женщин отличается от мышления мужчин подобно тому («хотя и меньше по степени»), как дикари отличаются от цивилизованных людей, поскольку «женщины более быстры в выведении заключений и более упрямо держатся за однажды сложившиеся верования» [5, с. 357].

В 1873 г. в работе «Социология как предмет изучения» Г. Спенсер изложил свою позицию более подробно, опираясь на теорию социального дарвинизма. Он полагал, что физические и психические различия между мужчинами и женщинами сформировались по мере их адаптации к отцовскому и материнскому долгу в ходе человеческой эволюции. Эти различия выражают себя прежде всего в различиях между интеллектуальным и эмоциональным началами. Он придавал также значение физическим отличиям женщин от мужчин: меньший размер их тела и мозга он считал не только результатом эволюции, но и свидетельством их интеллектуальной слабости по сравнению с мужчинами. Спенсер полагал, что все эти различия сформировались в результате исторических взаимоотношений полов, которые строились как отношения сильного и слабого. Мужчины варварских племен, по мнению Спенсера, были не только сильными и храбрыми, но и агрессивными, жестокими и эгоистичными. Чтобы физически выжить во взаимоотношениях с такими мужчинами, женщины вынуждены были развивать в себе способности к ним подстраиваться, угадывать их настроения, исполнять их желания. При этом наиболее brutальные мужчины

были и наиболее успешными, соответственно, женщины, нуждавшиеся в физической и экономической защите для себя и детей, предпочитали именно таких мужчин, несмотря на то что они с ними хуже обращались. Рецидивы таких женских вкусов Г. Спенсер считал распространенными и в современном ему цивилизованном обществе. Общение с такими мужчинами в ходе эволюции развивало у женщин такие качества, как чувствительность и интуиция, поскольку они должны были «по одному движению, тону голоса или выражению лица... тотчас угадывать в своем дикаре-муже возникшую в нем страсть» [8, с. 371]. Именно такие женщины имели значительно больше шансов выжить. Важным следствием подобного естественного отбора стало, по мнению Спенсера, готовность женщин подчиняться любой власти и их преклонение перед властью в целом. Поэтому он полагал необходимым исключать их из публичной жизни: они создавали бы естественную базу для автократических и тиранических политических режимов. Из-за этого он также предлагал ограничить их неформальное влияние на характеры своих мужей и сыновей.

Выводы ученого базировались на «кабинетной антропологии» XIX в., поэтому его представления о жизни «примитивных племен» были не только европоцентричны, но и весьма умозрительны. Тем не менее, его теория предполагала возможность изменения отношений между полами по мере эволюции общества. Г. Спенсер предложил свой вариант популярных для своего времени размышлений по поводу природы и происхождения брака. В частности, он выделял несколько стадий его развития:

1) отсутствие брака и промискуитетные отношения между первобытными людьми;

2) полиандрия – репрессивная для женщины семейная форма, поскольку иметь несколько мужей означало иметь несколько господ, и вредная для детей, так как не давала определенных и стабильных властных паттернов;

3) полигамия – более эффективная, чем полиандрия, организация брака, поскольку обеспечивала более тесные семейные связи, репродукция производилась в основном самыми сильными и богатыми мужчинами (которые могли держать много жен), сыновья имели одного отца как образец для подражания;

4) моногамия, которую он считал высшей и последней формой семьи, своего рода венцом эволюции [6, с. 25–52].

По мнению Г. Спенсера, современная ему викторианская семья была уже избавлена от налета брутальных властных отношений, свойственных дикарям. В этой семье женщина пользуется полным уважением и имеет все возможности для своего *естественного* самовыражения в качестве жены и матери. Исключение женщин из трудовых отношений и их специализацию на семейных функциях он также считал достижением эволюции и признаком цивилизован-

ности общества (парадоксально, что это было написано в стране, где женщины в то время составляли более половины фабричных рабочих!).

Несмотря на все сказанное, взгляды Спенсера нельзя считать консервативными: они представляют собой смесь утилитарного либерального индивидуализма и эволюционного функционализма. Его пересмотр своей позиции по отношению к правам женщин стал результатом не политического поворота, а более скрупулезной разработки принципов эволюционного функционализма, при этом он продолжал придерживаться либерального индивидуализма как политической идеологии. Спенсер начал интересоваться теорией эволюции, когда не смог найти достаточного интеллектуального основания для социальной интеграции и прогресса ни в утилитаризме, ни в религиозной догматике. В результате именно биологический эволюционизм стал противоречивым базисом его либеральной политической экономии.

Эмиль Дюркгейм: разделение труда и конъюгальная солидарность

Эмиль Дюркгейм (1858–1917) был сторонником контовского проекта научного утверждения новой секуляризированной морали. С его точки зрения, главные орудия для реализации этого проекта – социология и образование. Его обращение к проблематике гендерных отношений было связано с моральной оценкой разделения труда в обществе. Он считал разделение труда фундаментальным базисом общественного порядка и категорическим императивом коллективного морального сознания. Растущая специализация экономических, политических, административных институтов и других сфер жизни нередко подвергалась критике как источник экономических кризисов и классовых конфликтов. Дюркгейм своими работами пытался разрешить эти противоречия, рассматривая «факты моральной жизни в соответствии с методами социальной науки». По его мнению, моральные последствия разделения труда более важны, чем экономические. Парадигмальным случаем разделения труда он считал брак, разделение труда в котором служит источником солидарности [2, с. 56–65].

При этом он утверждал, что физическая и культурная дифференциация между мужчинами и женщинами все время увеличивается. Ученый пришел к заключению, что «чем глубже мы обращаемся в прошлое, тем менее значительными становятся различия между мужчинами и женщинами» – во внешности, физической силе, строении мозга, а также в выполнении социальных ролей и функций. Следуя данным современной ему антропологии, он полагал, что в древние эпохи не существовало брака как такового, скорее, практиковался род примитивного промискуитета в сочетании со слабо развитым зародышем матриархальной семьи.

Развитие института брака, по мнению Э. Дюркгейма, происходило по мере нарастания все большей дифференциации между мужчинами и женщинами.

Женщины становились постепенно все более слабыми физически, размер их мозга все более уменьшался по сравнению с мужским, зато при этом у них развивалась моральное чувство и мягкость характера. По мере развития института брака женщины отстранялись от участия в войнах и других публичных событиях и сосредоточивали свои жизненные интересы вокруг семьи. Э. Дюркгейм считал, что именно разделение труда на базе половых ролей создало основания для солидарности в домашней сфере. Эта история конъюгальной солидарности позволила ученому выдвинуть гипотезу о том, что усиление социального разделения труда ведет не к конфликтам, а к консенсусу и солидарности. Тот факт, что в реальной жизни разделение труда приводило к экономическим кризисам и классовым конфликтам, Э. Дюркгейм связывал с тем, что оно происходило в ненормальных формах, было вынужденным и аномичным.

Серьезный недостаток предложенного Э. Дюркгеймом анализа конъюгальной солидарности заключается в том, что наличие в браке принуждения, подавления и неравного обмена любыми видами ресурсов он интерпретировал как простую техническую комплиментарность функций, институционализированных в виде половых ролей.

Георг Зиммель: мужская культура и социальная психология половых ролей

Один из основоположников немецкой классической социологии Георг Зиммель считал подчиненное положение женщин серьезной проблемой и уделял специальное внимание тому, как доминантная мужская культура препятствует автономному развитию женской идентичности и ограничивает участие женщин в культуре. Те роли, которые социально предписаны женщинам, недостаточны для их автономной самореализации, а независимая моральная оценка их деятельности подменяется выработанными мужчинами критериями. Г. Зиммель, в отличие от Э. Дюркгейма, подчеркивал, что разделение труда по половому признаку приводит к тому, что женщины воспринимаются лишь через призму отношений с мужчинами. Сами же по себе женщины – «ничто», потому что доступные им роли не имеют никаких специфических, независимых женских качеств: «Все унижение женщины исходит из того, что существование женщины оценивается по критериям, смоделированным для противоположного пола» (цит. по: [1, с. 57]). Таким образом, Г. Зиммель предвосхищает более поздние идеи С. де Бовуар и Ж. Лакана о том, что «женщины не существует».

Это не означает, однако, что Г. Зиммель рассматривал женщин лишь как жертв «скроенного по мужской мерке» социального мира: во всех культурах женщинам предписывалась особая власть и таинственная сила, например, ведьмовская. Он и сам разделял эту точку зрения, придерживаясь традиционного разделения между полами сфер бытия: «мужчина – культура, женщина – природа». Женщины, по мнению Г. Зиммеля, находятся гораздо ближе к

темным примитивным силам природы, их наиболее существенные личностные характеристики связаны с самыми естественными, самыми универсальными, самыми важными с биологической точки зрения функциями. Он полагал, что женский характер не может быть выведен ни из полового разделения труда, ни из его культурной объективации. «Внутренняя жизнь женщины протекает в глубочайшей тождественности бытия и бытия женщиной, абсолютно определяющей в самой себе свою половость и не нуждающуюся для определения себя в соотношении с другим полом» (цит. по: [1, с. 54]). Радикально противопоставляя «природу женщины» миру мужской культуры, он считал ее непознаваемой для мужчины.

Г. Зиммель утверждал, что исторически женщины стали позже, чем мужчины, пользоваться правами частной собственности, и их личное имущество в основном состояло из украшений, в то время как первым личным имуществом мужчин было оружие. По его мнению, это обстоятельство указывает на более активную и агрессивную природу мужчин: мужчины расширяли сферу своей личности насильственно, против воли других. Женщины же в гораздо большей степени выражали готовность зависеть от доброй воли других людей: они выражали свою индивидуальность через восхищение и признательность, которые получали из внешнего социального мира.

Г. Зиммель также предложил довольно тонкий анализ взаимодействий между мужчинами и женщинами в рамках брака и любовных отношений. Саму природу современного брака он считал чреватой потенциальным охлаждением и конфликтами, поскольку супруги вынуждены разделять между собой наиболее тривиальные, безразличные и неприятные практики повседневной жизни. Напротив, большинство важных и значимых отношений, связанных с наиболее творческими аспектами их личностей, оказываются лежащими за пределами брака. Свойственные семейной жизни формы интимности часто способствуют полному поглощению личных миров супругов, что приводит к привычному сосуществованию, лишенному эмоциональной насыщенности. Г. Зиммель критически относился к возможности достижения «равных прав в браке», считая, что брак должен базироваться на более органичной форме союза, чем простое механическое равенство, поскольку невозможно подчинить общим принципам все тончайшие формы взаимодействия в контексте повседневной жизни.

Г. Зиммель отрицал все современные ему идеологические модели разрешения «женского вопроса»: традиционалистскую установку на сохранение отдельной женской сферы жизни, либеральную модель автоматического распространения на женщин всех прав, которыми обладают мужчины, и социалистические представления о детерминации угнетения женщин капиталистическими отношениями, поскольку ни одна из них не подразумевала автономии женщин. Для Г. Зиммеля жизнь женщины по своей природе и содержанию отличалась от жизни мужчины, и не могла быть выражена через посредство культурных норм,

созданных мужчинами. Хотя идеи ученого предвосхитили многие позднейшие сюжеты феминистских текстов, в целом его представления о «природе женщины» были антиисторичны и связаны с современными ему стереотипами.

Структурно-функциональный подход к гендерным отношениям

Как и у Э. Дюркгейма, структурно-функциональный подход рассматривает дифференциацию по полу прежде всего через призму института семьи, при этом:

- 1) минимизируется упоминание отношений власти-подчинения и мужского господства;
- 2) половая дифференциация рассматривается как следствие разделения труда;
- 3) предполагается, что разделение труда обусловлено функциональными потребностями общества и личности.

Эту теорию мы рассмотрим более подробно, потому что структурный функционализм (названный впоследствии «стандартной американской социологией») долгое время был очень влиятельной и даже доминирующей методологией и стал эталоном для формирования структуры социологического образования в США, действующей и по сей день. Его влияние, однако, простиралось далеко за пределы Северной Америки. Этот подход, игравший главную роль до середины 1970-х гг., претендовал на построение *единой* теории семьи, которая объединила бы все существовавшие на тот момент подходы в рамках неоклассического синтеза социологии. Базой для этой универсальной теории должен был стать структурный функционализм.

Основные положения структурного функционализма. Наиболее важным в понимании структурного функционализма следует считать не конкретные детали, а сам способ теоретизирования. Согласно этому подходу выделяются *четыре основные функции*, которые должен выполнять любой социальный институт или общество в целом, чтобы обеспечить собственное воспроизводство [16].

1. *Адаптация системы* к ее материальному окружению: системе необходимы определенные материальные ресурсы для самовоспроизведения. Адаптация – типичная функция *экономических* институтов.

2. *Целеполагание*: системе необходимы некоторые средства для определения своих целей и проверки их достижимости. Данная функция типична для политических институтов.

3. *Интеграция*: система должна обеспечить свою интеграцию в более широкие системы и их интегрирование в общество в целом. Это типичная функция *общины* или «гражданского общества».

4. *Сохранение образцов*: средство поддержки общей системы ценностей, которые составляют основу соглашения, позволяющего разрешать возникающие противоречия. Указанная функция типична для *системы ценностей и религии*.

Согласно структурному функционализму эти основные функции универсальны, однако в разных обществах они выполняются разными способами. Эволюция обществ – развитие от простых форм к сложным – характеризуется нарастающей структурной дифференциацией, по аналогии с прогрессирующим развитием разделения труда и создания специальных институтов, призванных выполнять специализированные функции, например, индустриальное предприятие, государство.

Место семьи в системе структурной дифференциации общества. Этот процесс дифференциации структур влияет на семью, как и на другие институты, поэтому в современном обществе мы наблюдаем не упадок семьи, а *специализацию ее функций*.

В *простейших обществах* дифференциация очень слабая. Семья полностью интегрирована в домашнее хозяйство и в более широкую общность, так что трудно отделить, например, экономическую деятельность от религиозной или политической. Семья играла решающую роль во всех этих сферах.

Структурная дифференциация привела к учреждению специализированных экономических институтов для выполнения социальных функций адаптации, специализированных политических институтов для выполнения социальных функций целеполагания и т.д. *Таким образом, социальные задачи современной семьи сведены к поддержке биологического, психологического и социального воспроизводства ее членов*. Для Т. Парсонса главная функция современной семьи – это сохранение паттернов социальных взаимодействий. Семья ответственна за социализацию детей и поддержку взрослых, причем роли мужчин и женщин в ней совершенно различны [17]. Это различие основывается на различиях между *инструментальными* и *экспрессивными* функциями и личностями. Точка зрения Т. Парсонса базируется на весьма спорных психологических допущениях, но в его теории семьи важен именно общий способ объяснения.

Чтобы лучше понять структурно-функциональный подход, рассмотрим базовую модель других представителей структурного функционализма: Нормана Белла и Эзры Фогеля [12]. Семья существует на *пересечении различных подсистем* общества, в которые вовлечен индивид. Среди них *экономика, политика, локальная община и система ценностей*, в соответствии с каждой из четырех «эталонных переменных» Т. Парсонса. В соответствии с этими подсистемами Н. Белл и Э. Фогель выделяют функции современной семьи. Эти функции представлены как *серии обменов*: функционирование семьи не *детерминировано* другими подсистемами, но *согласуется с ними*, даже если они имеют разные властные полномочия, как, например, семья и государство. Н. Белл и Э. Фогель

настаивают на том, что эти функции выполняет именно *семья как целое, а не отдельные ее члены*. Таким образом, анализ семьи включает три этапа.

На первом этапе семья рассматривается как целостность в широком социальном контексте и в ее отношениях с социальными подсистемами.

1. Экономика: семья обеспечивает экономику своим *трудом* в обмен за *денежное вознаграждение*. Чтобы иметь такую возможность, семья должна обеспечить *базовые умения и навыки, эмоциональную интегрированность* личности и необходимую для работы *мотивацию*. Семья должна быть достаточно хорошо готова к *географической и социальной мобильности*, и именно этим диктуется ее *нуклеарная* форма. Работнику необходимо разделять в своей жизни дом и работу, поэтому он должен иметь определенную *независимость* от своей семьи.

2. Политика: семья обеспечивает *лояльность* по отношению к политической системе в обмен на *руководство*. Семья делегирует в сферу политики власть и право принимать решения и взамен соглашается подчиняться этим решениям. Политика обеспечивает семье некоторые *выгоды* (например, пособия), а также укрепляет и *защищает* ее как институт. Интересы семьи не совпадают полностью с интересами государства, но обычно все недовольства канализируются в безвредную деятельность, например, *оппозиционных партий*.

3. Локальная общность или община: семья *участвует* в жизни своей локальной общины, которая в обмен ее *поддерживает*. Община также укрепляет семью и поддерживает ее самоидентичность и солидарность ее членов.

4. Система ценностей: семья играет главную роль в воспроизводстве системы ценностей, соответственно, система ценностей одобряет семьи, ее разделяющие.

Внешние функции семьи определяются взаимоотношениями между семьей и обществом, при этом именно они в значительной степени обуславливают внутрисемейное разделение труда и гендерный порядок.

На втором этапе в соответствии с функциями семьи анализируются внутрисемейные отношения. Это означает, что *собственно отношения между полами рассматриваются лишь на второй стадии анализа, они как бы вторичны*.

1. Адаптивная функция в дополнение к *работе вне дома*, приносящей непосредственный денежный доход, требует определенных затрат *домашнего труда*: уборки, починки, покупки предметов потребления, готовки пищи, заботы о детях, старых и больных людях. Решение этих задач должно быть распределено между членами семьи. Н. Белл и Э. Фогель полагают естественным и рациональным возложение этих работ на женщин, мотивируя это естественной биологической связью между матерью и ребенком. Поскольку мать все равно привязана к дому, это в равной степени естественно и рационально для мужчины уходить из дома на работу, в то время как мать заполняет незанятое

непосредственно ребенком время выполнением соответствующей домашней работы. Н. Белл и Э. Фогель признают, что это делает женщину экономически зависимой от мужчины.

2. Функция целеполагания: в семье, как и в обществе в целом, должны присутствовать *лидерство* и *согласие ему подчиняться*, в частности, и для того, чтобы выполнять решения, принятые на социальном уровне. Мужчина, скорее всего, является номинальным главой семьи, но Н. Белл и Э. Фогель настаивают на том, что номинальный лидер не всегда имеет реальную власть:

а) номинальный лидер может не быть тем человеком, кто на самом деле принимает решения;

б) существует разделение сфер власти;

в) большинство решений принимаются под воздействием внешних обстоятельств, а значит, протест против того или иного решения или общего распределения сил в семье не стоит воспринимать слишком серьезно – протест может носить символический характер и содержать в себе элемент одобрения неизбежных решений.

3. Интеграция: различные *ритуальные и символические виды деятельности* укрепляют семейные узы и связывают членов семьи с локальной общностью, например: воскресный ланч, рождественский ужин, дни рождения, прогулки, семейные фотографии, физический контакт, сексуальные отношения.

4. Система ценностей: семья должна быть едина по отношению к базовым *ценностям*, инкорпорированным в систему социальных ценностей. В рамках этого консенсуса возможно и некоторое несогласие – это позволяет правилами игры. Однако функциональная необходимость в консенсусе является консервативной силой в масштабах всего общества.

На третьем этапе исследуется то, как распределение функций между членами семьи влияет на типовые характеристики личности. Семья функциональна не только по отношению к социальным системам более высокого порядка, но и по отношению к личности. В самом деле, важнейшая функция семьи в современном обществе – формировать и поддерживать типы личности, приспособленные к возложенным на индивидов функциям.

Главнейшее звено, связывающее семью и общество, – *работающий глава семьи как хозяйственная единица*. Этот человек нуждается в эмоциональной и психологической поддержке, а дети должны быть *социализированы* так, чтобы потом наилучшим образом играть свои социальные роли, прежде всего на работе. У них также должны быть воспитаны психологические качества, необходимые для *лидерства и подчинения власти*. *Интеграция семьи и единая система ценностей* чрезвычайно существенны для формирования стабильной личности и последовательного суперэго во взрослых и детях. Таким образом, между семьей и личностью существует обмен взаимной поддержкой.

Так сложилось, что работающим главой домашнего хозяйства функционально является мужчина. Разделение труда в обществе и в семье диктует необходимость социализировать мальчиков на основе ценностей *инструментализма, лидерства и ориентации на достижения*. Поэтому именно у мужчин развиваются способности работать вне дома и принимать решения всемирно-исторического значения, в то время как женщины выполняют домашнюю работу, обеспечивают эмоциональную поддержку и сексуальные услуги, чтобы дать мужчинам возможность содержать семью.

Для Н. Белла и Э. Фогеля эта схема разделения труда не выглядит неизбежной. Они отмечают, что «суровые жизненные испытания» могут даже привести к перераспределению ролей, и тогда женщины идут на работу, а мужчины остаются дома.

Критика структурно-функциональной теории семьи сводится главным образом к следующему. Во-первых, структурно-функциональная модель построена на представлениях об идеальной американской семье среднего класса, живущей в пригороде, – представлениях, имеющих мало общего с реальной жизнью подавляющего большинства жителей планеты.

При этом важно понимать, что структурный функционализм не претендует на описание общества таким, как оно есть. Это совершенно сознательно выбранное описание *идеальной модели*, которой должно соответствовать правильно функционирующее общество. Структурно-функциональная модель семьи обеспечивает ученых как бы образцом измерения *правильно функционирующей семьи*, с помощью которого можно выявлять точки напряжения, приводящие к *патологическим отклонениям* от нормы/идеала: если семья не функционирует согласно этой модели, то развиваются различные социальные и психологические патологии. Главная цель этой теории – объяснить не суть семьи, а эти самые психические и социальные отклонения, портящие общую картину.

Цель теории заключается в объяснении того, что такие патологии, как психические заболевания, преступность, распад семьи, нищета, имеют не индивидуальное происхождение. Они порождаются *точками напряжения в социальной структуре* – недостаточной интеграцией между различными подсистемами общества, которые могут быть подвергнуты институциональным реформам, либо должны существовать способы избежания или разрешения этого напряжения. Так, многие политики приходят к выводу, что для преодоления преступности, наркомании, нищеты и решения всех остальных социальных проблем надо укрепить семью.

Феминистки могут утверждать, что современная семья, особенно, представленная в структурно-функциональной модели, зиждется на *подчинении и маргинализации женщин*. Но структурные функционалисты возражают им, что дифференциация не обязательно подразумевает субординацию. Подчинение –

вообще не факт, но явление, зависящее от приверженности той или иной системе ценностей. Т. Парсонс признает, что существует *противоречие между основными ценностями современного общества и неравенством мужчин и женщин в структуре занятости*. Если часть женщин привержена основным ценностям равенства и важности работы вне дома, они могут быть недовольны своей подчиненной позицией, и современный феминизм является выражением этого недовольства.

Однако для Т. Парсонса *проблема заключается не в подчиненном положении женщин, а в противоречии между подсистемами*. Функционирование современного общества зависит от разделения труда в семье между инструментальными мужчинами и экспрессивными женщинами, поэтому оно не может быть подвергнуто изменениям. Следовательно, *решение заключается в том, чтобы как-то разрешить возникшее напряжение*, а не трансформировать общество так, чтобы женщины были довольны своим местом в нем. Т. Парсонс предлагает три пути, которые могли бы помочь женщинам найти решение этой проблемы: 1) найти себя в «светской жизни»; 2) стать профессиональной домохозяйкой; 3) заняться благотворительностью.

Это три способа, с помощью которых женщины могут найти себе социальную роль, удовлетворяющую их ценностным предпочтениям, соответствуют ступеням жизненного цикла: до рождения детей, при наличии маленьких детей, после того, как дети выросли. Таким образом, следуя Т. Парсонсу, женщина могла примириться со своим подчиненным положением и маргинальной социальной ролью через посредство утверждения своей идентификации как секс-объекта, гордой своим искусством домохозяйки, благотворительницы.

Такого рода аргументы могут вызывать раздражение, но важно учитывать, что *структурно-функциональную модель нельзя критиковать на чисто эмпирическом основании*, потому что это не описательная модель. *Это не модель того, что существует, но того, каким оно должно быть*. Поэтому ее можно критиковать, только подвергая критике теоретические допущения относительно функциональной необходимости патриархальных семейных отношений, на которых они базируются.

Во-вторых, структурно-функциональная модель общества ставит потребности общества выше потребностей и стремлений индивидов, которые живут в этом обществе и для которых оно, по идее, и существует. Поэтому структурный функционализм уязвим для политической критики как *консервативная теория*.

Структурно-функциональная модель рассматривает *общество и его предполагаемые потребности как отправную точку* и затем вынуждает людей соответствовать этой модели, независимо от того, что они сами хотят и думают по этому поводу. С помощью данного подхода можно *дезавуировать любой протест*, заявив, что это недовольство – лишь выражение социального напряже-

ния, которое можно устранить. Таким образом, социальные реформы приведут жизнь людей в соответствие с предназначенными им ролями. Из этого следует, что *основанием всех реформ должна быть социетальная интеграция, а не стремления отдельной личности или группы личностей.*

Эта модель подразумевает лишь две возможные *концепции личности*:

– либо эта личность бесконечно конформна, так что люди радостно принимают любые предписанные им роли при условии, что они были правильно социализированы;

– либо это «средний индивидуум», который по счастливому совпадению полностью соответствует тому, что функционально необходимо для общества.

Однако в любом случае речь идет о теоретике, выступающем от имени общества, где доминируют мужчины и конкретные социальные классы, которые определяют, что является нормальным, и навязывают свои представления всем остальным. Структурно-функциональная модель семьи не является по-настоящему функциональной: она функционирует только в интересах белых мужчин из среднего класса.

В-третьих, можно выделить так называемую «антисемейную» критику. Яркий представитель этого направления Р. Д. Лэнг [14] утверждает, что идеальная модель семьи на самом деле вовсе не «стабилизирует личность», а, напротив, служит *главным источником психических заболеваний и социальных бедствий.* В то же время многие люди очень счастливо живут в «ненормальных» семьях, придерживаясь «девиантных ценностей» и играя «девиантные роли». Структурно-функциональная семья, таким образом, критикуется как *идеологическое оправдание репрессивной системы*, которая подавляет потребности и стремления личности. Обществу требуются реформы, не усиливающие репрессивные структуры, а освобождающие людей, дающие им ресурсы и пространство для развития таких институтов, с помощью которых они могли бы удовлетворить свои подлинные потребности.

Подход Р. Д. Лэнга, который, очевидно, может развиваться в феминистском контексте, исходит из абсолютно другой политической направленности и абсолютно другой концепции личности, чем те, что присущи структурному функционализму. Ученый также отвергает идею о том, что патриархатное подчинение женщин функционально детерминировано самой формой современной семьи. Вместо нее предлагается другое объяснение: *семья является средством, с помощью которого мужчины навязывают женщинам свое господство.* Следующий шаг – уже *феминистские теории* патриархата как главной формы отношений между мужчинами и женщинами.

Наконец, в-четвертых, структурно-функциональный подход к семье – это типичная модернистская теория, в полной мере приверженная идее прогресса,

инновационного потенциала современного общества (все современное фундаментальнейшим образом отличается от старого, причем в лучшую сторону: например, нуклеарная семья гораздо лучше, *функциональней* всех предыдущих семейных форм). Уместно вспомнить здесь Ю. Хабермаса, который называл модернизм «радикализированным современным сознанием, освободившим себя от всех специфических исторических привязок» [13, р. 4].

Применительно к Т. Парсонсу это означает *апологику всех институтов* современного западного общества в целом и *американского образа жизни в частности*, поскольку Т. Парсонс игнорировал противоречия процесса модернизации.

Структурный функционализм служил теоретическим образцом для советской социологии семьи: любопытно, что вслух о подходе Т. Парсонса («здоровая семья – здоровое общество») не говорили, однако именно эта теория вытеснила в социологии семьи классический марксизм, от которого осталась лишь фразеология (см., например: [3; 10]). С этих же идейных позиций осуществлялась и реальная семейная политика в СССР (хотя вряд ли ее авторы и исполнители были знакомы с работами Т. Парсонса, Н. Белла и Э. Фогеля): семья как ячейка общества должна была прежде всего быть функциональной для целей государства. Но желаемый баланс в СССР (как и в Америке) так и не был достигнут.

Возникновение второй волны феминистского движения, феминистской критики социальной теории и политически ангажированных «мужских исследований» послужило импульсом для переопределения отношения к основным положениям концепции половых ролей в исследовании гендерных отношений. В настоящее время можно говорить о противоречивом отношении к теории Т. Парсонса. С одной стороны, можно встретить полное неприятие данной теоретической перспективы и ее обвинение в том, что она не столько описала, сколько предписала инструментальные и экспрессивные роли для мужчин и женщин, продолжая «маскировать» вопрос власти, символического и материального неравенства. С другой стороны, предпринимаются попытки переосмыслить основные положения поло-ролевой теории, заключающиеся в более полном развитии потенциала, в ней заложенного.

Библиографический список

1. Брандт Г.А. Природа женщины. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2000.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
3. Мацковский М.С. Социология семьи: проблемы теории, методологии и методики. М.: Наука, 1978.
4. Милль Дж. С. О подчинении женщины. М.: б.и., 1994.

5. *Спенсер Г.* Основания психологии: Ч. 1–5 // Сочинения Герберта Спенсера: Полные переводы, исправленные по последним английским изданиям. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1897.
6. *Спенсер Г.* Основания социологии: Т. 2 // Сочинения Герберта Спенсера: Полные переводы, исправленные по последним английским изданиям. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1898.
7. *Спенсер Г.* Социальная статика: Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества. СПб.: Издание В. Врублевского, 1906.
8. *Спенсер Г.* Социология как предмет изучения. СПб.: Тип. А. Якобсона, 1896.
9. *Уоллстонкрафт М.* В защиту прав женщин // Феминизм: проза, мемуары, письма, эссе: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1992.
10. *Харчев А.Г.* Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979.
11. *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2.
12. *Bell N., Vogel E.* A Modern Introduction to the Family. N. Y.: Free Press, 1966.
13. *Habermas J.* Modernity Versus Postmodernity // New German Critique. 1981. № 22.
14. *Laing R.* The Politics of the Family, and other essays. Harmondsworth: Penguin Books, 1976.
15. *Nisbet R.A.* The Sociological Tradition. N. Y.: Basic Books, 1966.
16. *Parsons T.* The Social System. Glencoe: Free Press; L.: Routledge & Kegan Paul, 1951.
17. *Parsons T., Bales R.* Family, Socialization and Interaction Process. L.: Routledge & Kegan Paul, 1956.
18. *Simmel G.* Das Relative und das Absolute im Geschlechter Problem // Philosophische Kultur. Leipzig: Alfred Krüner Verlag, 1919.

АМЕРИКАНСКАЯ СЕМЬЯ: ЕЕ ОТНОШЕНИЯ С ЛИЧНОСТЬЮ И СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРОЙ

.....

Т. Парсонс*

Американская семья на протяжении жизни последнего поколения, если не дольше, переживает процесс глубоких перемен. Среди социологов, а также других специалистов по проблемам семьи наблюдается большой разброс мнений по поводу интерпретации этих перемен. При этом ссылаются на стремительный рост числа разводов, на изменение старой половой морали и до недавнего времени на снижение рождаемости, и в этих фактах видят тенденцию к дезорганизации в самом прямом смысле этого слова. Подобные соображения, в свою очередь, часто обосновывались с тем, что однажды было названо «утратой функциональности» семьи. Это связано с тем фактом, что многие потребности, например, в одежде, которые раньше удовлетворялись членами семьи, работавшими дома, удовлетворяются внешними предприятиями. Одежда теперь обычно покупается готовой, в домашнем хозяйстве перерабатывается гораздо меньше пищи, появилось огромное количество видов платного отдыха вне дома и т.д.

То, что происходят глобальные изменения, кажется несомненным. То, что некоторые из них приводят к серьезной дезорганизации, тоже ясно. Но мы знаем, что значительные структурные изменения в социальных системах часто подразумевают напряжение и дезорганизацию, так что вопрос об оценке симптомов дезорганизации, одним из которых можно считать рост числа разводов, включает в себя вопрос, насколько речь идет о тенденции к дезорганизации как таковой, а насколько о том, что может быть названо «дезорганизацией изменений».

Некоторые данные о самых последних трендах, кажется, могут заронить сомнения относительно общей дезорганизации. Во-первых, вслед за послево-

* Перевод И.Н. Тартаковской выполнен по изданию: *Parsons T. The American Family: Its Relation to Personality and to the Social Structure // Parsons T., Bales R. Family, Socialization and Interaction Process. Glencoe: Free Press, 1955. P. 10–26.*

енным пиком рост числа разводов замедлился, хотя о долгосрочных перспективах говорить еще рано (см. таблицу).

Изменение числа браков и разводов в США в 1920–1950 гг. (количество на 1 000 чел.)

Год	Число браков	Число разводов
1920	12,0	1,6
1925	10,3	1,5
1930	9,2	1,6
1935	10,4	1,7
1940	12,1	2,0
1945	12,2	3,5
1950	11,1	2,6

<...> Чтобы судить о последствиях нестабильности браков, наряду с абсолютными показателями важно рассмотреть также распределение разводов в зависимости от продолжительности брака и наличия и числа детей. Как показывают цифры, в целом разводы продолжают концентрироваться на ранних периодах брака и у бездетных супругов. Даже если они были уже женаты и разведены, люди, которые заводят детей с относительно высокой вероятностью останутся вместе. «Две трети тех супругов, которые решаются на развод, бездетны; одна пятая имеет лишь одного ребенка. Наблюдается определенная зависимость между бездетными браками и разводами. Относительно небольшое число детей в Соединенных Штатах имеют разведенных родителей, вероятно, еще и благодаря тому, что на самом деле многие супруги не остаются вместе столь долго, чтобы иметь большую семью. Более 35 % разведенных в 1940 г. были женаты менее четырех лет. Средняя продолжительность браков, закончившихся разводом, менее шести лет» [1, р. 652–53].

Во-вторых, развод, конечно же, не означает еще глобального разочарования в браке, такого, чтобы люди оставались бы на всю жизнь одинокими и не делали больше попыток завести семью. Несмотря на то что в современной ситуации одинокие женщины имеют больше экономических возможностей жить отдельно, чем когда-либо раньше, процент состоящего в браке и живущего со своими супругами населения сейчас наивысший за весь период, охваченный переписями, и существенно возрос как раз за последний период (см. таблицу).

В-третьих, снижение рождаемости, особенно сильное в середине 1930-х, когда население перестало замещать себя полностью, прекратилось уже в начале 1940-х, и даже произошел ее умеренный рост. В любом случае само по себе снижение рождаемости не является еще признаком кризиса: переход от демографического состояния, характеризующегося высокой смертностью и высокой

рождаемостью, к состоянию низкой смертности и уравнивающей ее умеренной рождаемостью относится к завоеваниям человечества.

Таким образом, анализ статистики показывает, что американцы продолжают активно вступать в брак, сохраняют достаточно стабильный уровень рождаемости и в большом количестве обзаводятся семейным жильем <...>

Американская семья в контексте общества

Рассмотрим теперь наиболее существенные особенности структуры семейно-родственных отношений в Америке и их связи с обществом в целом. Первая черта, на которой следует остановиться, – это уровень организации рода, как его обычно рассматривают антропологи; в данном случае речь идет об «изолированности» нуклеарной (однопоколенной) семьи и ее «двойственности» относительно линий происхождения (т.е. она не является ни собственно патрилинейной, ни матрилинейной). «Изолированность» выражается в том, что члены нуклеарной семьи, состоящей из родителей и их несовершеннолетних (материально зависимых) детей, как правило, имеют отдельное от других родственников жилье, и эта семья обычно ведет независимое экономическое существование, которое обеспечивается в первую очередь за счет доходов мужа-отца. В подавляющем большинстве случаев эти доходы представляют собой итог его профессиональной деятельности.

Таким образом, по мере того как профессиональная структура общества развивается и приобретает новые функции, это *должно* происходить за счет значения родственных отношений и за счет многих функций, которые раньше традиционно принадлежали роду как структурной единице. При таком типе общества взаимоотношения между семьей и профессиональным миром основываются на факте, что *одни и те же люди* являются членами нуклеарных семей и работают, имеют «рабочие места». Следующий важный момент связан с тем, что *основная* обязанность материальной поддержки нуклеарной семьи лежит на одном из ее членов – взрослом мужчине. Именно он играет «пограничную роль», занимая позицию и в профессиональном мире, и в семье.

Нельзя отрицать и тот факт, что многие американские женщины тоже работают. Тем не менее нельзя даже ставить вопрос о симметричности между полами в этом отношении, и, с нашей точки зрения, нет никаких серьезных тенденций в этом направлении. Большая часть работающих женщин – незамужние либо вдовы, и даже, если они замужем, то не имеют детей (либо их дети уже выросли). Большинство же замужних женщин с маленькими детьми по-прежнему являются домохозяйками. И даже если они работают, то они в основном выполняют работу такого рода, которая несопоставима по статусу и по доходам со статусом и доходом, который обеспечивает работа их мужей.

Мы можем поэтому вполне уверенно заключить, что роль взрослой женщины по-прежнему состоит прежде всего в выполнении ее семейных функций

в качестве жены, матери и домашней хозяйки, в то время как роли взрослого мужчины в первую очередь связаны с профессиональным миром, с работой, а также с обеспечением своей семьи определенным статусом и доходом.

Позиции, которые занимают женщины как часть рабочей силы, только подчеркивают это общее равновесие половых ролей. На самых высоких ступенях профессиональной иерархии типичные занятия для женщин – это учитель, социальный работник, няня, личный секретарь или работник культуры. Эти роли имеют явный экспрессивный компонент и часто являются «поддерживающими» по отношению к мужским ролям. В рамках профессиональной структуры они представляют собой аналог роли жены-матери в семье. Гораздо реже можно встретить женщин в качестве управляющих или выполняющих более специализированные и «безличные» технические роли. Даже внутри профессий мы наблюдаем значительную дифференциацию, например, в медицине женщины в основном сконцентрированы в двух областях – педиатрии и психиатрии, в то время как в хирургии их совсем мало.

Главные функции нуклеарной семьи

Что же мы можем сказать о функциях изолированной нуклеарной семьи в структуре всего общества? На наш взгляд, тут возможны два основных подхода. Первый состоит в том, что «потеря функций», проявившая себя как в современной жизни нашей страны, так и в более широком контексте, означает, что на «макроуровнях» семья становится практически полностью нефункциональной. Она в большинстве случаев не участвует в экономическом производстве, не является значимой политической ячейкой, напрямую не содействует интеграции в общество. Отдельные ее члены участвуют в выполнении этих функций, но как индивидуумы, а не как члены семьи.

Наиболее важный вывод из этого представления заключается в том, что функции семьи в высокодифференцированном обществе могут интерпретироваться как функции, значимые только для личности, но не для общества. Если бы, как полагают некоторые психологи, основные черты человеческой личности были биологически детерминированы и не связаны с включенностью в социальные системы, то в семьях не было бы необходимости, поскольку для биологического воспроизводства как такового этого не требуется. Но семьи необходимы именно потому, что *человеческой личностью* нельзя родиться, а можно только стать с помощью процесса социализации. Семьи – это «фабрики» по производству человеческих личностей. В то же время нельзя рассчитывать, что человеческая личность будет стабильной в отношениях, жизненно необходимых для социального функционирования, если лишится «механизмов стабилизации», органически заложенных в процесс социализации. Таким образом, мы выделяем две важнейшие функции семьи: во-первых, первичная социализация детей, чтобы они могли стать членами общества, в котором родились; во-вто-

рых, стабилизация взрослых членов общества. Важнейшим тезисом нашего последующего анализа является утверждение о том, что обе эти функции теснейшим образом взаимосвязаны. <...> центральный момент процесса социализации – интериоризация культуры того общества, в котором родился ребенок. Важнейшая часть этой культуры состоит в ценностных паттернах, которые лежат в основе институциональных паттернов данного общества. В этом смысле семья во всех обществах выступает институциональной системой.

Но недостаточно поместить ребенка в любую институциональную систему социальных отношений. Он должен быть окружен той их разновидностью, которая будет соответствовать необходимым психологическим условиям, способствующим успешному участию в процессе социализации на всех стадиях, начиная с раннего детства. Одна из важнейших целей нашей работы заключается в рассмотрении некоторых из этих условий. На первом месте, по крайней мере, для ранних стадий социализации, на наш взгляд, стоит необходимость наличия в качестве системы социализации именно *малой* группы. Более того, она должна быть разделена на подсистемы, так чтобы ребенок не должен был обязательно одинаково связан со всеми членами семьи на ранних стадиях социализации. Мы намерены показать, насколько важно, чтобы на самой ранней стадии он имел особую связь лишь с одним членом семьи – своей матерью...

Первейшая функция и характеристика семьи заключается в том, что она должна быть социальной группой, которой ребенок на ранней стадии детства сможет отдать все свои эмоциональные ресурсы, которой он сможет полностью «принадлежать» или от которой будет полностью «зависимым». Но в то же время сама логика процесса социализации предполагает, что эта зависимость должна носить временный, а не постоянный характер. *Поэтому семья должна быть дифференцированной подсистемой общества, а не «обществом в миниатюре» или его точным подобием.* Иными словами, взрослые члены семьи должны иметь помимо своих семейных ролей и другие роли, которые играли бы стратегическое значение для них как личностей. В нашей культуре, несомненно, из этих других ролей важной является профессиональная роль отца.

Вторая важная функция семьи, наряду с социализацией детей, относится к поддержанию равновесия в личных отношениях взрослых членов семьи обоего пола. Понятно, что она сосредоточена вокруг брачных отношений как таковых. С этой точки зрения особое значение для изоляции нуклеарной семьи в нашем обществе имеет четкое различие статусов между членами и нечленами семьи. Это означает, что супруги оказываются соединенными друг с другом, и их связи с членами семей, из которых они вышли, в частности, с родителями, соответственно ослабевают. Эта ситуация содержит и негативные аспекты, поскольку в кризисной ситуации супружеская пара оказывается лишенной поддержки...

Поэтому родительство требует от родителей высокого эмоционального равновесия, необходимого для социализации детей. Два поколения за счет изоляции нуклеарной семьи оказываются более тесно связанными.

Принято считать, что важнейшие стадии развития личности, особенно эмоционального, оставляют определенный след в структуре личности. Этот след ранних впечатлений может нести в себе угрозу для функционирования взрослого человека в том случае если история его личностного развития содержала определенные аномалии. Но в то же время он может выполнять и важную позитивную функцию. Мы предполагаем, что дети нужны взрослым, потому что помогают им выразить какую-то существенную «детскую» часть их личностей. Не может быть лучше способа для этого, чем жить и взаимодействовать с настоящими детьми. Таким образом, брак, «хороший» для супругов как личностей, скорее всего, будет таким же и для детей; родительские функции усиливают эффективность взаимоотношений супругов.

Мы собираемся показать в последующих главах, что зрелая женщина может любить только мужчину, который является полноценным представителем мужского мира, прежде всего в профессиональном аспекте, который несет ответственность за семью; и, напротив, зрелый мужчина может любить только такую женщину, которая является по-настоящему взрослым человеком, полноценной женой и матерью его детей и адекватной личностью во внесемейной сфере.

Половые роли и структура семьи

Само собой разумеется, что дифференциация ролей в семье по половому признаку представляет главную ось, которая не только держит всю ее структуру, но и глубоко пронизывает обе главные функции семьи, а также их взаимоотношение. Мы утверждаем, что именно важность семьи (и выполняемых ею функций) для общества лежит в основе существования *социальной*, а не только биологической дифференциации половых ролей.

Мы собираемся доказать, что в самой основе структуры нуклеарной семьи лежат четыре главных типа ролей, которые различаются между собой по критериям пола и принадлежности к разным поколениям. Один из этих двух критериев, «поколенческий», имеет биологическое происхождение, но рассматривается здесь с точки зрения социальной значимости: так, беспомощность маленького ребенка исключает любую форму равенства в распределении «власти» между поколениями на ранних стадиях социализации. Но такая биологическая предопределенность никак не связана с половой принадлежностью: оба родителя – взрослые люди, дети обоих полов одинаково бессильны. Мы покажем, что дифференциация ролей в семье по полу с социологической точки зрения является – прежде всего пример базовой качественной модели дифференциации, которая имеет свойство проявляться во всех системах социального взаи-

модействия, безотносительно к их составу. В частности, тип дифференциации по линии «инструментальный экспрессивный» заметен также в малых группах, близких по количеству членов к нуклеарной семье.

Мы предполагаем, что порядок дифференциации с точки зрения «элементов лидерства» носит общий и универсальный характер; применительно к семье проблема заключается не в том, *почему* дифференциация существует, а в том, почему именно мужчина играет более инструментальную роль, женщина более экспрессивную и почему эти роли принимают те или иные формы. По нашему мнению, фундаментальное объяснение распределения ролей между биологическими полами заключается в том, что вынашивание и выкармливание детей создает преимущественную связь между матерью и маленьким ребенком. Это в свою очередь предполагает, что мужчина, лишенный данных биологических функций, должен специализироваться в другом, инструментальном направлении.

Как бы это распределение ни складывалось в ходе биосоциальной эволюции, роль, которую оно играет в структуре и функционировании семьи в современном нам обществе, не вызывает сомнений. Мы полагаем, что недавние изменения в самой американской семье и в ее отношениях с обществом, с констатации которых мы начали, далеки от того, чтобы размывать дифференциацию половых ролей; напротив, во многих отношениях они усиливают и выявляют ее. Во-первых, четкое различие между семьей и профессиональной системой в нашем обществе весьма четко возлагает инструментальную ответственность за семью на одного из ее членов – взрослого мужчину, предотвращая распределение этой ответственности между членами более широкой группы родственников. Во-вторых, изоляция нуклеарной семьи дополнительно концентрирует материнскую роль на одной взрослой женщине, отсекая ее от помощи родственников, более того, факт отсутствия дома мужа-отца означает, что на нее ложится главная ответственность за детей. Эта ответственность частично облегчается уменьшением числа детей и помощью по хозяйству, но освободится от нее полностью мать никак не может. К тому же с точки зрения интересов ребенка происходит усиление его эмоциональной привязанности к родителям как индивидуальностям, особенно на ранних ступенях, к матери, которая очень важна для принятого в нашей культуре типа социализации.

Таким образом, *дифференциация* ролей между родителями приобретает в условиях современной Америки все большее значение. Можно предположить, что эта тенденция свойственна и отношениям супругов между собой. Усиление значения отношений в браке как для структуры семьи, так и для личностей супругов означает, что на первый план выходит *взаимодополняемость* их ролей. Это предполагает и комплекс романтической любви, и огромное эмоциональное значение, которое сейчас придается личности «значимого Другого» противоположного пола. Мы полагаем, что чрезвычайно возросла ценность

хороших гетеросексуальных отношений, причем именно *внутри* брака. Если же в этой области и происходит какая-то дезорганизация, то она, как правило, касается *данного конкретного* брака и приводит к его распаду и возникновению *нового*. Удовлетворение же эротических интересов с помощью внебрачных союзов не получило распространения.

Это возросшее значение отношений между супругами, на наш взгляд, находит самое разное выражение, в том числе и в том, как ценится в современной семье внешняя привлекательность женщины (приобретающая сильный эротический оттенок). Несомненно, изменяется содержание концептов «мужественность» и «женственность». Но в то же время различия между ними несколько не уменьшились.

В свете этих утверждений, видимо, нуждается в каком-то комментарии факт роста числа разводов. Это не означает, что нуклеарная семья и собственно брак находятся в стадии распада или теряют свое значение. Дело, скорее, в том, что, с одной стороны, обе супружеские роли меняют свой характер, а с другой – их значение в браке только *увеличивается*. Оба эти аспекта создают дополнительное напряжение в семье и браке как социальных системах и между супругами как личностями. Мы полагаем, что рост числа разводов лишь отражает это дополнительное напряжение. Ничего удивительного нет в том, что усложнение задачи приводит к росту числа неудач, пока не выработаны какие-то средства урегулирования ситуации. В данном случае такие средства могут быть только очень сложными и труднодостижимыми.

В этом контексте стоит вспомнить две особенности современного общества, имеющие прямое отношение к семье и браку. Первая из них – это мода на толкование человеческих проблем с точки зрения «психического здоровья» и вообще всякого рода психологии. В данной области присутствует множество разнообразных чудачеств, но нельзя отрицать влияние этого движения среди двух последних поколений. Соединенные Штаты представляют собой общество, в котором технико-организационное развитие тесно связано с особой ролью науки. Может быть, попытка разрешать возникающее любое напряжение с помощью эксперта-ученого является «чисто американским методом»? В индустрии мы привыкли считать это само собой разумеющимся. В человеческих отношениях это только входит в практику. На наш взгляд, мода на психиатрию, клиническую психологию и другие подобные феномены – показатель возрастания значимости напряжений внутри человеческой личности и в отношениях между людьми. Многие из этих напряжений в нашем обществе связаны с институтами семьи и брака.

Второй феномен, связанный с первым, можно назвать «профессионализацией» роли матери (применительно к воспитанию детей). Это попытка рационализировать заботу о детях, начиная с их кормления и физического обслуживания, на базе различных научных – или псевдонаучных – подходов. Разрыв

с традиционализмом, уже произошедший во многих сферах жизни, коснулся, наконец, и этой. Неудивительно в этой связи, что такую большую роль стала играть психология.

Вторжение прикладной науки в такие интимные аспекты жизни человеческих личностей, как забота матери о детях и отношения между супругами, предполагает развитие нового важного аспекта женской роли, который нельзя недооценить. Он заключается в том, что несмотря на усиление специализации женщины в экспрессивном направлении, американки отнюдь не пренебрегают и ценностями рационализма. Напротив, они изо всех сил стараются рационализировать саму сферу человеческих отношений. Женщины не только являются пациентками психиатра, но и часто сами работают психиатрами. Мать не просто любит своих детей, но пытается рационально понять природу, условия и ограничения этой любви, а также определить, в каких случаях она может скорее навредить, чем принести пользу ребенку.

Библиографический список

1. *Barnes H.E., Ruedy O.M.* The American Way of Life. N.Y.: Prentice Hall, 1951.

ГУМАНИТАРНЫЕ ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

.....

Л.Г. Титова*

Жизненно важной для человека начала XXI в. стала групповая идентичность. На процессы самоотождествления с этногруппой, территорией, идеологией, культурой влияние оказывает экспертная рефлексия по поводу природы человека – агрессивной или миролюбивой. Потребность в том, чтобы ограничить влияние «культуры войны», привела мировое сообщество к идее культуры мира, которая нашла практическое воплощение в документах ЮНЕСКО, в долгосрочной Программе культуры мира, нацеленной на кардинальную смену международных парадигм, отказ от идеологии войны и развитие ценностей человечества: межнациональной терпимости, справедливости, свободы, солидарности, прав человека, равенства между мужчинами и женщинами. Развернулось общественное движение, в котором участвуют представители научного сообщества, журналисты [2; 6; 8; 10]. 2000 и 2005 гг. были объявлены Годом культуры мира.

В политической теории это вызвало интенсивные исследования процессов идентификации человека [1; 3; 7; 9; 13; 14], роли гуманитарных технологий в утверждении справедливых социальных и политических отношений [4].

В этом контексте важно понять, каково современное понимание дальнейших путей отечественного развития. Оно, на наш взгляд, связано с той оценкой, которую мы даем обществу советского периода. Успех реформ, как показало прошедшее десятилетие, зависит от того, обеспечит ли власть преемственность развития или будет углублять процессы противостояния настоящего прошлому, старшего поколения младшему, одних социальных групп другим, поскольку социальные трансформации проходят сегодня через жизнь и судьбы конкретных людей. В этом плане особенно важно теоретическое осмысление роли

* Титова Людмила Григорьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Электронная почта: politol@uniyar.ac.ru.

сознательного восприятия и действия личности в политическом процессе. Необходимость в осмыслении продиктована многочисленными инсинуациями по поводу человеческих возможностей в историческом процессе в переходный период. Мнение ученого, даже противоположное нашему, представляет для нас особую ценность, так как дает возможность выявить аргументированную позицию обеих сторон.

Кроме того, следует учесть и тот факт, что в теории и практике российских «демократов» нередки ссылки на Ф. Хайека и характерное «усечение» мысли ученого в целях политической конъюнктуры. Критика социализма дается ученым с позиций эволюционизма. Основной упрек социалистам, с точки зрения Ф. Хайека, касается их надежды на разум в обеспечении порядка, в то время как «расширенный порядок человеческого существования» (капитализм) сложился не в результате воплощения сознательного замысла или намерений человека, а спонтанно. Мораль, традиция, долгое время управлявшие поведением людей, и рынок складываются постепенно в результате эволюционного отсева и отбора. При этом устанавливается порядок, «намного превосходящий сознательно вырабатываемые людьми планы» [11, с. 18], поскольку установление его осуществляется людьми, каждый из которых заинтересован в своем предпринимательстве и знает о нем больше кого-либо другого. Рассеянная информация, таким образом, не создает возможности всеобщего планирования, а собирается и перерабатывается в ходе естественной эволюции рынка на индивидуально [11, с. 30]. В силу этого у человека не возникает потребности действовать альтруистически, помогать ближнему [11, с. 37]. Возникающий при этом порядок, вырастающий из традиции, постепенно преодолевает традицию коллективного существования, и человек естественный не может вписаться в этот расширенный порядок, т.е. капитализм. Сохранение стремления к коллективному существованию – инстинкт «благородного дикаря» [11, с. 37].

Какие же традиции сохраняются? Те, которые помогают индивиду войти в расширенный порядок и сделать более эффективным сотрудничество людей. Упрекая социалистов в рационализме, Ф. Хайек сам остается рационалистом, хотя и особого рода. Это рационализм человека, признающего естественный ход вещей: разум – следствие человеческого взаимодействия, постепенного усвоения принципов существования в окружающей среде; не рациональная интерпретация фактов, а привычные способы реагирования. Не человеческое сознание – двигатель человеческой цивилизации, а культура и эволюция – создатели человеческого разума, который эволюционизировал вместе с цивилизацией, приобретая способность обуздывать инстинкты. Традиции древнее разума, а инстинкт древнее традиции. Роль традиций, в том числе и нравственности, – не в уразумении лучших, нравственных привычек и обычаев, а в преодолении ограниченности «непосредственного восприятия». Традиции – бесценный опыт человечества, накопленный в процессе эволюции, проб и

ошибок. Отвернуться от этого опыта – значит уйти в сферу инстинкта, следование которому автор видит у социалистов. Для Ф. Хайека естественен релятивизм – признание относительности добра и зла и отрицание возможности их сознательного разграничения человеком. Происхождение морали ученый находит в культурной эволюции, институты свободы, справедливости и собственности – дар эволюции, которая наделяет им человека. Сам человек разумный никакого участия в их появлении не принимает [11, с. 93]. Ф. Хайек видит в социалистах детей эпохи Просвещения и ее установок на свободу человека, проводя важную для российской действительности мысль о том, что свобода как политический институт – это не стремление к освобождению от ограничений, а стремление «отгородить какую-то безопасную сферу индивидуальной жизни». Свобода вырастает из закрепленного за отдельными лицами контроля над разнообразными средствами производства и признания законными испытанные способов передачи этого контроля [11, с. 55].

Негативно относясь к позитивизму И. Бенгтама и О. Конта, Ф. Хайек объединяет социалистов и либералов, усматривая в их теориях общий корень – западную философию, основанную на признании активной силы разума. Сомнения западного экономиста передаются и российским ученым. Наблюдая развитие современной западной цивилизации и проблемы России, они готовы вслед за Ф. Хайеком отказаться от определяющей роли разума в становлении политических институтов Новейшего времени и того, что составляет суть их функционирования, – сознательной активности масс, осознания человеком своего места в политическом процессе, осознанности политического выбора.

Однако позиция автора, хотя и оригинальная и бесспорная в ряде положений, не представляется таковой в основополагающих частях его конструкции. Неясно, в чем проявляется разумное начало человеческой жизнедеятельности, ибо утверждения об осознании своей ограниченности явно недостаточно для выявления его сущности. Не отказывает ли ученый человеку в разуме вообще, рассуждая о спонтанности человеческого бытия и появлении культуры? Если это так, то накопленный опыт будет представлять собой лишь набор механических привычек и навыков, не включая то, что составляет, как выражается сам Ф. Хайек, «живую душу» человека. Человек должен в таком случае превратиться в робота, следующего особым правилам, вырабатываемым к тому же помимо него. Его участие будет заключаться лишь в восприятии созданного до него. В таком случае судьба цивилизованного человека ничем не лучше судьбы дикаря, следующего инстинкту. Если речь идет о политическом процессе, трудно утверждать возможность какого бы то ни было влияния на его протекание и на принятие политических решений населением в том случае, когда оно недовольно установившимся до него и помимо него порядком. Оно должно идти в том же направлении, которое задано изначально, не пытаясь изменить *status quo*.

Релятивизм автора наглядно проявился в приводимом им рассуждении Дж. Фрэзера о приоритете поступков над взглядами (что, по нашему мнению, свидетельствует о рационализме обоих авторов): «Для общества важно не то, как думают, а то, как себя ведут; и коль скоро наши поступки добры и справедливы, для ближнего не имеет ни малейшего значения: ошибочны наши взгляды или нет» [11, с. 267].

С этой точкой зрения трудно согласиться: результативность поступка не исключает важности замыслов и целей, ибо ориентация на результат часто соединяется с неумением или нежеланием продумывать более отдаленные последствия своих благих поступков.

Это подтверждает нынешнее состояние современной цивилизации, все развитие которой было цепью позитивной деятельности человека в области научно-технического прогресса. На практике же он обернулся и другой своей стороной – хищнической эксплуатацией природы и человека. Об этом говорит и сегодняшняя практика российских «демократов», которые предпочли путь проб и ошибок, манипулирования, принятия сиюминутных решений.

Приводя рассуждения о роли разума в человеческом поведении одного из популярнейших сегодня в России авторов, мы учитываем, что авторскую конструкцию надо либо принимать целиком, либо отказываться от нее полностью, «выборочное цитирование» может исказить смысл построения в целом. Однако мы не можем отрицать в рассуждениях Ф. Хайека историческую и теоретическую справедливость, что свидетельствует о том, что настоящий ученый всегда больше созданной им системы. Нельзя не считаться и с тем, что в советский период представления о разумности всего населения опережали ее реальный уровень, что политическая активность населения не всегда имела под собой достаточно содержательное основание.

Вместе с тем концепция Ф. Хайека отражает, на наш взгляд те процессы, и тот опыт, которые были характерны для становления западной политической системы и культуры. Не имея возможности подробно останавливаться на этом вопросе, скажем лишь, что создание современной западной системы отношений действительно шло эволюционно и заняло длительный промежуток времени, в течение которого поэтапно осваивался, отсеивался и утверждался собственником наиболее приемлемый опыт ведения своего хозяйства и выстраивались взаимовыгодные отношения между государством и обществом, что не требовало специальных мобилизационных программ быстрого решения сложнейших государственных и хозяйственных задач. Когда же такая потребность возникала (это было, как правило, следствием войн или естественных катастроф), власть и население опирались на уже существующие механизмы отношений, что позволяло им довольно безболезненно для себя выходить из кризиса. Так произошло в Америке в годы Великой депрессии, когда были мобилизованы имеющиеся в распоряжении населения возможности – психоло-

гическая готовность к любому виду труда, природный оптимизм американцев, деловая культура и т.д. Так было в Германии, потерпевшей поражение в Первой мировой войне и мобилизовавшейся нацизмом для выхода из безработицы и преодоления стресса от унижения поражением. За выход, найденный властями Германии, расплачиваться пришлось всему миру и самой Германии, однако ее восстановление после Второй мировой войны было таким же быстрым, как и после первой, в чем немаловажную роль сыграло консолидация стран Запада в послевоенной Европе и действие уже имевшихся демократических политических институтов, привлекавших население на выборы и восстановление страны.

Россия в ходе своего развития приобретала другой опыт, который почти всегда был связан с мобилизацией возможностей личности и масс, не оставляя времени для плавного перехода из одного состояния в другое. Это открывало путь, с одной стороны, произволу и субъективизму власти, с другой – своеобразной форме подчинения человека власти. В том случае, когда власть представляла собой традиционно легитимную форму, он был готов к подчинению институту власти и оказанию сопротивления властному субъекту, если видел в нем источник своих бедствий. Ментальность российского народа, проявлявшаяся в поиске справедливости как «правды», страдательная и сострадательная составляющая российской православной культуры [12], формировала постоянные моральные обращения к власти (получившее, например, отражение в «монархическом» цикле пушкинской поэзии). Устремления к Высшей Правде, неудовлетворенность существующим положением вещей, предпочтение веры разуму, бездушной истине, которую ищет разум [12, с. 59–60], приводили к анархическим всплескам против любого вида власти вообще, к призывам к «воле» и образованию независимых от центральной власти анклавов в виде Запорожской Сечи. Следствием отсутствия гражданского общества в России явилось снятие граней между политическим и социальным, что привело к своеобразному положению человека в российском политическом процессе: переход его из положения объекта в положение субъекта власти не только устраняет устремления к поиску справедливости, но и создает возможность для властного волюнтаризма, которая в большинстве случаев успешно реализуется.

Применительно к России суть проблемы сводится, на наш взгляд, к отделению «человека традиционного» от «человека рационального». Существование первого – российская реальность, второго – частный случай российской политики и отдаленная перспектива российского политического процесса.

С этим фактом необходимо считаться российским политикам и действовать бережно, осторожно и терпеливо, создавая условия, в которых будут формироваться качества человека делового, активного, нравственного, осознанно участвующего в политическом процессе.

Торопливость, с какой российские политики пытались осуществить прыжок из «царства необходимости» в «царство свободы», привела к расслоению общества на социальные группы с противоположными интересами. Прививаемые народу демократические ценности не получили никакого экономического и социального подтверждения: свобода оказалась не абсолютным понятием для населения, которое, ощутив ее как волю, готово отказаться от нее во имя порядка и стабильности. Раскол стал ведущим фактором в российской политической реальности. Массовое сознание россиян не может адаптироваться к новой реальности, так как глубокие ценностные расслоения, усиливающиеся трудностями процесса модернизации, постоянно воспроизводят противопоставление между различными слоями населения. Общество лишилось активного потенциала, отчуждено от власти, неустойчиво и противоречиво по всем направлениям – идейному (идеологическое противостояние), возрастному (разрыв поколений) и социальному (социальное неравенство).

Внутрисоциальные противоречия переплетаются с противоречиями общества и власти, хотя прямой связи между первой и второй группой противоречий нет. М. Вебер, П. Блау, Д. Истон полагают, что подчинение власти может происходить и тогда, когда она не удовлетворяет интересам и потребностям людей. Человек может осознавать, что его интересы никогда не реализуются, и тем не менее подчиняться власти без видимого принуждения. Это происходит тогда, когда власть в состоянии предъявить некую общую и высшую цель, поскольку отвечает потребностям человека не только в материальном, но и в духовном, более того, в высшем духовном – в самосовершенствовании, в жертвенности, в служении благородным целям, идеалам. Слияние устремлений индивида и предъявляемых властью ценностных установок, как отмечает В.В. Крамник, закладывает мощные пласты залегания устойчивых политических идей и ценностей, которые в свою очередь способствуют стабильности ценностных ориентаций и надежно защищают политический строй от перемен. Когда же в силу действия совокупности экономических, социальных, политических и идеологических причин перемены все-таки наступают, процесс ценностных переориентаций значительно затруднен. Организуя внутренний мир человека, придавая его жизни смысл и значение, ценности устойчиво закрепляются в сознании и психологии людей. Разрушение ценностей приводит к необходимости изменения политической культуры личности, созданию новых ценностей, ибо без них человек теряет опору, внутренний строй и порядок. Изучая социально-психологический механизм подчинения власти, психологи, исследовавшие психологический механизм властного воздействия и властного подчинения, показывали, к каким последствиям может привести потеря веры человека в надежность, устойчивость и незыблемость существующих порядков. Власть, заботясь о своей легитимности, должна учитывать консерватизм сознания. Человек тяжело расстается со своим прошлым: разрушить его значение в сознании человека – значит разрушить смысл его существования. Именно в

этом – главная причина стрессов и депрессионных настроений населения в период реформ в России, а не в ностальгии человека по его молодости, каким бы очевидным это ни представлялось. Поэтому следует избежать немедленного разрушения ценностных систем предыдущего режима, обеспечивать преемственность ценностей при переходе из одной системы отношений в другую.

Формирование идей и ценностей перестройки имеет большее значение, чем удовлетворение материальных потребностей людей, так как периоды переходов сопровождаются кризисными явлениями во всех сферах общества, политический процесс становится дисфункциональным, человек лишается не только привычных источников доходов, но и привычных норм отношений, регулирования этих отношений. В таком случае, подчеркивает В. В. Крамник, приобщение к ценностям и идеям «позволяет правящим кругам в определенной мере нейтрализовать рост недовольства, вызванного ухудшением материального обеспечения масс, без обращения к принудительным средствам» [5, с. 86].

Все сказанное подчеркивает значимость ценностей в политическом процессе. Ценности регулируются властью, оказывают на нее обратное влияние и организуют духовный мир человека. В этом отношении ценности выступают незаменимым фактором существования человека в обществе. Проявление стабилизирующей и организующей роли политических ценностей происходит в политическом процессе через регулятивные действия власти и возникающее у человека ощущение единства с данной властью. Изменения ценностных ориентаций не находятся в прямой зависимости от социально-экономических и политических изменений, они проходят через действия власти, которая определяет, в каком направлении формировать очередные ценностные ориентации людей. Действия власти могут быть осознаны человеком и восприняты как противоречащие его ценностным установкам.

Библиографический список

1. Война идентичностей // Свободная мысль – XXI. 2005. № 7.
2. Гогоберидзе Г.М., Егизарьянц А.А. Формирование межэтнической толерантности и культуры мира: психолого-педагогический аспект // Конфликтология. 2005. № 1.
3. Головин Н.А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. СПб.: СПбГУ, 2004.
4. Елисеев С.М. Проблемы и парадоксы гуманитарных технологий // Гуманитарные технологии и политический процесс в России: Сб. ст. / Под ред. А.В. Сморгунова. СПб: СПбГУ, 2001.
5. Крамник В.В. Социально-психологический механизм политической власти. Л.: ЛФЭИ, 1991.
6. Общественные перемены и Культура мира. М.: Весь Мир, 1998.
7. Попова О.В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПб.: СПбГУ, 2002.

8. *Самарин А.Н.* «Культура мира» как открытый междисциплинарный проект // Конфликтология. 2005. № 1.
9. *Сурова Е.Э.* К вопросу о региональной самоидентификации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Вып. 1.
10. *Тагиров Э.Р.* Культура мира глазами конфликтолога // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 14: Конфликтологи – педагогам. М.: Феникс, 1998.
11. *Хайек Ф. фон.* Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма: Пер. с англ. М.: Новости; Catallaxy, 1992.
12. *Черников М.В.* Концепты «правда» и «истина» в русской культуре: проблема корреляции // Полис. 1999. № 5.
13. *Щербинин А.И.* Что же будет с Родиной и с нами? Предвзятые заметки о российской политической науке и проблемах политического образования // Полис. 2003. №4.
14. *Юрина М.В.* Механизм политической идентификации в период первичной политической социализации // Вестник МГУ. Сер.12. Политические науки. 2005. № 5.

СТАНОВЛЕНИЕ «ОТКРЫТОГО ОБЩЕСТВА» И ПОЭЛЕМЕНТНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ КАРЛА ПОППЕРА

.....

А. И. Дзема

Социально-исторические идеи Карла Поппера в современной России известны широкому кругу ученых и политиков, имеют большое число приверженцев, пропагандирующих их в научных журналах, газетах, с экранов телевизоров. В первую очередь о Поппере говорят как о теоретике либерального «открытого общества» – учения, являющегося синтезом воззрений философа на человека, общество и историю и потому объединяющего в себе эпистемологические, методологические, этические, политические и другие идеи. В их ряду находится и высоко ценяемая политологами концепция поэлементной социальной инженерии, предполагающей постепенное, частичное реформирование социальных и политических институтов как необходимое условие общественного прогресса. Тот факт, что проводимые в России реформы противоречили научным рекомендациям поэлементной инженерии и носили радикальный, широкомасштабный характер, а последствия таких преобразований оказались непредсказуемы и неуправляемы, послужил, в свою очередь, основанием для частых упреков в адрес отечественных политических деятелей.

Однако вдумчивое аналитическое прочтение основных социально-философских произведений К. Поппера (хотя бы книг «Открытое общество и его враги» и «Нищета историцизма») позволяет понять: характер реформ предыдущих десятилетий и вызванные ими последствия находят свое объяснение в ключевых положениях теории «открытого общества». Чтобы доказать это, обратимся к самой концепции поэлементной инженерии Карла Поппера.

Частичная социальная инженерия у К. Поппера обозначает частную и государственную социальную деятельность, где люди используют знания социальной технологии [9, с. 27]. Признавая практическую ценность научных пред-

* Дзема Алексей Игоревич – кандидат философских наук, преподаватель филиала Кубанского государственного университета в г. Новороссийске. Электронная почта: dzema@front.ru.

сказаний социальных событий, К. Поппер различает предсказание-«пророчество», которое предупреждает о событии, и «технологическое предсказание», являющееся основой инженерии и отвечающее на вопрос «что делать, чтобы добиться желаемых результатов» [8, с. 73]. Первый тип предсказания относится к наукам неэкспериментальным (например, астрономия), а второй – к экспериментальным. Частичная социальная технология отбирает важные теоретические проблемы, предъявляя к ним требования ясности и проверяемости на практике. Задача социальной технологии – установить, какие социально-политические цели не могут быть достигнуты [9, с. 23–26], а какие – реально осуществимы.

Либерализм пытается создать общество, служащее человеку и его свободам. В связи с этим встает вопрос о том, как подчинить себе социальные институты, опираясь при этом на разум и науку. Номиналистская установка экспериментального метода, которой пытается неукоснительно следовать мыслитель, ставит целью не познание сущности вещи, а решение практических проблем. Она обусловила быстрое развитие теоретического естествознания и проложила дорогу практическому применению его открытий в области техники. Поэтому, чтобы вывести социальные науки из кризиса, К. Поппер предлагает взять за образец методы естественных наук и разработать на их основе социальную методологию.

Подчинение природы человеку предполагает познание ее закономерностей и выяснение того, какие цели осуществимы в их рамках. То же самое, согласно Попперу, имеет место и при решении социальных проблем. Здесь также необходимо экспериментальное познание социальных законов, которые, не действуя сами, вместе с тем определяют, какие цели достижимы и каковы социальные последствия наших поступков. Таким образом, методология технологической социальной науки состоит в исследовании общих гипотез и законов социальной жизни, аналогичных естественнонаучным законам и гипотезам, и в проверке их экспериментальным методом проб и ошибок.

Важным источником информации для поэлементной социальной технологии служит исторический опыт [8, с. 74–75]. У нас есть экспериментальное знание о социальной жизни, где люди ежедневно пытаются достичь практических целей и учатся на ошибках, уверен К. Поппер. По его мнению, «с точки зрения частичной технологии между донаучным и научным экспериментальными подходами нет ярко выраженного различия» [9, с. 39]. В обоих случаях применяется метод проб и ошибок, который по мере развития сознательной готовности к смелым попыткам и критического внимания к ошибкам принимает все более научный характер. Применение метода проб и ошибок предполагает также уклонение от обширных реформ и проведение тех, где можно разобраться в причинах и следствиях собственных действий. Частичная социальная инженерия предлагает частные проекты, которые относительно просты и затрагивают

одно социальное учреждение, и если они не дают эффекта, то ущерб от них невелик и поправим. Применяющий ее политик не стремится воплотить счастье на Земле, ибо для этого не существует институциональных средств, но он будет искать «нестерпимые социальные беды», чтобы бороться с ними [10, с. 201].

Гуманистическая этика К. Поппера строится на признании неспособности ограниченного человеческого разума познать абсолютные критерии истины и справедливости. Из этого убеждения вытекает, что максимизацию счастья и минимизацию нищеты нельзя рассматривать как критерии справедливости. Минимизация нищеты не может быть критерием справедливости, ибо это вопрос общественной политической деятельности, т. е. в каждом конкретном случае требуется ответ, насколько справедливо его применение. Если же говорить о счастье, то оно должно быть предоставлено заботам самого индивида [11, с. 462]. Так проявляется несогласие К. Поппера с утилитаристским обоснованием либерализма, усматривающим цель законодательства в «возможно большем счастье для возможно большего количества людей». В действительности, отмечает английский мыслитель, желание сделать людей счастливыми, установить рай на Земле приводит к созданию преисподней, так как эта идея влечет за собой крайнюю нетерпимость. Социальное же реформирование, сосредоточившись на борьбе против страданий, оставляет прерогативу заботиться о счастье ограниченному кругу друзей того или иного человека [11, с. 274]. Борьба с частными проявлениями зла и несправедливости, согласно К. Попперу, эффективна и в том смысле, что относительно этих вещей достаточно легко прийти к согласию, ибо они эмпирически очевидны, даны нам в опыте, в отличие от умопостигаемой метафизической идеи абсолютного блага.

С этической стороны именно поэлементная социальная инженерия воплощает идеалы беспристрастного гуманизма, эгалитаризма и индивидуализма. Равенство людей как принцип разумного и справедливого общества предполагает в конечном счете беспристрастность, т. е. рациональную характеристику, поэтому эгалитаризм возможен только при опоре на «рацио», а не на чувства, которые делят людей на друзей и врагов. «Кто учит, что править должен не разум, а любовь, открывает дорогу тому, кто будет убежден, что править должна ненависть» [11, с. 273]. Эмоции – это насилие, разум – это беспристрастность, разумный компромисс.

Что же представляет собой этот беспристрастный разум? Такой разум должен, по К. Попперу, отказаться от роли судьи конечных ценностей, решателя метафизических проблем. Ему отводится инструментальная функция – обеспечить продвижение от одной промежуточной цели к другой, решая частные технологические проблемы, оперируя относительными вещами, но никогда – абсолютными идеалами общественной жизни. Ведь последние предполагают затрагивающую каждую личность глобальную перестройку социума согласно идеальному образцу. Однако такая тотальная перестройка, замеча-

ет К. Поппер, не учитывает неопределенности, которая обуславливается личностным фактором. Пока утопист занят проблемой преобразования человека, социальная инженерия стремится проектировать институты так, чтобы они максимально ослабили неопределенность, связанную с личностным, иррациональным элементом [9, с. 28–30]. Поэтому соответствующей рациональной установке К. Поппер считает борьбу с отдельными проявлениями социальной несправедливости. Построение же идеального общества, земного рая, не может рассматриваться как цель для социальных наук, ибо такая реальность как общество в целом, со всеми конкретными связями, включая счастье индивидов, чрезмерно сложна и оттого закрыта для исчерпывающего рационального познания. Ведь разум, по убеждению К. Поппера, имеет дело только с абстракциями, общими понятиями, дающими представление об отдельных, избранных сторонах предмета. Сделать объектом исследования такие реальности как общество, история, человечество в целом или даже конкретную живую личность, разуму не под силу [9, с. 33–37]. Этим объясняется, почему личностный фактор для ученого представляет в конечном счете иррациональный элемент в системе общественной жизни. Единственное, на что может рассчитывать наука, это выработать технологические знания по проектированию государственных и социальных институтов, которые бы сводили к минимуму личностный фактор и его влияние на политические решения.

Понятие социального института и есть та абстракция, с высоты которой социальные науки должны рассматривать общество. Задачи социальной инженерии, по К. Попперу, – это проектирование, перестройка социальных институтов и управление ими. Вопрос об их происхождении выносится за скобки. Неважно, что «лишь немногие социальные институты были спроектированы сознательно, тогда как огромное большинство просто „выросли“, будучи непреднамеренными результатами человеческих действий» [9, с. 27]. Попперовская социальная инженерия, репродуцируя технику естествознания, исследует пути повышения эффективности этих институтов, рассматривая их как средства, машины, обслуживающие наши цели и призванные создавать условия для общественного прогресса [10, с. 55].

Исходя из сказанного, можно выделить следующие условия, необходимые для успешного осуществления проектов поэлементной социальной инженерии. Во-первых, в обществе должны присутствовать либеральные свободы, утвердиться принцип индивидуализма. Во-вторых, предполагается относительная изолированность социальных институтов друг от друга и от общества в целом, а также разъединенность общественной и личной сфер. В-третьих, господство технологического инструментального разума и механистический подход к социальным институтам должны соединяться с их номиналистской трактовкой.

Совокупность этих важнейших условий предполагает, что «открытое общество» уже возникло, уже существует, хотя и остается открытым для дальней-

шего, практически бесконечного совершенствования. Ведь реальное несовершенство «открытого общества» не отменяет принципиального отличия его от общества «закрытого».

Вот как выглядит дихотомия «открытое – закрытое» общество у К. Поппера. Если в «открытом обществе» на первый план выступают такие ценности как личность, свобода выбора, рациональная критичность, личная ответственности и самостоятельность, то в «закрытом обществе», напротив, индивидуальная инициатива подавляется, разум поработщен предрассудками, догмами. В понятии «закрытое общество» автор объединяет племенные, традиционные и тоталитарные типы социальной жизни, в общем, все те, что не соответствуют либерально-рационалистическим принципам устройства общества.

«Закрытое общество» – это прежде всего организм. В нем целое (коллективный разум, обычаи, всеобщее благо и т. д.) довлеет над частями, подчиняя себе составляющих его индивидов, регламентируя и контролируя все стороны их жизнедеятельности. Общество представляется самодовлеющей реальностью, существующей и развивающейся по собственным законам. Оно нечто более ценное, более истинное, более конкретное и совершенное, нежели отдельный индивид. Человек со всеми его социальными и личными связями изначально встроен в общественное целое как его клетка, орган.

В «открытом обществе», напротив, социальные связи между людьми обретают все более абстрактный, договорной характер, что соответствует принципу индивидуального выбора, самоопределения, а также идее, что человек есть собственник своей жизни и несет все полноту личной ответственности за свои поступки. По сути, такое общество – это не организм, а некий агрегат социальных атомов, активность которых есть единственный источник существования и развития социума.

На Западе первыми переход от «закрытого общества» к «открытому» совершили греки, чему сопутствовали, согласно английскому мыслителю, объективные исторические обстоятельства. В духе локковского либерализма, К. Поппер утверждает, что основополагающую роль здесь сыграли морское сообщество и торговля [10, с. 222–225]. Однако этот переход, помимо прогрессивного импульса, имел и негативные последствия, которые К. Поппер обозначает термином «напряжение цивилизации»: возникают «трения между классами», человек, перестав ощущать себя частью целого, оказывается один на один с миром и непредсказуемым будущим, таящими в себе опасности. Он утрачивает привычный мир, границы которого были обозримы. У него нет более четких и незыблемых ориентиров поведения, освященных традицией и опытом предков, каждый шаг его сопровождается сомнением.

Очевидно, что крах «закрытого общества», равно как и возникновение «открытого общества», есть процесс глобальный, несоизмеримый с частичным реформированием ни по масштабу, ни по своему характеру и последствиям,

ибо предполагает трансформацию структуры общества, его атомизацию, изменение ценностных ориентиров в сознании его членов, т. е. в конечном счете именно «холистское» преобразование человека и общества. Анализ таких преобразований, согласно критериям попперовской социальной инженерии, не способен добавить что-либо к нашему экспериментальному научному знанию, ибо они равносильны «действию с неопределенным результатом, а не средству приобретения знания путем сравнения полученных результатов с ожидаемыми» [9, с. 38]. Здесь даже отсутствует возможность учиться на ошибках ввиду сложности общественной жизни и долговременности осуществления таких проектов. Ведь задействовано слишком много факторов [9, с. 40], и трудно разобраться, где причина, а где ее результат [9, с. 28].

Если следовать теории «открытого общества» до конца, то приходится признать, что исторический процесс, по ходу которого закладываются основания под господство инструментального разума в общественной жизни, самим этим разумом не может управляться и контролироваться; а если это так, то где гарантии, что крах «закрытого общества» неизбежно приведет к появлению общества «открытого»? Строго говоря, научных оснований для такого предположения у К. Поппера вы не найдете. Более того, он сам отказывается от глобальных пророчеств, указывая, что дихотомия «открытое – закрытое общество» есть лишь одна из возможных интерпретаций исторического процесса, не имеющая под собой объективных оснований. По его словам, теория «открытого общества» как интерпретация истории в этом смысле ничем не отличается от марковского учения об общественно-экономических формациях. Решающее преимущество своей интерпретации истории К. Поппер видит не в ее объективности, а в том, что она соответствует проблемам современного поколения и способна лучше объяснять исторические факты, чем теистическая, гегелевская или марксистская.

Любопытно, что теоретики коммунизма К. Маркс и Ф. Энгельс, которых К. Поппер безоговорочно квалифицирует утопистами, тоже держались «за таинственную силу конечных целей» [3, с. 180]. Доктринерство, неизбежно фантастическое предвосхищение К. Маркс называл бесплодной фантазией, «отвлекающей от борьбы сегодняшнего дня» [7, с. 132]. Негативно относился к утопии Ф. Энгельс, автор работы «Развитие социализма от утопии к науке». Однако подобно тому, как марксизм в «Немецкой идеологии» описывает коммунистическую утопию [6, с. 32], Карл Поппер рисует утопическую картину «абстрактного общества», в котором свобода человека от общества как совокупности конкретных личностей воплощается, в частности, в искусственном осеменении, которое позволило бы даже размножаться без личных контактов [10, с. 219].

Неизбежность утопического характера исторической философии марксизма и попперианства кроется, на наш взгляд, в их приверженности проекту

Просвещения. Как справедливо отмечает исследователь западноевропейской философии П. П. Гайденко, утопический активизм индустриально-технической цивилизации отражен в двух его главных вариантах: «социального революционизма и технократической воли к переустройству человеком не только Земли, но и всего космоса» [2, с. 114]. Хотя К. Поппер и подчеркивает псевдорационалистическую подоплеку утопии, на деле, как пишет Х. Маравалль, она есть плод новоевропейского рационализма [5, с. 229], рациональное творение человека [5, с. 222]. Несмотря на то что философ связывает понятие совершенного общества с утопией и направляет нас на борьбу со злом, присутствующим в настоящем, он все же не может обойтись без конструирования определенного социального идеала. Ведь по его же концепции, отнюдь не жесткая причинность, а притяжение и открытость будущего держат мир в состоянии развертывания. Он воспроизводит идею Просвещения, согласно которой исторические события, действия людей обусловлены не прошлым, а связью с идеалом, а следовательно, без утопизма мы опять впадаем в детерминизм. Об этом писал К. Мангейм, указывая на близость социализма либеральной утопии [4, с. 151]: «Глубочайшая движущая сила либеральных идей Просвещения заключалась ... в том, что эти идеи всегда обращались к свободной воле и пробуждали ощущение того, что они не обусловлены, непредвзяты» [4, с. 143]. «Либеральное представление о необусловленности явлений основывалось на вере в непосредственную связь с царством абсолютного долженствования, с идеей. Эта сфера долженствования свободна от истории в силу своей значимости; с точки зрения либерала, она несет в себе самой движущую силу. Не процесс порождает идеи; только их обнаружение, открытие, только „просвещение“ создает силу, формирующую историю» [4, с. 155]. Либеральный просвещенческий утопизм, характерный для рационалистической традиции Просвещения и отразившийся на попперовском технологическом подходе к социальному знанию, несомненно, присущ исторической философии К. Поппера, как бы он этого ни отрицал.

Утопический, холистский характер проекта построения «открытого общества» позволяет уяснить, почему наша страна, которую активно «приглашали» вступить в круг «открытых обществ» Запада, изначально обрекала себя на тяжелые потрясения с непредсказуемыми результатами. Наверняка многие на Западе действительно желали, чтобы Россия стала процветающей демократической страной, а некоторые прекрасно осознавали разрушительные для России последствия этой трансформации. Но в данном случае субъективные цели играли и продолжают играть далеко не первостепенную роль. Потому-то и пропаганда поэлементной инженерии сегодня, когда в результате краха «закрытого общества» получилась лишь пародия на западное либеральное общество, остается в лучшем случае благодушным пожеланием.

Не смотря на, казалось бы, очевидную теоретическую ограниченность и идеологическую ангажированность позитивистских теорий, они по-прежнему находятся в центре внимания российского политологического сообщества, в то время как традиция классической социально-философской мысли, нашедшая в русской философии ярких последователей и продолжателей, остается где-то на периферии. Такое положение дел, на наш взгляд, свидетельствует о подверженности российской политической науки внешним влияниям и идеям, которые она часто, вследствие утраты философской культуры мышления, не способна критически осмыслить. Дело, понятно, отнюдь не в том, что западная мысль оказалась прогрессивнее отечественной. В качестве примера укажем известного русского философа С.Н. Булгакова, который вместе с другими философами-соотечественниками на полвека (!) раньше К. Поппера доказал несостоятельность научных исторических пророчеств, в том числе прогрессистского толка, дал глубокую критику социального гедонизма и утопии земного рая, разглядел псевдонаучный характер марксистского учения и выдвинул идею необходимости борьбы с частными недостатками в обществе, подчеркнув важную роль в этом деле позитивных наук, в том числе социологии.

И здесь нужно сказать, что сама идея поэлементной инженерии не является ложной или практически неосуществимой. Все дело в ее позитивистском обосновании, которое она получает у Поппера, в том, что для своего осуществления она требует ломки того, что называют «закрытым обществом», во имя установления либерального «открытого общества», где торжествует позитивная наука и ее методы. Эта идея питается духом технократического утопизма, из которого и вырос позитивизм.

Но возможно и иное обоснование стратегии «малых дел» (если воспользоваться термином, возникшим в народничестве после неудачного «хождения в народ»), которое мы встречаем у С.Н. Булгакова. Оно базируется на классической философской культуре и христианском миропонимании, резко отличающемся от юридически-рационалистической концепции Поппера. Приведем для иллюстрации лишь одну цитату из статьи русского философа:

«Нравственный закон, несмотря на абсолютный характер своих велений, осуществляется только в конкретных целях. Этим ставится новая задача нравственной жизни – наполнить пустую форму абсолютного долженствования конкретным относительным содержанием, найти мост от абсолютного к относительному, установить различие между добром и злом в конкретной жизни. Здесь приходит на помощь положительная наука. Она является тем арсеналом, в котором избирает свое оружие нравственная воля. В частности, что касается общественных наук, изучающих различные формы социального бытия в прошлом и настоящем, то они в наше время являются как бы специально призванными к тому, чтобы ориентировать в действительности и освещать добро и зло в социальной жизни. Как и во всем относительном, разум идет здесь шатким

путем: понятия добра и зла в конкретной жизни спорны, возможны ошибки, не спорно лишь самое понятие добра и зла, объединяющее всех людей. Человек, в меру того понимания действительности, которого ему удалось достигнуть (и в котором не последнюю роль играет наука), из безбрежного моря зла выбирает именно то, что может и должно быть устранено теперь же и его именно силами, на чем ему в данный момент сосредоточить борьбу... Каждый век, каждая эпоха имеют какую-нибудь свою историческую задачу, определяемую объективным ходом вещей. Таким образом, хотя нравственный закон абсолютен... его содержание всегда дано историей» [1, с. 82–83].

По мысли С.Н. Булгакова, сегодня в числе первейших задач политики не менее актуально, чем сто лет назад, должно быть осуществление реальных мер, направленных на укрепление в обществе нравственно-здорового начала, связанного с религиозным воспитанием человека, возвращением к идее самоограничения не только ради выживания, но и во имя служения высоким нравственным идеалам. Только тогда появится возможность сконцентрировать внимание и силы людей на борьбе с конкретным общественным злом и недостатками.

Сейчас же в основе развития общественной жизни видят экономическое процветание, направляемое непреложным принципом: «потребности человека и общества безграничны, а ресурсы для удовлетворения этих потребностей ограничены». Тем самым поиск человеком «ресурсов» для удовлетворения своих бесконечно растущих потребностей, осуждаемый не только христианской, но и античной культурой, рассматривается как позитивный двигатель цивилизации, более того, как аксиома разумного (!) поведения современного «экономического человека». В соответствии с этим умонастроением «реалистичная» политика, к которой призывает К. Поппер, также стремится опереться на «злое начало» в человеке, выставляя его источником улучшения жизни общества. Ведь главное отличие демократии от тирании, как не так давно напомнил телезрителям программы «Времена» известный политолог А. Мигранян, согласно К. Попперу, состоит в том, что при тирании – один Гитлер или Сталин, а при демократии – огромное количество «сталиных» и «гитлеров», взаимно сдерживающих друг друга. В этом попперовском описании демократии (если отвлечься от ассоциаций с домом сумасшедших, населенным «наполеонами» и прочими «великими историческими личностями»), можно увидеть объяснение того, почему фашизм некогда возник на почве европейского либерализма.

Библиографический список

1. *Булгаков С.Н.* Основные проблемы теории прогресса // Соч.: В 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 2.
2. *Гайденок П.П.* Бытие и разум // Вопросы философии. 1997. № 7.
3. *Ласки М.* Утопия и революция // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991.

4. Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991.
5. Мараваль Х. Утопия и реформизм // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 3.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1964. Т. 35.
8. Поппер К.Р. Ниццета историцизма // Вопросы философии. 1992. № 8.
9. Поппер К.Р. Ниццета историцизма // Вопросы философии. 1992. № 9.
10. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. М.: Феникс; Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1.
11. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. М.: Феникс; Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 2.

ИДЕЯ РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ РУССКОЙ ИСТОРИИ

.....

П. Е. Бойко, О. Ю. Сумин

Несколько соображений о современной философии истории

Пятнадцать лет прошло с того момента, когда Россия вступила в новый этап своего развития, ознаменованный разрывом с коммунистической идеологией и распадом СССР. На первых порах определенную часть интеллектуалов охватило желание просто вернуться к своим исконным – досоветским, русским формам духовности, подвергнув отрицанию и бичеванию свое вчерашнее «интернационалистическое» прошлое. Этот болезненный процесс переоценки ценностей и реставрации дореволюционной традиционалистской культуры не принес желанных плодов. Общественное сознание постсоветской России не приняло предлагаемые ему проекты монархической, теократической и иной абстрактно-консервативной направленности. Оно также отказалось и от коммунистических, либерально-космополитических и глобалистских идеологических систем. И это вполне естественно и закономерно, так как в духе народа, его историческом самосознании всегда должна присутствовать доля здорового консерватизма, указывающего на то, что не следует слишком торопиться с тотальным отрицанием своей недавней истории, что в поспешно перевернутой странице может содержаться нечто, необходимое и для жизни новой России.

Способствовать процессу более рационального отношения к своей истории и развитию новой формы своей духовно-национальной идентичности должна философско-историческая точка зрения. Ее помощь оказывается неоценимой потому, что только она является объективным и логически определенным отношением к жизни, далеким от субъективизма и произвола партийно-политических программ и идеологических схем. Только философия истории в своих

* Бойко Павел Евгеньевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного университета. Электронная почта: rboyko@mail.ru.

Сумин Олег Юрьевич – соискатель кафедры философии Кубанского государственного университета. Электронная почта: sumin@abv.bg.

построениях исходит не из эмпирической данности исторических фактов, толкуя их затем в угоду своим особым намерениям, как это делает эмпирическая история, а первоначально формирует разумный принцип рассмотрения истории как таковой и только затем уже подходит с ним к оценке имеющихся фактов. Основная задача философии истории заключается в том, чтобы найти и объяснить всеобщее и необходимое содержание судьбы народа и исторического процесса в целом. Всеобщим логическим принципом такого историко-софского объяснения должно выступить понятие Абсолютного духа, наиболее полно разработанное в системе философии Гегеля. С точки зрения немецкого мыслителя, именно оно является итогом всего мирового процесса, в том числе и его исторической составляющей. Абсолютный дух включает в себя изящное искусство, религию откровения и систематическую философию. Эти три сферы оказываются единственными, где мышление имеет дело с самим собой как со всеобщим. Данное отношение, однако, во всех трех сферах различно, и в качестве высшей формы утверждается философский способ мысли, который оказывается выводом всей системы. Особенность отношения к этим сферам в системе абсолютного идеализма, таким образом, заключается в том, что искусство, религия и философия здесь впервые берутся в рамках единого разумного понятия и каждая из них является преходящим моментом единого содержания. Это обстоятельство революционно в том смысле, что понятие Абсолютного духа впервые выступает разумным критерием оценки всемирной истории.

Всемирная история в системе абсолютного идеализма относится к сфере Объективного духа (вся сфера духа, как мы помним, разделена на Субъективный, Объективный и Абсолютный дух). Всемирная история выступает в качестве завершающего момента всей сферы Объективного духа, за которой выступает уже Абсолютный дух [5, с. 365]. Требование найти разум во всемирной истории, оказывается требованием найти во всемирной истории выступление моментов Абсолютного духа или эпохи искусства, религии и философии. Подобную задачу ставила перед собой философия истории, которую разрабатывал в своих лекциях и сам Гегель и на основе которых впоследствии была издана его «Философия истории». Там мы находим эпоху искусства – в истории восточного и особенно греческого государства, затем эпоху религиозного – христианского государства, но философской эпохи во всемирной истории Гегель нам не демонстрирует и заканчивает свои лекции эпохой протестантского разума, раскрывающего себя в истории. Данное противоречие объясняется тем, что в момент своей работы над философией всемирной истории Гегель не мог найти в ней философской эпохи, так как ее там и не было. Чтобы в истории определенная форма абсолютного духа составила целую эпоху, необходимо эту форму развить до её тотальности. Но тотальность философской науки не была развита до Гегеля, и он оказался тем человеком, который впервые придал философии всеобщую форму научной системы. Таким образом, сам Гегель своей деятельностью только впервые создал условия для того, чтобы во всемирной

истории реализовалась философская форма самосознания. Если теперь мы присмотримся к событиям всемирной истории после Гегеля, то без труда обнаружим, что философия Гегеля уже при его жизни быстро становится движущим принципом общественной, а вскоре и политической жизни Германии, а затем перешагивает ее границы и в рамках марксистской идеологии начинает свое шествие по всему миру, утвердив себя первоначально в пределах бывшей Российской империи. Вся послегегелевская эпоха и есть, таким образом, период объективной положенности идеи философского разума.

Итак, разумное рассмотрение всемирной истории оказывается отысканием в ней формы эстетической (художественно-символической) разумности, разумности, основанной на религии откровения и реализации в объективности философского разума. Раскрытие формы эстетической разумности во всемирной истории – заслуга восточной, и прежде всего древнегреческой культуры. Развитие объективности из духа религии откровения – дело германских племен, ставших этнической субстанцией ведущих государств Западной Европы. Попытка развития в объективности формы духа, крепящейся на философском понимании разумного, – эта судьба славян, и главным образом русского народа, который окажется первым, кто осмелится предпринять эксперимент по строительству нового государства, основанного всецело на светской разумности. Найдя свое основание в этом духе, Советская Россия быстро укрепит в нем, почувствует в нем всеобщую правоту разумного и во Второй мировой войне укрепит право этого духа победой в столкновении с фашистской Германией.

Критические высказывания в адрес данной точки зрения

Ранее мы изложили основные выводы нашей философско-исторической точки зрения, которая основана на системе абсолютного идеализма (см. также: [1–3, 7–9]). В ее адрес было высказано много критических замечаний¹, на некоторые из которых мы попытаемся ответить в данной статье.

Одним из основных упреков, предъявляемых к данной точке зрения является утверждение, что она *демонстрирует «методологический произвол» перенесения («опрокидывания») категорий Абсолютного духа (искусство, религия, философия) в область Объективного духа* (В.В. Макаров (СПбНЦ РАН), А.Н. Муравьев (РГПУ им. А.И. Герцена)). По словам наших оппонентов, для такого методологического хода якобы нет достаточных логических оснований, ибо анализ развития Духа в сфере всемирной истории нужно начинать

¹ Критика высказывалась на международных научных конференциях «Феномен восточнохристианской цивилизации и проблемы модернизации России» (Ростов, РГУ, июль 2004 г.), «Русская философия и православие в контексте мировой культуры» (Краснодар, КубГУ, октябрь 2004 г.), IV Российском философском конгрессе (Москва, МГУ, май 2005 г.), на круглом столе «Творческое наследие А. Ф. Лосева в контексте русской и мировой философии» (Москва, Дом А. Ф. Лосева, май 2005 г.), на семинаре в Санкт-Петербургском обществе классической немецкой философии (июнь 2005 г.).

не «сверху», т.е. с «уже готового» Абсолюта, к которому еще нужно прийти, а «снизу», т.е. с развития государственно-правовых форм, которые, согласно Гегелю, образуют наиболее конкретное содержание исторического процесса в его объективной сущности.

Другое существенное замечание (А. А. Тащиан (КубГУ)) заключается в том, что предметом философии истории Гегеля выступает в первую очередь духовное развитие государства. Предмет здесь не сам Абсолютный дух, так сказать, в чистом виде, а именно духовно-историческая и правовая жизнь государства как области Объективного духа (Объективный и Абсолютный дух хоть и единые, но все же относительно самостоятельные сферы бытия, которые нельзя смешивать). Нужно, таким образом, вначале проследить эволюцию государственных форм, находить в них вызревание «искусства, религии и философии» и только потом показывать, как государственно-правовая жизнь славянских народов и России/СССР «возвышается» к Абсолютному духу в мировой истории в его субъективно-объективных, т.е. всеобщих моментах.

На эти замечания следует отметить, что речь здесь идет, во-первых, не о применении понятий сферы Абсолютного духа ко всей сфере Объективного, а только к самой развитой и завершающей части Объективного духа, его последнему моменту – всемирной истории, т.е. тому моменту, который, как раз и является переходом к сфере Абсолютного духа и, следовательно, не может не иметь отношения к определениям последнего.

Во-вторых, сами эти представления об «опрокидывании» основаны на достаточно абстрактном, партикулярном понимании соотношения объективизма всемирной истории (как завершения Объективного духа и одновременно начала перехода в более высокую сферу) и Абсолютного духа. Из гегелевских текстов видно, что Объективный дух – это в первую очередь одна из самых конкретных ступеней развития Идеи, которая изначально имплицитно содержит в себе определенности Абсолютного, т.е. искусства, религии и философии. В своих лекциях по философии всемирной истории Гегель говорит по этому поводу следующее: «Итак, мы усматриваем сущее в себе соединение объективной стороны, понятия, и субъективной стороны. Это соединение объективно существует как государство, которое, следовательно, является основой и средоточием других конкретных сторон народной жизни: искусства, права, нравов, религии, науки. Целью всей духовной деятельности является лишь то, чтобы это соединение, т. е. его свобода, стало сознательным. Главной из форм этого сознательного соединения является религия. В ней существующий, мирской дух сознает абсолютный дух, и в этом сознании сущего в себе и для себя существа воля человека отказывается от его частного интереса; он откладывает его в сторону в благоговейном чувстве, предаваясь которому он уже не может иметь в виду частный интерес. Жертвою человек выражает то, что он отрекается от своего достояния, от своей воли, от своих особых ощущений.

Религиозное сосредоточение духа является чувством, однако оно переходит и в размышление: последнее находит свое выражение в культе. Второй формой соединения объективного и субъективного в духе является искусство: оно в большей степени, чем религия, обнаруживается в действительности и в чувственных проявлениях; всего достойнее его стремление изображать если не дух божий, то образ божий, затем божественное и духовное вообще. Божественное должно стать наглядным благодаря искусству: оно изображает его для фантазии и созерцания. Но истинное выражается не только в форме представления и чувства, как в религии, и в форме созерцания, как в искусстве, но и в мыслящем духе; благодаря этому мы получаем третью форму соединения – философию. Поэтому философия является высшею, свободнейшею и мудрейшею формою» [4, с. 98–99]. В своем органическом единстве с государственно-правовыми ценностями бытия нации искусство, религия и философия образуют основное содержание духа народа, являются ядром его национально-исторического самосознания. «Ведь дух в своем самосознании должен быть объективным для себя, и объективность непосредственно содержит в себе обнаружение различий, которые вообще являются совокупностью различных сфер объективного духа, точно так же, как душа существует лишь постольку, поскольку она есть система своих членов, которые, сочетаясь в своем простом единстве, образуют душу. Таким образом единая индивидуальность в своей существенности представляется, почитается и воспринимается в религии как бог, в искусстве она изображается как образ, наглядное представление, в философии она познается и понимается как мысль. Вследствие первоначальной тождественности их субстанции, их содержания и предмета эти формы образуют неразрывное единство с духом государства; данная форма государственного устройства может существовать лишь при данной религии, точно так же, как в данном государстве могут существовать лишь данная философия и данное искусство... Ведь всемирная история есть выражение божественного, абсолютного процесса духа в его высших образах, она есть выражение того ряда ступеней, благодаря которому он осуществляет свою истину, доходит до самосознания. Эти ступени находят свое выражение во всемирно-исторических духах, в определенности их нравственной жизни, их конституции, их искусства, религии и науки. Реализация этих ступеней является бесконечным стремлением мирового духа, его непреодолимым влечением, потому что как в этом расчленении, так и в его осуществлении выражается его понятие» [4, с. 102].

В гегелевской системе Абсолютный дух есть предельно развитое состояние Понятия. Это есть самое конкретное, самое богатое содержание, и его выступление подготавливается всем предыдущим развитием. При этом, если на более бедных ступенях было бы смешно искать определения Абсолютного духа – искусство, религию и философию, например, на ступени природы, то на ступени Объективного духа (на его завершающей стадии – всемирной истории) развитие содержания уже таково, что кульминационный пункт – Понятие

как Абсолютный дух, – уже проступает всеми своими моментами, так сказать на «теле» всемирной истории, вследствие самого внутреннего стремления последней быть Абсолютным духом.

И случается это только тогда, когда в истории произошло полное развитие философской формы (в лице Гегеля), с одной стороны, и, с другой – эта последняя имела собственную историю, «судьбу», к которой имеет прямое отношение и российская история. *У наших же уважаемых оппонентов Абсолютная идея вообще никак не проявляет себя в объективной истории, т.е. она оказывается лишенной объективизма, что делает ее не-абсолютной.*

В подобного рода рассуждениях наши критики не проводят систематического различия понятий Абсолютной идеи и Абсолютного духа, в результате чего в какой-то момент Абсолютный дух во всей полноте его логических и духовных определений скатывается только к Абсолютной идее как тождеству Субъективного и Объективного разума, теоретического и практического моментов Идеи.

Заслуживает внимания и другое критическое замечание А.А. Тащиана, суть которого заключается в том, что в самом факте абсолютизма в Германии конца XVIII – начала XIX в. (Гегель и его система) мы видим предельную развитость всех остальных моментов Логики-Природы (с этим нельзя не согласиться), Субъективного и Объективного духа. Однако здесь упускается из виду та простая вещь, что Гегель и его эпоха – это торжество Абсолютной идеи (абсолютизма), но не Абсолютного духа во всей полноте его политико-правовых, экономических и иных определений². Это эпоха особенного, но еще не единичного, бытия Абсолютизма (в Германии и еще нескольких странах).

На наш взгляд, в пылу полемики наши оппоненты – В.В. Макаров, А.Н. Муравьев, А. А. Тащиан – нередко допускают чрезмерный *рассудочно-логицистский формализм и партикуляризм*, жестко разделяя все стадии и фазы развития Понятия в Объективном и Всеобщем духе. Из-за этого утрачивается тотальность всего процесса движения Абсолюта в Логике, Природе и Духовной сфере. Получается, что всемирная история как часть этой тоталь-

² Пояснение этого различия мы находим у М.А. Кисселя: «Абсолютный Дух, в отличие от Абсолютной Идеи, – это Бог, достигший полноты самопознания и самосознания. Только он есть „конкретная конкретность“, тогда как Абсолютная Идея еще все-таки абстрактная конкретность (между Абсолютной Идеей и Абсолютным Духом – дистанция огромного размера, величиной в Природу и Историю). Абсолютный Дух – это реализованная абсолютная идея, ставшая действительностью в результате своего „овнешнения“ в природе и социокультурной реальности. Это совершенно новая идея, чуждая традиции платонизма». И далее: «Важно помнить, что Абсолютный Дух тоже развивается и что он (согласно общему закону гегелевской диалектики) лишь в конце процесса представляет собой то, что он есть поистине. Поэтому формы Абсолютного Духа – искусство, религия и философия – тоже имеют свою историю, как и отдельный индивидум или государство» [6, с. 32–33].

ности как бы замыкается в себе и «забывает» о своей субстанции, а именно об Абсолютном (а не Объективном) духе. Ведь Логика, Природа и Духовная сфера – это все различные ступени одного и того же тотального процесса движения Абсолюта. Здесь все пребывает в непрерывном развитии и самопознании, это именно развивающийся Абсолют, развивающийся и в себе (Логика), и в своем ином (Природа), и в своем возвращении к себе (Дух). Поэтому-то логическим и духовным «ядром-субстанцией» мировой истории является не Свобода сама по себе, а Свобода как один из принципов самого Абсолюта. То есть в истории только с частной и внешней стороны мы видим развитие всех особенных моментов Объективного духа (право – мораль – нравственность с ее семьей – обществом и государством). С точки зрения же всеобщего это движение самого Абсолюта и его духовных форм: Искусства – Религии – Философии. То есть все формы субъективного и объективного духа в мировой истории – это еще не развернувший себя в свое иное Абсолютный дух. Поэтому мы и должны анализировать особенные формы объективного духа в истории не сами по себе, а сквозь призму наличия в них всеобщего, абсолютного.

В то же время мы целиком и полностью согласны с тезисом А. А. Тащиана о необходимости подробного анализа развития *правовой реальности* исторического бытия народа. Нужно показать через более детальное рассмотрение самих элементов государственной и правовой жизни, как изменение духа в себе самом придает им элементы всеобщности в самой эмпирической сфере. Эта работа, однако, требует специального внимания, наработки более широкой эмпирической базы, поэтому в ходе уже выполненного исследования мы попытались только наметить это движение. При этом мы исходили из того, что в своих «Лекциях по философии истории» Гегель уже раскрыл принцип христианских европейских государств, где торжествует, согласно его утверждению, принцип «все свободны», где государственное устройство основано на разумности протестантского духа и содержит в себе благодаря этому духу понимание необходимости расчлененности сословий и властей [4, с. 361–364]. Хорошо известно, однако, что эти самые протестантские государства вдруг вступают в полосу небывалого кризиса. Зафиксированное как необходимое равновесие сословий вдруг нарушается, за внутренним брожением, кризисом внутреннего права тут же следует кризис международного права, закончившийся Первой и Второй мировыми войнами. То есть мы имеем здесь фактически тотальный правовой кризис западного общества. Результатом данного кризиса явилось создание новой правовой реальности: с одной стороны, советского государства, которое в кратчайшее время создает (ценой небывалого напряжения, жертв, голода, репрессий) устойчивую правовую форму на огромной евроазиатской территории, там, где только что бесчинствовал произвол, а с другой стороны – нацистского государства на протестантской почве. Этим историко-правовым явлениям XX в. современное массовое сознание дало название «тоталитарные». Здесь хорошо видно, что даже язык зафиксировал связь советской и

нацистской империй с духом развития идеи всеобщности (тотальности). После своего историко-правового утверждения фашизм и коммунизм вступают в конфликт сначала со старыми христианскими государствами, но дальнейшее развитие событий приводит их к неизбежному военному столкновению, в котором право всемирной истории оказывается на стороне Советской России. В результате Второй мировой войны устанавливается такое состояние международного права, где одной из сторон, гарантирующих мировой правопорядок, становится новое, понесшее в этой войне неисчислимые человеческие жертвы, советское государство.

Все эти явления, хотя и в очень общей форме, демонстрируют движение самой объективной правовой реальности к всеобщности. Очевидно, что в XX в. советское государство испытало колоссальный натиск со стороны западно-протестантского мира (интервенция, фашистская оккупация, послевоенные испытания «холодной» и информационной войны и т.д.). Несмотря на все эти неблагоприятные для СССР обстоятельства, новая правовая реальность продолжала развиваться в самой себе. Она оказалась настолько энергичной, что ее не сломленный Второй мировой войной дух позволил создать такую промышленность и позитивную науку, которые совершили небывалый в истории человечества прорыв – выход человека в космос. В короткие по историческим меркам сроки советское государство осознало факт неправового использования принудительного труда своих граждан. В сфере права развитие момента всеобщности шло таким образом, что абстракция всеобщности не считалась с разумной расчлененностью моментов государства, и последнее было всецело подчинено этому новому принципу, нашедшему выражение в таких институтах, как «партия» и ее «органы». Развиваясь в себе, этот всеобщий момент постепенно дошел до осознания необходимости подчинения государственности ее собственному понятию, ее национально-исторической идее. В то же время был продолжен поиск всеобщности уже не только в сфере объективности, но и в самом духе народа, в его искусстве, религии и науке. Но, начав этот процесс «перестройкой», современное русское сознание потеряло свою самостоятельность, запуталось в новых и старых представлениях о государственном устройстве, понадеялось на уже реализовавший себя в истории западный социально-политический и экономический опыт.

Путь России в современном мире и поиск новых оснований духовной идентичности

Социально-политическая реформа, начавшаяся горбачевской «перестройкой», явилась внешним выражением изменений более серьезного порядка – в самом духе современной России. Это изменение состояло в том, что сознание народов СССР в силу различных причин было расшатано, потеряло уверенность в правильности своего пути и в качестве путеводной звезды избрало для

себя опыт развития западных государств. Именно в опоре на этот последний Россия рассчитывала найти решение своих культурных и прежде всего экономических проблем, если не достичь, то хотя бы приблизиться к тем жизненным стандартам, по которым живет иной цивилизованный мир.

В этом своем стремлении побыстрее придать своим жизненным формам более разумный и прагматичный характер, примером которого долгое время была, а быть может, все еще остается западная государственная и экономическая модель, русские зачастую упускали то обстоятельство, что материальная и политическая свобода Запада есть только внешнее выражение его разумного духа, который коренится в глубине католического и протестантского понимания христианской идеи. Западные европейцы и американцы имеют разумное внешнее бытие настолько, насколько они разумны внутренне в своем религиозном мышлении. Реализация либеральной политической формы и достижение подобного западному материального успеха, таким образом, неразрывно связаны с принятием протестантско-католической этики. Над пропагандой в России этого, в общем-то, справедливого тезиса активно работают многочисленные западные миссионеры. Но поскольку русская культурная традиция связана с иной формой христианской идеи, то русское сознание справедливо противится этому процессу, видя в нем потерю своей духовной автономии, и духовным основанием будущего русского успеха пытаются поэтому сделать традиционные для нашей культуры православные ценности. При этом, однако, нередко упускается из виду то обстоятельство, что именно объективная слабость духа нашей традиционной религии была причиной того, что коммунистическая доктрина успела справиться с ней. Создается впечатление исторического тупика: мы хотим утвердить самую развитую форму политической и экономической свободы, не имея для этого историко-религиозных, духовных оснований.

Однако мы полагаем, что современное положение России все-таки не столь трагично, так как «эпоха религии» уже вообще изжита мировой культурой. Духовная свобода давно уже получила возможность не религиозного, а разумно-философского познания. Католическо-протестантские, религиозные ценности («западнохристианская этика») в XIX в. приобрели вид философской идеи, выраженной немецкой классической философией. Дух, разум «христианской этики» (не только западнохристианской, а христианской этики вообще, включая и православную) с этого момента открыт для всех народов в свободной форме разумно-необходимого философского дискурса. С появлением системы абсолютного идеализма разум не только знает себя уже в особенных формах искусства и религии, не только ухватывает себя в форме распавшихся во времени случайных философских учений, но и раскрыт для себя всецело, необходимо, как универсальная, единая для всего человечества метафизическая система разумного. Россия, таким образом, наравне с остальными народами, имеет возможность строить свое бытие, основываясь и на религиозной мора-

ли (которая тоже разумна, но ее разумность субъективно-чувственна, т.е. до значительной степени случайна), и всецело на этих метафизических, необходимых разумных началах.

Кроме этой традиционной религиозно-нравственной мотивации русские имеют то большое преимущество (в данный момент они считают его самой большой ошибкой своей культуры), что их новейшая история оказалась непосредственно связанной с «метафизической идеей», которая несовершенно проявилась в истории коммунистического государства. Иными словами, с философско-исторической точки зрения коммунистическая эпоха содержит в себе массу оснований, позволяющих объяснять ее как период исторической объективации метафизической, философской идеи.

Итак, Россия имеет на собственной национальной почве самое бесценное богатство: не только развитый религиозный разум (который всегда в той или иной степени партикулярен), но и всеобщий философский дух. Этот последний, однако, все еще не раскрыт, так как в коммунизме философский разум проявил себя лишь на уровне объективного явления. Но именно данный факт дает русским основание освободиться от комплекса исторического неудачника, перестать искать примеры для подражания на стороне³ и найти духовный центр не только в западной, но и в собственной культуре. В более чем тысячетелетней истории своего народа мы должны найти прочные основания для собственного самоуважения, гордости и созидательного труда.

Библиографический список

1. Бойко П.Е. Абсолютный идеализм в российской истории и философии // Философия и будущее цивилизации: Тез. докл. и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.): В 5 т. М.: Современные тетради, 2005. Т. 2.
2. Бойко П.Е. Актуальность абсолютного идеализма // Высшее образование в России. 2006. № 3.
3. Бойко П.Е. Русская идея в свете философии абсолютного идеализма // Изв. вузов. Северо-Кавказский регион. Обществ. науки. Приложение. 2005. № 12.
4. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993.

³ По словам Е. С. Линькова, «Идея человеческого рода одна... а вот реальность идеи, как особенное бытие – многообразна. Это и есть народы. Поэтому откуда кто-то взял, что какой-то народ должен механически перенимать традиции другого, заниматься обезьянничаньем и т.д. Каждый народ есть особенное бытие Идеи. Каждый народ и действует, чтобы максимально, в пределах своих реальных возможностей, реализовывать и осуществлять эту абсолютную Идею всего человеческого рода на Земле. Идея осуществляет себя через особенные формы народов. И каждый особенный народ может иметь отношение к развитию Идеи особенным образом ... Причем национальные идеи не зависят ни от воли, ни от сознания, ни от мышления ни индивида, ни народа, ни всех народов. Наоборот, народы от нее зависят! Общеисторическая Идея определяет народы. Она реализует сама себя через них» (Интервью с Е. С. Линьковым О. Ю. Сумина от 17.02.2006. Рукопись.)

5. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук: В 3 т. М.: Наука, 1977. Т. 3.
6. *Киссель М.А.* Гегель и современный мир. Л.: ЛГУ, 1982.
7. *Сумин О.Ю.* Гегель как судьба России. 2-е изд., испр. и доп. Краснодар: Глагол, 2005.
8. *Сумин О.Ю.* Незавершенность лекций Гегеля по философии истории как предпосылка философии истории русско-советского периода // Русская философия и православие в контексте мировой культуры: Сб. матер. Междунар. науч. конф. Краснодар: КубГУ, 2005.
9. *Сумин О.Ю.* Судьба России в контексте философии истории абсолютного идеализма // Русская философия и православие в контексте мировой культуры: Сб. ст. участников Междунар. науч. конф. Краснодар: КубГУ, 2005.

ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ (НА ПРИМЕРЕ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

.....
А.Н. Григорьев, А.А. Сухоцкий, А.Б. Сидоров*

Как показывает опыт Новгородской области, традиционные средства обработки и представления информации для принятия управленческих решений недостаточно эффективны. Эффект повышается, когда статистические данные о населении, объектах деятельности человека и последствиях этой деятельности привязаны к географическим характеристикам территории. Такую привязку обеспечивают современные геоинформационные системы, представляющие собой комплексный инструмент рационального природопользования, управления и исследования явлений на местности при помощи средств вычислительной техники. Многие субъекты РФ испытывают острую необходимость в концентрации, обобщении и регулярном мониторинге данных о своих регионах, в учете региональной специфики (табл.1)

Необходимость практического использования космических и других современных технологий вызвана также потребностью повышения эффективности принимаемых мер по защите населения и объектов инфраструктуры от негативного воздействия техногенных, природных и террористических факторов. Кроме того, в последнее время наблюдается активизация ведущих зарубежных предприятий на российском рынке современных технологий и услуг, особенно в области навигации, телекоммуникаций, геодезии, что создает реальную угрозу для национальной безопасности РФ.

* Григорьев Александр Николаевич – кандидат экономических наук, заведующий отделом сводного экономического анализа и прогнозирования администрации Новгородской области. Электронная почта: nfszags@mail.natm.ru.

Сухоцкий Андрей Андреевич – аспирант Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Электронная почта: ooo-oda@mail.ru.

Сидоров Андрей Борисович – соискатель Северо-Западной академии государственной службы. Электронная почта: nfszags@mail.natm.ru.

Таблица 1

Необходимость создания базовых региональных навигационно-информационных систем мониторинга и управления (РНИС)

Объективные предпосылки внедрения космических технологий и услуг	Сдерживающие факторы
Необходимость получения объективных данных о состоянии региона Рост информационных технологий в регионах, их готовность к практическому внедрению Обеспечение информационной совместимости регионов (единого информационно-навигационного пространства РФ) Рост угроз террористического, техногенного и природного характера Угроза потерять самостоятельность России в сфере современных информационных технологий вследствие активизации зарубежных информационных фирм	Отсутствие механизмов интеграции усилий и ресурсов органов исполнительной власти федерального и регионального уровней, органов местного самоуправления и предпринимательского сектора Отсутствие единой научно-технической политики и четкого распределения ответственности за решение практических задач информатизации регионов Неотработанность схем информационного взаимодействия регионов при реализации региональных и межрегиональных проектов Слабое привлечение крупных российских оборонных предприятий к информатизации регионов

Создание и развертывание инфраструктуры для использования космических систем будет способствовать интеграции ресурсов и усилий органов государственной власти РФ, органов государственной власти области, органов местного самоуправления, а также предпринимательского сектора, направленных на внедрение космических и других современных технологий, повышение экономической отдачи от их использования.

Комплексная информатизация позволит при относительно незначительных затратах обеспечить высокий экономический и социальный эффект [2, с. 75]. Расчетные параметры сравнительной эффективности некоторых услуг, оказываемых с использованием космических технологий, представлены в табл. 2.

Единая геоинформационная система области даст возможность повысить качество управленческих решений, касающихся охраны окружающей среды, критически важных и потенциально опасных объектов инфраструктуры и опасных грузов, лесного, водного, газового хозяйства, мониторинга состояния транспортных систем, социально-гигиенической обстановки, землеустройства и землепользования, градостроительства и учета объектов недвижимости.

Под геоинформационной системой (ГИС) принято понимать аппаратно-программный комплекс, обеспечивающий сбор, обработку, отображение и распространение пространственно-координированных данных, интеграцию (соединение) данных и знаний о территории для их эффективного использования при решении научных и прикладных задач, связанных с инвентаризацией,

Таблица 2

Оценка эффективности услуг, оказываемых с использованием космических технологий

Область применения	Результаты
Создание земельного кадастра	Уменьшение сроков выполнения работ в 3 раза Увеличение поступления земельных платежей в 1,5 раза
Геодезические работы	Уменьшение сроков выполнения работ в 3 раза Снижение затрат в 2 раза
Создание городской дорожной инфраструктуры	Уменьшение сроков выполнения работ в 2 раза Снижение затрат на 35 % Уменьшение объемов архитектурно-планировочных работ на 30 %
Управление транспортными потоками и средствами	Экономия ресурсов на 10–25% Независимый контроль транспорта Повышение безопасности

анализом, моделированием, прогнозированием и управлением окружающей средой и территориальной организацией общества.

Технология ГИС обеспечивает накопление координатно-привязанных данных, их анализ, интерпретацию в виде картографических изображений средствами машинной графики. Картографический метод обладает познавательными и практическими преимуществами по сравнению с обычными методами моделирования и представления результатов, которые в настоящее время используются в большинстве автоматизированных систем органов государственного управления области.

В соответствии с Концепцией информатизации органов государственной власти Новгородской области [5] и Концепцией создания ГИС ОГВ Федеральной службы геодезии и картографии геоинформационная система Новгородской области разрабатывается как совокупность природно-ресурсных кадастров области (земельного, водного, минерально-сырьевого, системы экологического мониторинга) и межведомственных информационных систем общего пользования. Данные, хранимые в геоинформационной системе области, представляют собой систему совмещенных тематических информационных слоев природно-ресурсных кадастров, базирующихся на единой топографо-геодезической основе, согласованных классификаторах информации, форматах и структурах данных.

Геоинформационная система органов государственного управления (ГИС ОГУ) представляет собой многоуровневую иерархическую структуру [1; 3]. Основной структурной единицей является объект ГИС ОГУ, представляю-

щий собой программно-технический комплекс государственного управления. Каждый объект ГИС ОГУ обязан обеспечивать необходимой информацией органы управления своего уровня, а также поставлять для вышестоящих объектов обобщенную информацию в объеме, отвечающем уровню ответственности. На уровне субъекта Федерации (области) объекты ГИС ОГУ можно разделить на две группы, в зависимости от возложенных функций и положения в структуре управления:

- объекты ГИС ОГУ сбора, накопления, обработки и выдачи первичной информации в виде тематических слоев; здесь же осуществляется привязка всей совокупности объектов инфраструктуры к территории;
- объекты ГИС ОГУ принятия управленческих решений на основе обобщения данных, их анализа и представления в удобной для пользователя форме.

Такое разделение (выход ГИС организации – вход ГИС администрации) позволяет разгрузить уровень принятия управленческих решений от ответственности за полноту, достоверность и актуальность первичной информации и сосредоточиться на поиске оптимальных решений по конкретной проблеме.

Объект ГИС ОГУ представляет собой унифицированный набор функциональных составляющих: пользовательский интерфейс; систему управления базами данных (СУБД); ввод данных; базы данных; средства анализа; отображение и создание конечного продукта. Содержание и форма выходной информации (таблицы, диаграммы, графики, картографические документы и т.п.) определяются потенциальным пользователем на этапе проектирования ГИС. Объекты ГИС ОГУ взаимодействуют путем обмена информацией. Объекты верхнего уровня ГИС ОГУ получают необходимую информацию от объектов нижнего уровня. Объекты нижнего уровня должны быть обеспечены нормативно-справочной информацией, поступающей от объектов верхнего уровня.

Периодичность обмена данными и способ их передачи определяются их типом. Данные, передаваемые от объектов нижнего уровня объектам верхних уровней, могут быть разделены на три основных типа:

- долговременного использования;
- оперативные сведения;
- срочные сообщения.

К информации долговременного использования могут относиться сведения о запасах, состоянии природных ресурсов, населении региона и т.п.

Оперативные сведения включают сводки о состоянии быстро протекающих процессов, например, о поступлении в бюджеты налогов и платежей, контрольных проверках выполнения условий соглашений лицензий на право пользования недрами и др.

В число срочных входят сообщения, требующие немедленного принятия решений в органах власти, например, данные о крупной аварии, стихийном бедствии и т.п.

В качестве топографо-геодезической основы ГИС ОГУ области, к которой производится привязка и систематизация всех поступающих данных, должны использоваться цифровые карты, отвечающие следующим требованиям:

- полнота (цифровые карты, имеющиеся на каждом из объектов ГИС ОГУ, должны покрывать всю территорию объекта управления);
- высокая достоверность и актуальность (цифровые карты должны соответствовать реальному состоянию территории объекта управления);
- точность (положение географических объектов на цифровых картах должно быть в реальной системе координат, достаточной для анализа ситуаций и подготовки любых документов);
- единство (цифровые карты на одну и ту же территорию, имеющиеся на объектах ГИС ОГУ разных уровней, должны быть совместимы).

Для внедрения региональной ГИС между Администрацией Новгородской области и Федеральным космическим агентством было заключено комплексное, долгосрочное соглашение, основные направления которого представлены в виде матрицы (табл. 3).

Поскольку соглашение охватывает практически все сферы хозяйственной и социальной деятельности в регионе, при его реализации необходимо выделить ближайшие задачи, имеющие базовое, системообразующее значение для региона и в максимальной степени учитывающие специфику развития области. Такими задачами являются:

- всемерное расширение суммы знаний о регионе и протекающих в нем экономических, природных и других процессах;
- формирование методов, механизмов и средств получения и практического использования этих знаний для мониторинга состояния, совершенствования управления регионом и прогнозирования его развития.

Для практической реализации этих задач предлагается создать региональную навигационно-информационную систему мониторинга и управления (РНИС), общая концепция которой представлена на рис. 1. Основу региональной навигационно-информационной системы мониторинга и управления составляют базовые, постоянно действующие региональные информационные поля:

- геоинформационное поле, т.е. сумма разнообразных знаний о регионе, интегрированная с электронными и топогеодезическими картами различного масштаба;

Таблица 3

Матрица стратегических направлений использования космических систем в решении задач социально-экономического развития региона

Координация и совместное выполнение программ (проектов, работ)	Создание региональной геоинформационной системы и электронных карт	Развитие системы мониторинга окружающей среды	Исследования и контроль природных ресурсов
Развитие автоматизированной системы управления областью, включая ситуационный центр	Повышение эффективности сельского хозяйства	Создание системы (центра) приема и использования информации от космических систем наблюдения	Создание кадастров земель и объектов недвижимости
Развитие телекоммуникационной инфраструктуры области	Создание региональной навигационно-информационной системы мониторинга и управления	Создание систем мониторинга и управления транспортом	Энерго- и ресурсосберегающие технологии
Создание пунктов приема космической информации системы поиска и спасения	Создание систем мониторинга и обеспечения безопасности жизнедеятельности	Создание системы оповещения населения и специальных служб	Обучение специалистов, создание инновационных центров
Формирование сети операторов услуг	Создание регионального центра мониторинга	Создание региональной системы позиционирования высокой точности	Совершенствование нормативной правовой базы

– навигационное поле, позволяющее с любой заданной точностью определять местоположение любых объектов, границ участков, дорог, зданий, сооружений, транспортных средств и т.д.;

– поле телекоммуникаций на основе существующих телерадиовещательных сетей (система компьютерного вещания).

При координирующей роли администрации области эти базовые региональные поля с использованием создаваемого института федеральных и региональных операторов услуг должны обеспечить достижение двух целей программы «Космос-регион» – ускорение социально-экономического развития региона, включая его муниципальные образования, и безопасность жизнедеятельности населения и объектов инфраструктуры региона. Обе эти цели подчинены основной цели – повышению качества жизни населения.

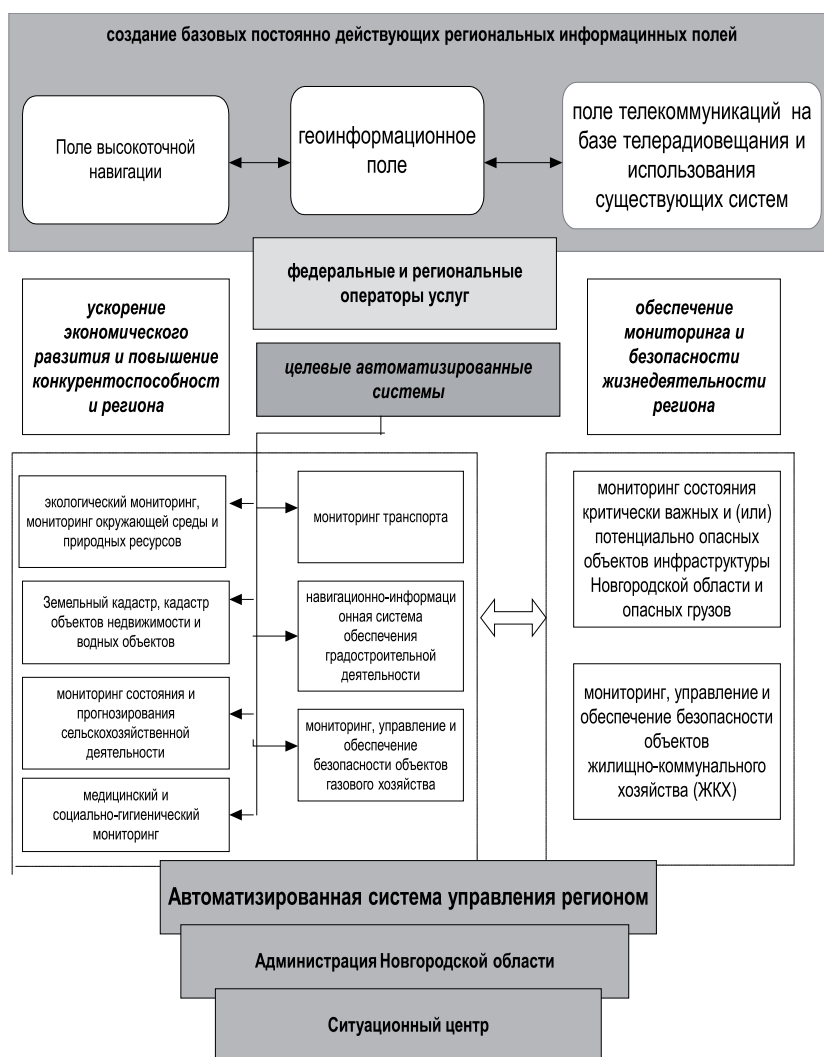

Рис. 1. Концепция региональной навигационно-информационной системы мониторинга и управления

Принципиальное отличие данной Программы от других – ярко выраженная ориентация на создание в составе РНИС завершенных целевых автоматизированных систем, обеспечивающих решение конкретных задач в интересах определенных видов деятельности. В качестве первоочередных автоматизированных систем предлагаются системы, представленные на рис. 2. Они тесно связаны функционально между собой, их взаимодействие будет организовано в рамках региональной навигационно-информационной системы мониторинга и управления. Общее управление РНИС и входящими в ее состав автоматизи-

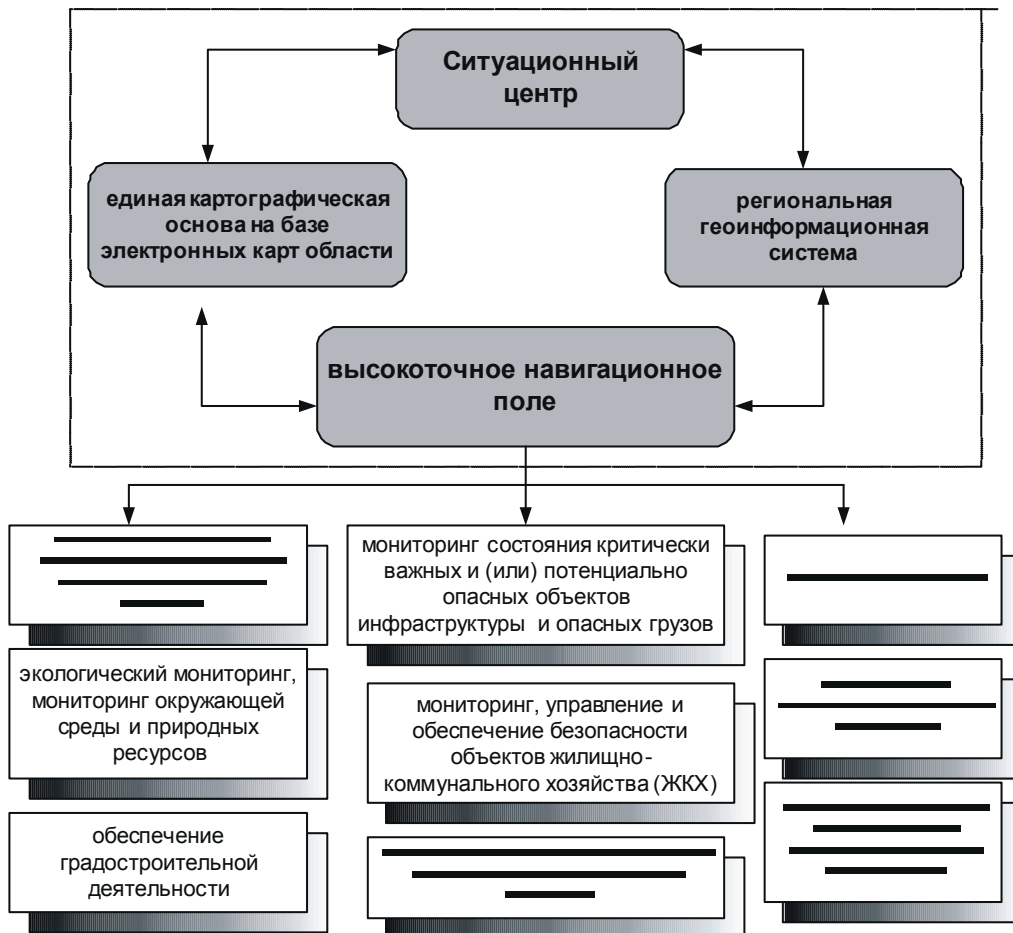

Рис. 2. Структура целевых автоматизированных систем

рованными системами будет осуществляться из регионального Ситуационного центра.

Основные (базовые) носители знаний о регионе – электронные топографические карты. Однако в настоящее время целостная топографическая основа области, как и во многих других субъектах РФ, отсутствует. В Новгородской области работы по картографированию объектов недвижимости и природных ресурсов ведутся с 1994 г., после того, как постановлением главы администрации Новгородской области «О создании геоинформационной системы Новгородской области» были систематизированы работы по созданию геоинформационной системы региона и администрацией области разработан соответствующий пакет документов (подробнее см.: [4, 6–9]). Поэтому в качестве первоочередного шага предлагается совместно с Роскартографией провести

инвентаризацию всех имеющихся и планируемых к созданию карт на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Только после этого целесообразно осуществлять космическую и авиационную съемку территории и населенных пунктов области для формирования единой электронной картографической базы.

Системная увязка всех имеющихся и создаваемых топокарт в единую картографическую основу области потребует объединения усилий и ресурсов федеральных и региональных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления и заинтересованных инвесторов. На этой основе будет создана геоинформационная система области, включающая до нескольких сотен специализированных тематических слоев в интересах широкого класса потребителей. При этом каждый слой (подсистема ГИС) – промышленность, экология, экономика, безопасность, транспорт, водное хозяйство, лесное хозяйство и др. – будет обеспечивать специфический вид деятельности.

Экономический комитет Законодательного собрания Новгородской области в 1997–2003 гг. провел работу по созданию ГИС «Природные ресурсы Новгородской области» и комплексного территориального кадастра природных ресурсов (КТКПР). Кадастр содержит систему сведений о правовом режиме природных ресурсов и природно-ресурсного потенциала в целом, о распределении природных ресурсов по собственности, пользователям и арендаторам, составу природно-ресурсного потенциала, его количественным и качественным характеристикам. В целом КТКПР обеспечивает органы государственной власти и управления достоверной информацией и средствами контроля, необходимыми для рационального природопользования и охраны природно-ресурсного потенциала региона. Ведение КТКПР включает сбор, учет, обработку, анализ и выдачу природно-кадастровой информации.

Многие предлагаемые Программой направления работ в настоящее время в той или иной степени ведутся и финансируются в соответствии с различными областными программами.

Создание типовых информационных полей и целевых автоматизированных систем будет способствовать формированию единого навигационно-информационного пространства РФ. Реализация стоящих задач потребует создания качественно новой информационной, инновационной и пользовательской инфраструктуры, обеспечивающей потребности территориального народнохозяйственного комплекса (рис. 3).

Использование космических и других современных технологий потребует совершенствования действующей системы нормативных правовых актов, особенно в таких направлениях, как оказание операторских услуг, обеспечение функционирования Ситуационного центра и геоинформационной системы, совершенствование законодательства в сфере мониторинга, страхования, установления норм и правил обеспечения безопасности жизнедеятельности и

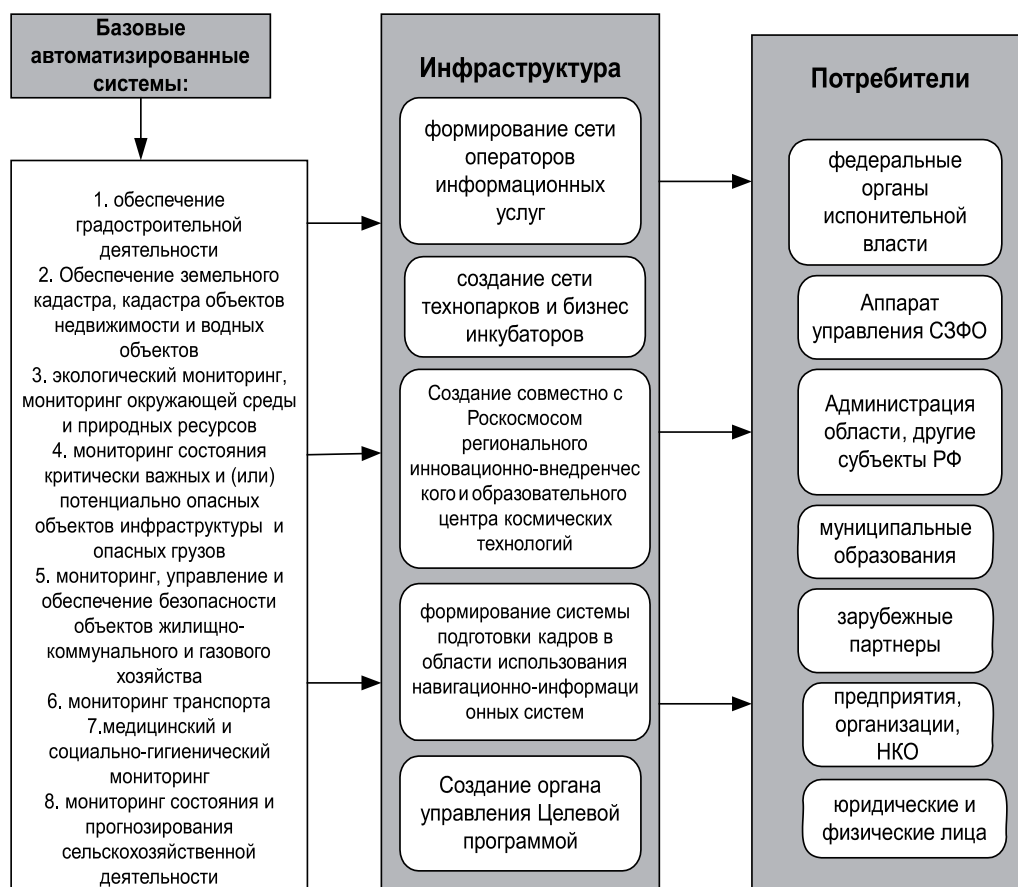

Рис. 3. Структура программы «Космос-регион»

других сферах деятельности. В перспективе на 2010–2015 гг. планируется разработать и принять систему нормативно-правовых актов, стимулирующих инновационные механизмы использования космических и других современных технологий и услуг в интересах повышения конкурентоспособности региона. Особое внимание при реализации данного программного подхода необходимо уделить инфраструктурному и кадровому обеспечению процесса реализации региональной навигационно-информационной системы мониторинга и управления. С учетом стратегии социально-экономического развития Новгородской области на основе созданного научно-технического и организационного задела с 2009 г. предлагается продолжать и развивать данное направление работ в рамках областной целевой программы на период до 2015 г.

Предлагаемый подход к ускорению развития и повышению конкурентоспособности регионов для РФ является качественно новым. Его основу составляет системы и программы, ориентированные на решение по единым замыслу, от-

раженному в конкретных, первоочередных задачах Программы по повышению качества жизни населения области. Реализация этого подхода позволит создать базовое ядро современной региональной навигационно-информационной системы мониторинга и управления, обеспечивающей динамичное развитие области на длительную перспективу.

Сегодня в муниципальных образованиях нет региональной навигационной системы. Создание региональной системы высокоточной спутниковой навигации и организация на ее основе автоматизированных систем ведения земельного и градостроительного кадастров и учета объектов недвижимости (на основе единой региональной геоинформационной системы) позволит навести порядок и упростить процесс контроля за учетом объектов недвижимости в едином формате. Эффективность использования данной системы будет выражаться в более точных расчетах при определении земельного налога и налога на недвижимость, что приведет к значительным дополнительным поступлениям в бюджет области, часть из которых может быть использована для ускорения решения новых задач информатизации области.

Безусловная полезность применения автоматизированной системы высокоточной навигации, создаваемой в интересах широкого круга потребителей, будет проявляться также в проведении высокоточных геодезических и топографических работ, мониторинге инженерных сооружений, межевании земель, определении границ участков и т.п.

Одним из ключевых аспектов полезности и эффективности использования создаваемой геоинформационной системы станет мониторинг состояния и прогнозирования сельскохозяйственной деятельности – важнейшей отрасли экономики области. С созданием геоинформационной системы станет возможным получение ежедневной достоверной информации о состоянии сельскохозяйственных угодий, проведение полной инвентаризации земель с определением их качества, размеров, типов использования, состояния посевов, прогноза урожайности, а также объективная и независимая оценка эффективности использования земель. Наведение порядка и повышение производительности в сельском хозяйстве – это серьезный фактор роста экономики области в целом.

Создание эффективных систем безопасности и мониторинга вызовет качественные преобразования в системе страхования рисков, позволит привлечь в регион дополнительные инвестиции.

Для успешного претворения в жизнь мероприятий предлагаемого подхода необходимо создание региональной инфраструктуры для ускорения и эффективного внедрения современных технологий, включающей:

- формирование сети операторов информационных услуг;

- создание образовательного центра космических технологий, сети технопарков и бизнес-инкубаторов, работающих в сфере высоких технологий;
- формирование системы подготовки кадров в области создания и использования региональных навигационно-информационных систем и технологий;
- создание органа управления Программой – координационного совета.

В целом реализация предлагаемого подхода на программно-целевой основе способна обеспечить качественное преобразование области и решить задачи, далеко выходящие за рамки одного субъекта РФ.

Библиографический список

1. Информационные системы как комплексный инструмент решения экономико-экологических вопросов природопользования // Географические информационные системы и устойчивое экономическое развитие региона. Псков: ПГПИ, 1997.
2. Использование космических и других современных технологий и услуг в интересах ускорения социально-экономического развития Новгородской области на 2006–2008 гг.: Областная целевая программа. Великий Новгород: РосНИИ космического приборостроения, 2006.
3. Концепция информатизации органов управления Новгородской области / Администрация Новгородской области. Новгород, 1995.
4. Об утверждении Программы создания государственной автоматизированной системы земельного кадастра Новгородской области: Постановление администрации Новгородской области № 25 от 30.01.1996. Новгород: НИАЦ адм. Новгород. обл., 1996.
5. О комплексной Программе информатизации органов управления Новгородской области на 1995–1997 гг.: Постановление администрации Новгородской области № 312 от 05.10.1995. Новгород: НИАЦ адм. Новгород. обл., 1995.
6. О мерах по скорейшему завершению работ по комплексному изучению природных ресурсов Новгородской области на основе использования космической информации: Решение исполнительного комитета Новгородского областного Совета народных депутатов № 294 от 13.07.1990. Новгород: НИАЦ адм. Новгород. обл., 1990.
7. О разработке Концепции информатизации органов управления Новгородской области: Постановление администрации Новгородской области № 38 от 17.02.1995. Новгород: НИАЦ адм. Новгород. обл., 1995.
8. О создании геоинформационной системы Новгородской области: Постановление Главы администрации Новгородской области № 136 от 20.05.1994. Новгород: НИАЦ адм. Новгород. обл., 1994.
9. Соглашение между администрацией Новгородской области и Федеральной службой геодезии и картографии РФ о создании геоинформационной системы Новгородской области. М.; Новгород, 1995.

.....

Зарицкий Т. Образ России в конструировании польской национальной идентичности // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 2.

Текст представляет собой сокращенную версию главы из готовящейся к изданию книги: Россияне и поляки на рубеже веков. Опыт сравнительных исследований социальных идентификаций (1998–2002 гг.) / Под ред. В.А. Ядова и Е.Н. Даниловой. СПб.: Изд-во РХГИ. В польском политическом дискурсе Россия часто рисуется как менее цивилизованная страна, представляющая для Польши военную, политическую или экономическую угрозу. При этом поляки в некоторых отношениях с большей открытостью и меньшей боязнью смотрят на Россию, чем многие народы на Западе. Не претендуя на репрезентативную картину того, как Россия воспринимается в Польше, автор исследует функции, которые выполняют в польском политическом дискурсе негативные аспекты образа России.

Библиогр. 24 назв.

Оберемко О.А. Социальная идентификация и качество социальной структуры // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 2.

По данным массовых опросов, проведенных в России и Польше (2002 г.), россияне демонстрировали устойчивую идентификацию с большим количеством социальных общностей, чем поляки. В первой части статьи изложены итоги тестирования двух альтернативных толкований полученных результатов: устойчивая идентификация с многими социально-структурными общностями (1) компенсирует нечеткость социальной разметки российского общества и неадаптированность населения к переменам, или (2) свидетельствует об открытости взаимодействию с представителями различных социальных групп, социальном оптимизме и накопленном (или сохраненном) социальном капитале. В результате анализа предпочтение было отдано второму толкованию: российское общество образца 2002 г. обладало большим социальным капиталом по сравнению с польским обществом. Во второй части статьи эмпирический вывод вписывается в контекст дискуссии об итогах трансформации российского и польского обществ.

Ил. 2. Библиогр. 27 назв.

Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Феноменология профессионализма: практическое знание в социальной работе // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 2.

Теория социальной работы трактуется в социально-конструктивистском ключе, а практический опыт рассматривается как основа профессиональной экспертизы. Авторы приводят ряд методов и приемов, позволяющих приблизиться к непосредственному опыту людей, участвующих в процессах социальной работы. Подобный подход позволяет пересмотреть властные иерархии, сложившиеся в области экспертизы социальных проблем, и устоявшиеся, но далеко не всегда эффективные приемы их решения.

Библиогр. 43 назв.

Албегова И.Ф. Современное состояние теории социальной работы как области научного познания // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 2.

Автор показывает, что социальная работа как область практической деятельности, основанная на междисциплинарном знании, стала продуктом развития ряда социально-гуманитарных дисциплин, продуктом разделения труда в науке. При этом теория социальной работы нацелена на обобщение достижений смежных научных дисциплин.

Библиогр. 10 назв.

Антонова Е.П. Мотивы детского труда в отрядах «Милосердие» // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 2.

Формы организованной занятости детей складываются на пересечении государственной политики и социально одобряемых видов деятельности. Одной из таких форм является социальная работа несовершеннолетних в отрядах «Милосердие». Мотивы участия подростков в отрядах «Милосердие» связаны с потребностями в трудовой активности, в самореализации, с желанием материально помочь своей семье.

Библиогр. 8 назв.

Хлынина Т.П., Тинский Э.Б. Государственная поддержка малообеспеченных категорий населения в Республике Адыгея: опыт сравнения 1920-х и 1990-х гг. // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 2.

Результаты архивных изысканий в Республике Адыгея позволили авторам обнаружить параллели между тем, как складывалась система государственной поддержки малообеспеченных категорий населения в 1920-е и в 1990-е гг.

Библиогр. 16 назв.

Тартаковская И.Н. Гендерный дискурс в классической социальной теории // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 2.

В тексте, написанном для учебных целей, показано, что социальная теория не придерживалась единой трактовки «женского вопроса» и всегда испытывала влияние внешних, вненаучных факторов. Представлены ключевые сюжеты в освещении классиков: Дж. С. Милля, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, Т. Парсонса.

Библиогр. 18 назв.

Парсонс Т. Американская семья: ее отношения с личностью и социальной структурой // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 2.

Данный текст представляет образец такого структурно-функционального анализа социального института семьи, в котором сочетание индивидуалистической и холистской перспектив позволяет выйти за пределы здравого смысла «белых мужчин из среднего класса», показать возможность преодоления самого структурно-функционального подхода и прийти к нетривиальным выводам относительно «кризиса семьи».

Табл. 1. Библиогр. 1 назв.

Бойко П.Е., Сумин О.Ю. Идея России: особенности современной философии русской истории // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 2.

Статья является частью общего замысла — дать целостное видение логики современной российской истории как необходимой составляющей всемирно-исторического процесса, в которой тотальность идеи и духа России раскрывается в единстве русского национального самосознания и реальности его исторического бытия. Авторы утверждают, что современная Россия имеет возможность строить свое духовное, социально-политическое и экономическое бытие не только на традиционной религиозной морали, но и на классической философской образованности как всеобщем основании правового государства в современном мире.

Библиогр. 9 назв.

Дзема А.И. Становление «открытого общества» и поэлементная социальная инженерия Карла Поппера // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 2.

В статье исследуются научные основания поэлементной социальной инженерии, предполагающей постепенное, частичное реформирование социальных и политических институтов как необходимое условие общественного прогресса.

Библиогр. 11 назв.

Титова А.Г. Гуманитарные ценности в современном политическом процессе // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 2.

Инициированный политиками ускоренный транзит России от традиционного к «рациональному» обществу, где индивиду положено быть эгоистичным и в узком смысле рациональным, привел к резкому расслоению на социальные группы с противоположными интересами и отчуждению от власти. Автор призывает политические элиты к рациональности в широком смысле — интегрировать общество на основе разделяемых ценностей.

Библиогр. 14 назв.

Григорьев А.Н., Сухоцкий А.А., Сидоров А.Б. Телекоммуникационные технологии в региональном управлении (на примере Новгородской области) // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 2.

Статья представляет собой образец аргументации в пользу внедрения единой геоинформационной системы в практику регионального управления. Показана архитектура геоинформационной системы, описаны общие функции ее структурных единиц, уровни внутрисистемного управления. Приводятся сведения о скорости инновационных процессов в государственном управлении РФ и их осмысления.

Ил. 4. Библиогр. 11 назв.

SUMMARY

.....

Zarycki T. Image of Russia: constructing the Polish national identity

The article is a slightly abridged version of a chapter from the forthcoming book: *The Russians and the Poles at the edge of the centuries: a comparative study of social identifications (1998–2002)* / Ed. by V.A. Yadov and E.N. Danilova. Saint-Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute. In the Polish political discourse Russia is usually depicted as a country of lower civilization and a threat to Poland in economical, political or military dimensions. Nevertheless the Poles are in some respect more open to Russia than many in the West. The article is not to present an objective and systematic description of the current state of Polish perceptions of Russia. Negative aspects of Russia's representations in Polish public discourse are concerned.

Oberemko O.A. Social identifications and the quality of social structure

According to national polls in Poland and Russia of 2002, Russians more often tended to show firm identifications with different social groups, while Poles preferred situational identifications. Two interpretations (post hoc hypotheses) are tested: firm identifications (1) compensate social deprivation, or (2) show the massive stock of social capital. The second one is accepted and discussed in the context of evaluating Russian and Polish post-Communist transits.

Yarskay-Smirnova E.R., Romanov P.V. Phenomenology of professionalism: practical knowledge in social work

The authors adhere to social constructivism perspective onto social work theory, while practical experience is considered basic for professional expertise. Some methods and techniques of approaching to the immediate experience of practitioners (and undermining authoritative hierarchies) are discussed.

Albegova I. F. Contemporary Social Work Theory as a Field of Scientific Inquiry

The author argues that the SW theory is a product of the differentiation of labour among several social sciences and humanities; it tends to practically relevant interdisciplinary generalizations.

Antonova E.P. Children's reasons to participate in «Miloserdiye» (Charity) groups

Forms of child employment are shaped at the cross-roads of state social policy and socially approved activities. Children's reasons to participate in «Miloserdiye» (Charity) groups are examined in the article.

Khlynina T.P., Tinskiy E.B. Public support for the low-income population groups in the Republic of Adygheya in 1920s and 1990s

With archive data the article traces some parallels in the institutionalization of public support after drastic societal changes.

Tartakovskaya I.N. Gender discourse in classical social theory

The article exposes, how some classical figures in social theory — J.S. Mille, H. Spencer, E. Durkheim, G. Simmel, T. Parsons — treated the «woman question». It is argued that the content and perspective of social theory always depend on external, social factors.

Parsons T. The American Family: Its Relation to Personality and to the Social Structure

The article presents a model of structural and functional analysis of family as a social institution, which successfully combines individualistic and holistic perspectives, and permits to transcend a middle class white male «common sense» and even to transcend the structural and functional analysis as it was practiced. The author comes to non-trivial inferences about «family crisis».

Boyko P.Ye., Sumin O.Yu. Idea of Russia: specificities of actual philosophy of Russian history

The article is a partial representation of a general intention to give an integral perspective on logic of the modern Russian history as a constituting element of the world-history process, in which the totality of the idea and the spirit of Russia unfolds in the unity of the Russian national self-consciousness and reality of its historical being. The authors argue that the modern Russia has every possibility to build its spiritual, social, political and economical being, basing not only upon a traditional religious moral, but also upon the classical philosophical scholarship as a universal ground of constitutional state in the modern world.

Dzema A.I. «Open society» and piecemeal social engineering by Karl Popper

The article inquires scientific grounds of the piecemeal social engineering, suggesting partial reforming social and political institutes as indispensable condition for progress of human society.

Titova L.G. Humanitarian values in actual political process

Initiated by politicians, the rapid transition of Russia from traditional to “rational” ways of life with egotistic and rational (in the narrow sense) individuals caused drastic social differentiation, generated social groups with opposite interests and alienation from the authoritative institutes. The author calls the political elites to be rational in the broad sense — to integrate the society appealing broadly shared values.

Grigoryev A.N., Soukhotskiy A.A., Sidorov A.B. Telecommunication technologies in public administration (case of Novgorod oblast')

The article advocates application of a unified geo-informational system to the practice of administration at the regional level. Here are shown architecture of the system, general functions of structural entities, levels of intrasystem management. Rate of innovations in the sphere of public administration are estimated.